

И. Г. Тюлин

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ
ФРАНЦИИ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

И. Г. Тюлин

■

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ
ФРАНЦИИ**

■

Москва „Международные отношения“ 1988

ББК 66.4 (4Фр)

Т98

Рецензент:
доктор исторических наук
В. Г. БАРАНОВСКИЙ

Тюлин И. Г.

Т 98 Внешнеполитическая мысль современной Франции. —
М.: Междунар. отношения, 1988. — 184 с. — (Критика бур-
жуазной идеологии и ревизионизма).

ISBN 5-7133-0002-1

В монографии критически анализируются основные теории международных отношений и концепции внешней политики, выдвинутые в трудах французских политических деятелей, дипломатов, военных специалистов и политологов. Особое внимание уделяется рассмотрению их взглядов на проблемы современного этапа мирового развития и возможные подходы к их решению со стороны французских правящих кругов.

Для специалистов-международников, лекторов, пропагандистов.

0805000000—010
Т ————— КБ — 42 — 7 — 1987
003 (01) — 88

ББК 66.4 (4Фр)

ISBN 5-7133-0002-1

© „Международные отношения”, 1988

ВВЕДЕНИЕ

На исходе XX столетия вопросы войны и мира выдвинулись в центр общественной жизни, приобрели небывалые прежде остроту и значение. Никогда не была столь грозной опасность, какая сегодня нависла над миром. В результате глобального военного конфликта, которым чревата политика влиятельных кругов Запада, „не оказалось бы ни победителей, ни побежденных, но могла бы погибнуть мировая цивилизация”¹. Международное развитие подошло к рубежу, который нельзя преодолеть, не приняв в высшей степени ответственных решений, направленных на то, чтобы повернуть вспять гонку вооружений, остановить сползание человечества к войне. Обуздание сил милитаризма и войны, ликвидация ядерного оружия, обеспечение прочного мира и надежной безопасности во имя жизни и самосохранения человечества стали коренными проблемами современности, отвечающими интересам всех стран и народов. От способности государств, общественных и политических сил, каждого человека осознать остроту вопросов войны и мира в ядерный век и принять меры для предотвращения ядерного катаклизма зависят перспективы развития мирового сообщества, судьбы прогресса — научно-технического, социального, духовного, а также само будущее человеческого рода.

Вот почему в программных документах КПСС, материалах XXVII съезда КПСС, Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., его речи на международном форуме „За безъядерный мир, за выживание человечества” в Москве 16 февраля 1987 г. особо подчеркивается необходимость поиска и выработки нового политического мышления, соответствующего грозным реалиям ядерного века и прогрессивным потенциям человечества. Настоятельный призыв Советского Союза к выработке нового мышления обращен прежде всего к политическим кругам Запада, для которых осмысление критической полосы исторического развития сопряжено с необходимостью преодоления привычных представлений и стереотипов, сформировавшихся в доядерную эпоху, когда на мировой арене существовало иное

соотношение сил, иная степень интернационализации общественной жизни и взаимозависимости стран и народов.

В этих условиях анализ основных направлений и тенденций развития внешнеполитической мысли ведущих капиталистических государств приобретает большое научное и практическое значение.

Пристального внимания заслуживает внешнеполитическая мысль современной Франции. Эта страна, как известно, занимает особое место и в системе империалистических государств, и в мире в целом. С середины 60-х годов в ее внешней политике все более отчетливо стали проявляться такие черты, как самостоятельность и инициативность, что в значительной мере обусловило существенный вклад страны в прекращение „холодной войны”, становление разрядки международной напряженности, налаживание сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. И сегодня Франция как держава, обладающая значительным международным авторитетом, несмотря порой на противоречивость внешнеполитических действий, располагает большими возможностями конструктивно содействовать решению важнейших проблем современной международной жизни. В этом — одна из причин значительного и неизменного интереса Советского Союза к сохранению и развитию плодотворного политического сотрудничества с Францией.

В этой стране идейная борьба, в том числе вокруг внешнеполитических проблем, всегда находила выражение в наиболее резких, открытых формах². Современная французская внешнеполитическая мысль, отражающая широкий спектр интересов и позиций разнородных классовых сил, многослойна и разнообразна. Она отличается неодинаковой степенью глубины анализа, уровня обобщения, аргументированности. В ней тесно переплетаются, взаимно дополняя и подкрепляя друг друга, внешнеполитические программы, принципы, а также суждения о законах и свойствах явлений мировой политики, методологии их исследования.

Для того чтобы составить цельное и рельефное представление о современной французской внешнеполитической мысли, глубже раскрыть ее классовую природу, основные тенденции и практическую направленность, необходимо выделить ее основные компоненты. К ним относятся, во-первых, теории — система основных философско-методологических идей и категорий, касающихся научного познания международных отношений; во-вторых, доктрины — официально сформулированные универсальные руководящие принципы государственной внешней политики; в-третьих, концепции — совокупность взглядов политико-идеологического характера на те или иные аспекты внешнеполитического курса страны, их понимание и толкование.

В настоящей книге рассматриваются теории и концепции, которые прямо или косвенно формируют внешнеполитическую программу французского империализма. Автор вывел за рамки исследования марксистские, коммунистические воззрения. В то же время в книге показаны оценки французских марксистов, касающиеся путей и тенденций развития немарксистской внешнеполитической мысли в стране.

Хронологические рамки книги ограничены периодом Пятой республики, поскольку именно в эти годы (после 1958 г.) внешняя политика страны претерпела кардинальную перестройку, оказавшую долговременное воздействие на внешнеполитическую мысль. При этом основное внимание уделяется тем процессам, которые происходят в 80-е годы в контексте меняющейся обстановки как в стране, так и в мире в целом.

Автор надеется, что настоящая книга поможет восполнить пробел в советской научной литературе, посвященной анализу идейных основ внешней политики современного империализма.

ГЛАВА I

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1. ОСОБЕННОСТИ

Формирование внешнеполитических доктрин, концепций и теорий в различных капиталистических странах происходит неодинаково. Так, в США в послевоенные годы правительством был взят курс на усиление взаимодействия буржуазной науки и внешнеполитической практики, которое приобрело глубокий, многосторонний и долговременный характер. В результате в социально-политической структуре США, в частности в системе формулирования и проведения американской внешней политики, произошло сращивание „академического сообщества” с государственно-монополистической системой и образовался так называемый политико-академический комплекс.

Во Франции до середины 70-х годов наблюдалось крайне слабое взаимодействие между внешнеполитическими органами и учеными-международниками. Как отмечалось в докладе фонда Форда (1976 г.), посвященном анализу состояния исследований в области международных отношений в ряде западноевропейских стран, во Франции „официальные представители правительственного аппарата, военные и дипломаты живут в одном мире, ученые — в другом. Контакты между ними незначительны и большая часть продукции академического мира остается без внимания со стороны практиков. Наоборот, исследовательская деятельность последних остается недоступной академическому миру не столько по причинам политической секретности, сколько в силу традиций”¹.

Такого рода традицией во Франции являются своеобразные взаимоотношения между правящими кругами и интеллектуальной элитой, которую еще со времен эпохи Просвещения отличали высокая степень политической активности и которая всегда претендовала на роль „законодателя политической мысли”².

В то же время, поскольку в роли таких законодателей чаще всего выступали представители левых, правящий класс весьма избирательно допускал „интеллектуалов” в сферу практической политики. Здесь он последовательно использовал в качестве своей „государственной религии” сложившиеся со времен создания во

Франции единого и централизованного государства принципы „национал-кольбертизма” (по имени Ж.-Б. Кольбера — государственного деятеля эпохи абсолютизма XVII в., одного из ярких сторонников централизованного государства во Франции), который провозглашает культ верховного авторитета, всевластия государства, проповедует недопущение нанесения ему с чьей-либо стороны ущерба, создания в любом лице некой „контрвласти”. Эти принципы были положены в основу конституции Пятой республики.

Конституция закрепила фактическое преобладание главы исполнительной власти (президент) над законодательной (парламент), что означало отход от традиционного парламентаризма. Этот серьезный конституционно-политический сдвиг имел по меньшей мере два важнейших следствия. Во-первых, произошла централизация процесса принятия решений на верхних этажах власти, то есть его сосредоточение в руках узкой группы лиц, своего рода „супер-элиты”, включающей президента, премьер-министра, ведущих министров, лидеров правящей партии, личных советников главы государства и правительства. Во-вторых, в сферу „чистой политики” глубоко проникла бюрократия, которая стала участвовать в процессе выработки и принятия решений, а не только в их осуществлении.

Из чиновничьей среды во все возрастающей степени стали выдвигаться кандидаты на правительственные посты, в том числе на пост премьер-министра, что стимулировалось запретом, согласно Конституции, совмещения министерского портфеля с депутатским мандатом. Аналогично формировался и состав секретариатов президента, премьера и министров. Секретариаты теперь стали состоять преимущественно из членов „больших государственных корпусов” — Государственного совета, Генеральной инспекции финансов, Счетной палаты, представляющих „избранную” парижскую бюрократию, которая формируется исключительно из числа выпускников одних и тех же привилегированных высших учебных заведений — Института политических наук в Париже, Политехнической школы, а затем — знаменитой ЭНА — Национальной школы администрации³.

Узость круга правящей элиты, которая приобрела кастовый, замкнутый, изолированный от общества характер, а также объем сосредоточенной в ее руках власти, секретность, в обстановке которой осуществляется принятие важнейших политических решений, наконец, достаточно высокий уровень образования членов правительственной верхушки породили ее уверенность в том, что она сама может выступать в качестве идеолога своего класса. Это в значительной мере обусловило ослабление потребности правящих

кругов в сотрудничестве с деятелями науки, в том числе и во внешнеполитической сфере.

Кроме того, президент Ш. де Голль, находившийся на этом посту более 10 лет, лично разработал основные положения официальной внешнеполитической доктрины Пятой республики, особенностью которой было то, что в ней оказались соединены внешнеполитические интересы французской буржуазии с общенациональными интересами. Выдвинутый де Голлем лозунг „величия” Франции, будучи обращенным к национальной гордости французов, получил широкую поддержку в стране, создал своеобразный „национальный консенсус” вокруг голлистского внешнеполитического курса на самостоятельное решение международных задач Франции, отстаивание национальных интересов.

Еще одна причина разобщенности во взаимоотношениях административных органов внешней политики и ученых-международников проистекает из особенностей развития французской науки о международных отношениях в этой стране. Традиционно исследования здесь велись преимущественно в рамках истории дипломатии и международного права. Предпринятые в послевоенные годы меры, направленные на институционализацию во французском обществоведении новой научной дисциплины — политической науки (преобразование Свободной школы политических наук, открытие Национальной школы администрации и Института политических наук при Парижском университете и их аналогов в ряде других городов Франции, образование Национального фонда политических наук и при нем Центра по изучению международных отношений, учреждение Французской ассоциации политических наук и ее печатного органа „Ревю франсэз де сыанс политик”, введение ученой степени доктора политических наук), создавали предпосылки для преодоления распыленности изучения международных отношений по отдельным научным отраслям, более целенаправленного, углубленного их анализа⁴. Тем более что решениями созданного ЮНЕСКО в 1948 году в Париже международного коллоквиума по вопросам политологии в ее сферу было включено изучение международных отношений.

Однако процесс автономизации политологии во Франции столкнулся с целым рядом трудностей. Прежде всего, в значительной мере сохранилась ее генетическая связь с конституционным правом, в недрах которого она зародилась в конце XIX века. Это было обусловлено помимо прочего тем, что разработка проблематики политической науки по-прежнему происходила в рамках системы высшего образования, в частности в рамках университетов. Последние же вплоть до 1968 года имели всего три факультета: филологии, точных наук и права. Преподавание политической науки ве-

лось на правовых факультетах, а соответствующие исследования — в созданных при факультетах научных центрах.

Осуществленная в ноябре 1968 года реформа высшего образования, призванная перегруппировать дисциплины в целях более гибкой преподавательской и научной работы, хотя и способствовала появлению новых университетских исследовательских центров, оказалась во многом формальной. Правовая наука не утратила своего привилегированного положения во французских университетах. Введенные штатные ставки профессоров политических наук оказались занятыми юристами в силу их численного преобладания в университетах. Как пишет Ф. Дрейфюс, ввиду „глубоко укоренившихся традиций в организации французских университетов, политическая наука во Франции не смогла достигнуть тех результатов, которых можно было от нее ожидать”⁵. Она не сумела обрести монополию на научное обеспечение объекта своих исследований. Круг изучаемых ею проблем остался весьма ограниченным по сравнению с тем, что предполагалось включить в ее предмет. Продолжалась конкуренция политической науки с социологией и историей, которые ставили под сомнение ее компетентность в области исследования политики.

Все это не могло не сказаться на французских научных исследованиях международных отношений и внешней политики. Они оставались поделенными между несколькими науками — историей, правом, географией, экономикой, а теперь еще и политической наукой, каждая из которых вела их изучение под своим углом зрения. Более того, наряду с „растаскиванием” внешнеполитических исследований по отдельным наукам произошло их расчленение на отдельные, подчас замкнутые направления исследований — по странам, регионам, отдельным проблемам — в ущерб комплексному подходу. Тормозящее воздействие оказывала и организационная разобщенность между специалистами, сосредоточенными, с одной стороны, в университетских центрах, с другой — в специализированных частных и государственных исследовательских организациях.

В то же время, несмотря на такие трудности, французские исследователи международных отношений к середине 70-х годов накопили немалый потенциал как в сфере эмпирического, так и теоретико-концептуального анализа, что объективно создало базу для выделения исследований международных отношений в самостоятельную отрасль французского обществоведения. Этот вопрос все чаще дискутировался французскими специалистами. Однако попытки его решения натолкнулись на ряд серьезных препятствий, и прежде всего на имманентно свойственный буржуазному обществоведению методологический плюрализм, выражающийся в острой и постоянной полемике различных направлений

и отдельных ученых по вопросам методологии науки международных отношений, ее предмета, природы изучаемых ею объектов и т. д.

Серьезные трудности создавала и политика государства в отношении науки. Исследовательские программы определялись не на высшем уровне, а на низшем — в различных центрах и даже самими исследователями в индивидуальном порядке. Обеспечивая, казалось бы, большую интеллектуальную независимость исследователей и значительное разнообразие идей, такая политика приводила к серьезным трудностям в проведении согласованной исследовательской стратегии.

Кроме того, средства, которые выделялись на проведение исследовательской работы со стороны государства, были крайне незначительны. Как отмечал М. Мерль в своем докладе в апреле 1976 года на Международном коллоквиуме по вопросам научных исследований международных отношений в Мехико, Национальный центр научных исследований Франции, которому принадлежит ведущая роль в финансировании научной работы в области социальных наук, предпочитал выделять средства традиционным дисциплинам, не отпуская специальных кредитов не только на исследования международных отношений, но даже политической науки в целом⁶.

Следствием такого положения французских исследователей становилась их предпочтительная ориентация не на обслуживание практической политики, а на так называемый рынок общекультурных ценностей, в частности на прессу. Не случайно, как отмечали авторы доклада фонда Форда, связи французских ученых-международников с печатью приобрели куда более прочный характер, нежели их контакты с внешнеполитическим аппаратом. Это существенно ослабило возможности молодой отрасли — науки о международных отношениях, усилив представление о ней, по словам французского политолога Ж. Лека, как о „ненауке“⁷.

Некоторые сдвиги во взаимоотношениях французской науки со сферой практической внешней политики наметились во второй половине 70-х годов. Как известно, внутривнутриполитическое развитие Франции в эти годы в целом характеризовалось активным процессом поляризации социально-классовых и партийно-политических сил. В стране неуклонно росло влияние сформировавшейся в 1972 году единой левой оппозиции — Союза левых сил в составе ФСП и ФКП, и находящиеся у власти буржуазные партии не могли не учитывать этого при выработке своей политики.

Претерпел существенные изменения состав правящего большинства. На партийно-политическом уровне обострение социально-классовых противоречий выразилось в размежевании интересов внутри господствующей группировки. Произошло оттеснение гол-

листской партии, утрата ее монопольного положения в правительстве и администрации. В результате президентских выборов в 1974 году политическое руководство страной перешло к блоку правоцентристских партий. Однако этот блок не обладал ни монолитностью, ни единством идеологии, которые были свойственны в 60-х годах президентской партии де Голля, что привело к некоторой противоречивости в подходе правящего большинства к внешнеполитическим проблемам.

Одной из наиболее существенных перемен во внешнеполитической ориентации Франции в этот период стал пересмотр ее военной политики в направлении более тесной увязки национальной безопасности с вопросами укрепления военного сотрудничества с другими западноевропейскими странами, в том числе с членами военной организации НАТО, что нашло концентрированное выражение в новой военно-стратегической доктрине „расширенной неприкосновенной территории”. Новая доктрина, расцененная подавляющим большинством французских, а также зарубежных аналитиков как симптом ревизии внешней политики голлизма в целом, вызвала в стране острейшую дискуссию. И это не случайно. Дело в том, что для Франции периода Пятой республики всегда была характерна согласованность между военной и внешней политикой. Изменения во внешнеполитическом курсе быстро находили отражение в военной сфере, и, наоборот, военные мероприятия предшествовали соответствующим модификациям во внешнеполитической области.

Характерной чертой развернувшихся в стране политических дискуссий стало активное участие в них научных кругов. Одновременно происходил заметный рост числа исследовательских центров, особенно военно-политического профиля. В рассматриваемый период в рамках Парижского университета начал создаваться Центр по изучению оборонной политики во главе с П. Дабзи, Центр по изучению проблем разоружения, который возглавил Ж.-П. Кот, стали образовываться французская Ассоциация исследований мира во главе с А. Жоксом, Кружок исследований тотальной стратегии под руководством М. Гардэ. Аналогичные центры и исследовательские группы возникали в ряде других городов Франции — Гренобле, Ницце, Страсбурге. Некоторые из них приобрели ощутимую партийную окраску, ориентировались на вполне определенные политические силы, в частности на социалистов и левых голлистов. Симптоматично, что к концептуальной работе в области внешней политики, особенно к ее стратегическим аспектам, помимо научных кругов стали обращаться и политические партии. Об этом свидетельствовали, в частности, доктринальные доклады по оборонной политике Союза за французскую демокра-

тию (СФД) и Объединения в поддержку республики (ОПР), опубликованные летом 1980 года.

Наряду с исследовательскими центрами появились и новые внешнеполитические журналы — „Политик энтернасьональ”, главным редактором которого стал известный правыми взглядами обозреватель газеты „Фигаро” П. Вайжман, „Стратежик” — орган Фонда исследований национальной обороны, а также различные бюллетени и другие периодические издания. Заметно возросло количество организуемых коллоквиумов, круглых столов, семинаров по актуальным международным вопросам с участием ученых, журналистов, политических деятелей и т. д.

Со стороны политического руководства Франции были приняты шаги по налаживанию сотрудничества с научными кругами, управлению внешнеполитическими исследованиями, их координации. Так, в мае 1976 года под эгидой Генерального секретариата национальной обороны на базе Парижского университета была создана Ассоциация по изучению национальной обороны с целью развития и координации усилий по исследованию и преподаванию в университетах страны дисциплин, касающихся военно-политических проблем⁸. В феврале 1979 года в результате реорганизации Центра по изучению внешней политики декретом Государственного совета был учрежден Французский институт международных отношений, призванный объединить усилия научных, дипломатических, военных и предпринимательских кругов в изучении актуальных внешнеполитических проблем.

В мае 1980 года под эгидой этого института проводился коллоквиум „Диалог администрации и университета”, в котором приняли участие Центр анализа и прогнозирования министерства иностранных дел, Центр по изучению международных отношений Национального фонда политических наук и представители университетских научных кругов. В ходе коллоквиума обсуждались проблемы по укреплению взаимосвязи госаппарата с наукой, были намечены меры в этой области (создание банков внешнеполитической информации, смешанных консультативных групп, ротация кадров). Участники дискуссии подчеркивали необходимость правильного распределения ролей между учеными и практиками в области международных отношений. „Желательно, чтобы теоретики, университетские эксперты покончили с отходом от реальностей мира и согласились сотрудничать с практиками. Имеется в виду содействие лучшему проведению внешней политики своей страны... Их подход будет полезным, если он будет основан на концепциях, понятных практику, если он достаточно будет разработан и „взвешен”, чтобы охватить все элементы рассматриваемой проблемы, если, не впадая в догматизм, он будет прямо соприкасаться с реальностью,

которая может четко выявить его неадекватность и вызвать его пересмотр. Практику надо отказаться от убеждения в бесполезности любого теоретического подхода, от опасения, что теоретики лишают его ключевых позиций, которые он занимает в механизме принятия решений”⁹.

В рассматриваемый период происходили сдвиги и в области финансирования государством внешнеполитических исследований, в частности по системе контрактов, что было характерно для политики В. Жискара д’Эстена в области науки. Как отмечал американский исследователь Д. Йост, эти меры в целом способствовали некоторому размыванию препятствий на путях взаимодействия между правительством и академическим миром. Однако, несмотря на это, использование рекомендаций ученых, результатов их работ при принятии внешнеполитических решений в эти годы продолжало оставаться ограниченным¹⁰.

Приход в 1981 году к власти блока левых сил создал более благоприятные условия для укрепления взаимосвязи между администрацией и учеными-международниками. Характерно, что 132 депутатских места, составлявших $\frac{1}{3}$ вновь избранного Национального собрания, заняли выходцы из французских университетов, профессора и преподаватели. Это дало основание ряду наблюдателей говорить о превращении Пятой республики в „республику профессоров”¹¹. Такое явление не было случайным: по данным еженедельника „Экспресс”, к началу 80-х годов около 80 % преподавателей Франции были членами социалистической партии¹². В этих условиях доступ представителей научного мира в администрацию стал значительно реальнее. Они начинают больше привлекаться в качестве штатных и внештатных советников и консультантов в канцелярию президента республики, в секретариаты министров внешних сношений, обороны, по делам развития, европейского сотрудничества. Расширилась практика заказов этих ведомств по выполнению конкретных разработок научным учреждениям, в том числе университетским.

Правительством был принят ряд организационных решений. В частности, в конце 1982 года по инициативе министра научных исследований Ж.-П. Шевенмана в Парижском университете на базе Центра исследований по изучению оборонной политики и Центра по изучению проблем разоружения был создан Высший национальный институт исследований проблем обороны и разоружения.

В целом политика администрации в сфере науки стала характеризоваться рядом новых моментов. Под руководством Шевенмана была осуществлена реформа системы исследований и разработок на основе программного подхода к научным исследованиям

с использованием так называемых рекомендаций¹³. В рамках министерства национального образования было создано специальное Управление по руководству научной работой университетов¹⁴.

Подвергнув анализу состояние исследований во Франции за период, предшествовавший приходу социалистов к власти, авторы реформы констатировали, что политика в сфере науки в прошлом ослабила развитие гуманитарных наук¹⁵. Как отмечалось в докладе директора департамента социальных и гуманитарных наук Национального центра научных исследований М. Годелье, подготовленного летом 1982 года, состояние исследований и разработок в области политических наук характеризовалось узостью тематики исследований, пренебрежением рядом актуальных проблем, отсутствием внимания к вопросам теории¹⁶. С целью выправления создавшегося положения были предприняты меры по улучшению материального обеспечения социальных наук. Как отмечал уже в конце 1981 г. Ж. Пейен, назначенный на пост Генерального директора научных исследований, правительственная поддержка социальным исследованиям увеличилась на 30 — 33 %¹⁷. В целом предпринятые французским руководством меры способствовали дальнейшему сближению администрации с научными кругами, большей упорядоченности связей между ними.

Однако все же нельзя сказать, что было достигнуто слияние науки и практики в области внешней политики, которое, как уже указывалось, характерно для США. Причиной этого по-прежнему является в первую очередь особое положение государственного аппарата современной Франции, который остается в высшей степени замкнутым бюрократическим органом. Принятые социалистами меры — пересмотр секретариатов президента, премьер-министра, замена министров, других должностных лиц, новый порядок набора в Национальную школу администрации и т. д. не изменили характера французского чиновничества. „Перемены затронули лишь около трети высшего звена госаппарата, главным образом за счет внедрения в него руководящих деятелей ФСП, составляющих ныне, к примеру, около 60% членов аппарата при министрах. Примечательно и то, что основная масса высших чиновников нынешней администрации прошла подготовку в тех же французских учреждениях, что и их предшественники, и около 30 % чиновников верхнего эшелона госаппарата по социальному происхождению относят себя к крупной и средней буржуазии”¹⁸. И социальный состав, и профессиональный облик чиновников — выходцев из ФСП оказались идентичны таким же характеристикам руководящей верхушки, сформировавшейся за последние два с половиной десятилетия существования Пятой республики¹⁹.

Практически неизменная по составу и положению французская бюрократия продолжает претендовать на главную роль в подготовке внешнеполитических решений „в интересах нации”, ревностно оберегает от любых посягательств свои привилегированные позиции в этой области. Эти претензии являются и прямым следствием той высокой степени централизации руководства внешней политикой, которая характерна для политического режима современной Франции.

2. РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ

Отличительной особенностью государственного руководства внешней политикой Франции является то, что доминирующая роль в нем принадлежит президенту республики. Его исключительная прерогатива в вопросах внешней политики определена конституцией 1958 года, согласно которой президент является „гарантом национальной независимости, территориальной целостности, соблюдения соглашений Сообщества и договоров”, главой вооруженных сил, аккредитует и принимает высших дипломатических представителей. Президенту предоставлены исключительные права в чрезвычайных обстоятельствах, при которых „независимость нации, целостность ее территории или выполнение ею международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой”. Он наделен также правом не только заключать и ратифицировать договоры, но и лично вести международные переговоры и потому, согласно конституции, должен быть постоянно информирован о всех переговорах относительно какого-либо международного соглашения.

Роль президента как внешнеполитического лидера получила закрепление не только в конституции. На съезде голлистов 15 ноября 1959 г. была сформулирована идея создания „зарезервированной области”. Она предполагает выделение специального „президентского сектора”, „заповедного домена”, к которому отнесены вопросы внешней политики, дипломатии, обороны, отношений с африканскими странами — членами Сообщества. И хотя идея „зарезервированной области” не нашла прямого отражения в конституции, ее не раз в той или иной форме не только подтверждали последующие президенты Франции, но и пытались реализовывать в непосредственной практической деятельности. Более того, как считают французские исследователи, при президенте Ф. Миттеране тенденция к концентрации в руках главы государства внешнеполитических решений еще более усилилась²⁰.

В силу особого положения президента во внешнеполитическом механизме большое значение приобрела его функция основного внешнеполитического идеолога. Не определенная никакими кон-

ституционными рамками, эта сторона внешнеполитической деятельности главы государства, как отмечают советские исследователи, представляется первостепенной. Именно внешнеполитические доктрины и концепции, принятые в качестве основы внешнеполитического курса (они совсем не обязательно носят характер единого, цельного документа), являются теми рамками, которые определяют текущие внешнеполитические решения и дают ориентиры для перспективных внешнеполитических решений²¹.

В разработке внешней политики президент опирается на ряд специальных, непосредственно при нем созданных органов. Речь идет о канцелярии президента в Елисейском дворце, где находится группа советников по внешнеполитическим вопросам. В сферу их деятельности входит выдвижение новых идей в области внешней политики. Для этого дипломатические советники президента периодически приглашают консультантов, известных своими научными работами, а также журналистов и даже литераторов²². При Миттеране некоторые из них — экономист Ж. Аттали, публицист и философ Р. Дебрэ, писатель К. Гимар и др. — были привлечены в госаппарат в качестве постоянных сотрудников.

Прерогатива президента и его аппарата в процессе выработки основ внешней политики страны хотя и существенно снизила роль в этом процессе других звеньев французского внешнеполитического механизма, в частности правительственных органов, но не исключила полностью их фактического участия в нем. В силу ряда причин они также располагают немалыми возможностями. Так, исполнительные органы внешнеполитического механизма являются инстанцией, неизбежно участвующей, правда, в разной степени, на всех этапах выработки внешнеполитических решений²³.

Участие премьер-министра в их подготовке обеспечивается с помощью подчиненного ему разветвленного аппарата, включающего ряд специализированных органов, подразделений и отдельных чиновников. К ним относятся многочисленный кабинет премьер-министра, куда входят сотрудники, курирующие вопросы внешней политики; Генеральный секретариат правительства, обеспечивающий координацию правительственной политики и связь с Генеральным секретариатом Елисейского дворца; Генеральный секретариат национальной обороны (ГСНО).

Последний занимает особое положение²⁴. Представляя службу премьер-министра, отвечающего за координацию деятельности министерств, он исполняет межведомственные функции. В то же время, будучи одновременно органом комитета и совета обороны, призванных принимать решения в области общего руководства обороной страны и возглавляющихся главой государства, ГСНО подчинен президенту.

Специфическое положение ГСНО определяется не только его двойственным положением. Уже указывалось на тесную связь военной и внешней политики в Пятой республике. Во Франции понятие национальной обороны имеет весьма широкое значение, довольно близкое американской концепции национальной безопасности. Ордонанс от 7 января 1957 г. включил в сферу обороны проблемы войны, дипломатии, экономики, гражданской обороны, научных и технических исследований. Как заявлял генерал армии Ж. Бовале, во Франции „стало банальностью говорить, что национальная оборона касается только военных проблем, как утверждалось ранее”²⁵.

Комплексное, выходящее из чисто военной сферы видение национальной обороны обнаруживается и в характере состава, и в функциях ГСНО. Помимо премьер-министра в него входят министры иностранных дел, обороны, внутренних дел, экономики и финансов. В его функции входят подготовка и осуществление международных переговоров по вопросам обороны, координация межсоюзнических отношений, разведывательной деятельности. В 1977 году в рамках Генерального секретариата национальной обороны создана постоянная группа по анализу кризисных ситуаций, действующая совместно с министерствами иностранных дел и обороны.

ГСНО ведет собственную аналитическую работу по вопросам национальной обороны. В то же время, действуя через специальный комитет научных исследований, а также через созданную, как уже указывалось, под его эгидой в 1976 году Ассоциацию по изучению национальной обороны, он координирует и поощряет те или иные направления исследовательской деятельности различных научных университетских и неуниверситетских центров. Не случайно зарубежные исследователи сравнивают ГСНО с американским Советом национальной безопасности²⁶.

Таким образом, премьер-министр располагает инструментами, которые создают возможности для его активного участия в разработке внешней политики. Однако возможности такого участия обусловлены не только этим. Советские исследователи подчеркивали, что правительственные органы не всегда находятся в полном подчинении²⁷. Убедительное тому подтверждение дает нынешняя политическая ситуация во Франции, создавшаяся после парламентских выборов в марте 1986 года, в итоге которых почти все рычаги власти оказались в руках правых партий, за исключением поста главы государства, занимаемого социалистом Ф. Миттераном.

В этих условиях премьер-министр Ж. Ширак заметно активизировал свою деятельность во внешнеполитической области. В его аппарате, в частности, был создан специальный „дипломатический штаб” во главе с внешнеполитическим советником Ф. Бюжон де Л’Эстаном. В ходе первого года „существования” левого прези-

дента и правого премьер-министра между ними выявились некоторые расхождения в вопросах внешней политики. Вследствие этого в официальных внешнеполитических установках обнаружались определенные коррективы, несколько изменилась их тональность. Правда, принципиального переосмысления внешнеполитической доктрины не произошло. Президент, несмотря на активность премьер-министра, сохраняет во внешнеполитической сфере свои prerogatives. Франция, по выражению наблюдателей, говорит „одним голосом“, хотя и „двумя устами“, ибо, как отмечают они, проведение „двуглавой“, противоречивой и непоследовательной политики повлекло бы слишком серьезные как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические последствия для Франции, имеющей статус мировой ядерной державы²⁸.

Особое место в системе исполнительных органов, включенных во французский внешнеполитический механизм, занимает министерство иностранных дел. Его положение отличает наибольшая близость к главе государства и главе исполнительной власти. Наделенное наиболее широкими полномочиями в области внешней политики, оно играет влиятельную роль на всех стадиях внешнеполитического процесса, в том числе и на стадии разработки внешней политики.

Министр иностранных дел — неперенный участник подготовки решений президента в области внешней политики. Он выступает в печати, по радио и телевидению, а также в ходе парламентских дебатов с изложением внешней политики страны.

Активной роли министерства в исполнении им функции концептуализации внешней политики в последние годы ощутимо содействует созданный в его рамках в 1973 году Центр анализа и прогнозирования. За годы существования этот небольшой орган (численностью около 10 человек), подчиненный непосредственно министру, стал наиболее важным в выработке новых внешнеполитических концепций. Он сыграл заметную роль в концептуальном переосмыслении ряда направлений французской внешней политики (концепция „расширенной неприкосновенной территории“), в подготовке некоторых внешнеполитических инициатив (французский план разоружения, предложенный на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1978 г., проект „Эврика“), в выработке позиций по ряду международных кризисных ситуаций. Об эффективности работы Центра говорит, в частности, тот факт, что многие из его бывших сотрудников заняли в последующем посты в аппарате Елисейского дворца, кабинетах министров иностранных дел и обороны.

К проведению разработок Центр привлекает специалистов как из самого министерства, так и из научно-исследовательских

учреждений. Он поддерживает тесные связи с аналогичными ему организациями и исследователями за рубежом.

Как отмечалось во французской печати, контакты с правительственными чиновниками и политологами, особенно из США, фактически способствовали включению Центра в своего рода „международный синдикат планирования” во внешнеполитической области, ограничивали самостоятельность его исследований и объективность основанных на них рекомендаций. В результате Центр стал в известной степени инструментом своеобразной американизации подходов Франции к важным международным проблемам.

Тем не менее общий вывод зарубежных специалистов в отношении Центра анализа и прогнозирования состоит в том, что он является не только полезным, но и необходимым средством аналитической подготовки внешнеполитических решений. Специалисты особо подчеркивают роль Центра в привлечении к процессу разработок в области внешней политики значительного числа исследователей, которые во взаимосвязи с экспертами МИД обеспечивают более высокий уровень прогнозирования международной обстановки, выявление в ней новых поворотов и проблем, имеющих существенное значение с точки зрения внешнеполитических интересов Франции. Они также отмечают, что в результате его работы заметно сокращается разрыв между дипломатической практикой и наукой во Франции²⁹.

В силу тесной взаимосвязи вопросов внешней политики и обороны важное место в идейном оформлении французской внешней политики принадлежит министерству национальной обороны и Генеральному штабу вооруженных сил. Не случайно ежегодные выступления министра национальной обороны или начальника Генерального штаба на сессиях Института высших исследований национальной обороны рассматриваются как важный акт идейного обоснования общего внешнеполитического курса страны.

Органом, непосредственно ведающим аналитической работой в министерстве национальной обороны, в течение ряда лет являлся созданный в 1965 году Центр прогнозирования и оценок. Он сыграл ключевую роль в 60-е годы в разработке по личному заданию де Голля основных положений французской военной доктрины. В начале 1982 года этот Центр был преобразован в Группу стратегического планирования и анализа в составе военных и гражданских специалистов³⁰.

Возможности правительственных органов воздействовать на выработку внешней политики в значительной мере проистекают из сложившихся во Франции особых отношений между политическим и административным аппаратом, характеризующихся, как уже указывалось, активной политической ролью бюрократии в

подготовке внешнеполитических решений. Основой же ее влияния в этой области является растущая сложность внешнеполитических решений, необходимость их всесторонней „технической” проработки.

Теоретические изыскания администрации в области внешней политики имеют ряд особенностей. Обычно они облечены в форму отчетов и анализов, как правило, строго целевого назначения, представляющих собой варианты различных мероприятий, оценки, прогнозы, рекомендации и т. п. Занимаемое теоретиками — чиновниками из аппарата положение заставляет их подходить к внешнеполитическим проблемам с особых позиций, мыслить политическими категориями и работать более или менее в строгом соответствии с практически ориентированными правящими кругами установками.

Несмотря на конфиденциальный характер своей деятельности, теоретики из администрации нередко высказываются по внешнеполитическим вопросам и за ее пределами, используя для этого средства массовой информации, а также специальные издания таких корпоративных объединений, как Ассоциации бывших выпускников Национальной школы администрации, Политической школы, слушателей Института высших исследований национальной обороны³¹ и т. п. И хотя эти выступления оформляются как сугубо личные мнения либо их авторы скрываются под псевдонимами, они получают распространение в обществе и воздействуют на ход и направление исследований по вопросам внешней политики.

В соответствии с прочно укоренившейся легализованной во Франции традицией перехода чиновников из госаппарата в частный сектор, именуемый „пантуфляжем” (надевание домашних туфель), многие теоретики из внешнеполитической администрации попадают в сферу бизнеса. Занимая руководящие посты в различных компаниях, они не без успеха продолжают функционировать в качестве теоретиков, тем более что в последние годы многие из этих компаний заметно активизировали свою исследовательскую деятельность, создав специальные аналитические подразделения³². Примерами „пантуфляров” последнего времени могут служить такие известные своей теоретической деятельностью в области внешней политики фигуры, как Ж.-Л. Жергорен — вице-президент по вопросам стратегии французской авиакосмической и военной компании „Матра”, а в недавнем прошлом — директор Центра анализа и прогнозирования МИД; Ф. Эйсбург — вице-президент французской фирмы „Томпсон”, производящей электронику, занимавший до этого пост технического советника в кабинете министра национальной обороны Ш. Эрню; генерал П.-М. Галлуа — советник одной из авиакосмических фирм и т.д.

В процессе подобной ротации формируется солидарная и влиятельная интеллектуальная элита государственно-бюрократических учреждений и монополий, имеющая немалые возможности в разработке и пропаганде своих взглядов. Однако теоретическая деятельность в сфере внешней политики не является исключительной ее привилегией. Очевидно, это и невозможно во Франции, являющейся страной, чья политическая история всегда была сопряжена с острой идейно-теоретической борьбой при участии представителей всех социальных слоев и классов, политических и общественных организаций. В этих условиях факторами процесса формирования французской внешнеполитической мысли неизбежно становятся также политические партии, общественные организации, научные круги и средства массовой информации.

3. УЧАСТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Важную роль в формировании теорий и концепций в области внешней политики играют политические партии Франции. Теоретическая деятельность каждой из них имеет свою специфику. В этом находит отражение не только свойственный партийно-политической и идеологической структуре страны раскол на два лагеря — правый и левый, но и организационные особенности и традиции французских политических партий.

Что касается правых партий, то они, как справедливо отмечается советскими исследователями, на всем протяжении политической истории, предшествовавшей Пятой республике, и в начальный период ее существования отличались нежеланием связывать себя слишком четкой доктриной и основывавшейся на ней детально разработанной программой³³. Прагматический подход к явлениям, неприязнь к теории, характерные для правых партий, объяснялись целым рядом причин, главная из которых кроется в стремлении сохранять свободу маневра в сложных лабиринтах политической борьбы.

Однако с начала 70-х годов ситуация стала меняться. Логика политической борьбы, которая вызвала необходимость создания идейного противовеса сплачивавшимся левым силам, заставила правых буржуазных лидеров заняться поиском подобий доктрины, в той или иной мере отражающей их мировоззрение, охватывающей широкий круг проблем, которые стояли перед Францией, в том числе и в сфере внешней политики.

Партия Объединение в поддержку республики, образованная в декабре 1976 года в результате слияния ранее существовавших партий ЮДР (Союз в защиту республики) и РПФ (Объединение

французского народа), отличается среди других правых партий более весомым идейно-теоретическим потенциалом в области внешней политики, накопленным за многолетнюю послевоенную историю голлистского движения³⁴.

Взгляды представителей этой партии, сформировавшейся под непосредственным влиянием де Голля, отличались последовательностью³⁵. В их основе находилась концепция национальной независимости и самостоятельности Франции. В этом смысле можно рассматривать эти воззрения как определенную и достаточно стройную систему, представляющую собой голлистскую доктрину внешней политики. И хотя свою приверженность к голлистскому идейному наследию в области внешней политики доказывают и другие политические партии Франции, все же голлизм как направление французской внешнеполитической мысли ассоциируется у большинства французов с ОНР.

Партия уделяет немалое внимание теоретическому обоснованию своей внешнеполитической платформы, что находит выражение не только в трудах ее руководящих деятелей и сторонников, но и в различного рода партийных документах программно-установочного характера. Этому способствует высокий по сравнению с другими правыми партиями уровень организации ОНР. В партии, в частности, имеется специальный исследовательский отдел, являющийся своего рода „мозговым трестом” по выработке новых идей, оборонная комиссия, возглавляемая видными экспертами по внешней политике, и др.

В 80-х годах в результате отхода партии от принципов „буржуазно-прогрессивного национализма”, которыми характеризовался голлизм, произошла эволюция ОНР. Усиление оппозиции левым силам, стремление в борьбе с ними достичь единства своих рядов для устранения идеологических противоречий между голлизмом и правоцентристскими партиями, наконец, воздействие волны консерватизма, охватившей в нынешнем десятилетии ряд развитых капиталистических стран, – все это обусловило превращение ОНР во французский аналог современной консервативной партии. Это сказалось и на ее внешнеполитической доктрине. ОНР фактически отказалась от многих внешнеполитических тезисов голлизма, основывающихся на принципе независимой политики, и заняла проатлантическую позицию³⁶. Об этом свидетельствует содержание внешнеполитических разделов программ, резолюций и документов последних съездов ОНР, специальных докладов партии по вопросам обороны (1980 и 1985 гг.), резолюции ЦК ОНР от 12 июня 1983 г. по вопросам западноевропейской интеграции, выступлений лидера партии Ж. Ширака, ее внешнеполитических экспертов – М. Орийяка, Ф. Фийона и др.³⁷

Однако в ОНР существуют и идейно-теоретические разногласия, о чем свидетельствуют выступления ее так называемого ортодоксального крыла (М. Дебрэ, П. Мессмер, М. Кув де Мюрвиль), отстаивающего позиции патриотически настроенных избирателей из всех социальных слоев населения и в наибольшей мере сохранившего верность внешнеполитическим заветам де Голля.

В отличие от ОНР, правоцентристский Союз за французскую демократию, созданный в 1978 году на основе объединения Республиканской партии, Центра социальных демократов и Партии радикалов и радикал-социалистов, отличается явной идеологической неоднородностью. На первом этапе существования он открыто декларировал прагматизм, неприязнь к выработке какой-либо доктрины. Фактически идеологическое единство Союза обеспечивала вышедшая в 1976 году книга Ж. д'Эстена „Французская демократия“³⁸, а теоретическая работа его сводилась по сути дела к защите идей президента, а не к разработке собственной доктрины.

В 1978 году Республиканская партия опубликовала первую в своей истории программу „Республиканский проект“, содержащую установки в сфере внешней политики³⁹. Крупные теоретические обобщения содержались в опубликованных СФД в 1980 году документе „Оборонная доктрина для Франции“, в 1984 — докладе „Защитить Европу“, в 1985 году — новом докладе по оборонным вопросам⁴⁰. Обоснованию внешнеполитической платформы СФД служат труды и выступления в печати таких его руководителей, как Леканюэ, Понятовский, внешнеполитических экспертов Дайе, Пэшта и др.⁴¹ Характерной чертой этой платформы являются антиголлизм, критика французской автономии в Атлантическом союзе, установка на сплочение западных стран вокруг США для всемерного „отпора“ Советскому Союзу и т. п.

Вместе с тем в СФД имеются ощутимые центробежные тенденции, что наиболее ярко проявляется в соперничестве между Ж. д'Эстеном и Р. Барром. Для последнего характерно стремление удерживаться на позициях приверженности принципам традиционного внешнеполитического курса Пятой республики, заложенного де Голлем⁴².

Объективная необходимость единства действий, возникшая после поражения ОНР и СФД на президентских и досрочных парламентских выборах 1981 года, побудила их к совместной теоретической разработке внешнеполитических вопросов. Это нашло отражение в соответствующем разделе опубликованной накануне парламентских выборов в январе 1986 года двумя партиями „Совместной программы управления страной“⁴³.

Ратуя за развитие начатой социалистами атлантизации внешней политики страны, ОНР и СФД высказались за укрепление сотруд-

ничества Франции с НАТО, ускорение темпов строительства „обороны Западной Европы”. Правые потребовали увеличения военного бюджета, принятия более широкой военной программы, предусматривающей производство новой стратегической мобильной ракеты, нейтронного оружия, увеличения числа ядерных подводных лодок нового поколения и т. д. Они резко критиковали политику Ф. Миттерана по вопросу о недопущении милитаризации космоса и высказывались за выработку единой западноевропейской позиции в отношении СОИ, заняв которую можно было бы официально одобрить присоединение к этой программе Франции. В отношении СССР выдвигалось требование проведения твердой, согласованной с США политики.

Примечательную роль в механизме выработки программных установок правых партий играют политические клубы, где имеют возможность устанавливать и поддерживать личные связи политики, деловые люди, чиновники. Клубы служат „лабораториями идей”. Так формируются и „обкатываются” директивы политических партий, в том числе и в области внешней политики. В правом крыле насчитывается около десяти таких клубов. Некоторые из них функционируют параллельно с партиями, в большинстве других объединяются представители всех правых течений. Таким образом, клубы являются связующим звеном между голлистами, независимыми республиканцами и центристами.

Непосредственно связан с ОПР „Клуб 89”, возникший в 1981 году после президентских выборов, который возглавляет ведущий эксперт партии по внешнеполитическим и стратегическим вопросам М. Орийяк. По своей идейной ориентации к ОПР близок также „Клуб настенных часов”, объединивший в 1974 году молодых людей, преимущественно выпускников „больших школ” — Национальной школы администрации, Политехнической школы, Института политических наук в Париже.

В Республиканской партии функционирует клуб „Перспективы и реальность” (создан в мае 1965 г.), где разрабатывался ряд программных документов партии СФД.

Интенсивную теоретическую работу в области внешнеполитических проблем проводит возникшая в 1971 году в результате слияния нескольких социалистических группировок Французская социалистическая партия (ФСП). В целях пересмотра своего прежнего идейно-теоретического багажа в партии было создано 16 исследовательских комиссий в составе видных экспертов, многие из которых вели научную и педагогическую работу в университетах. На начальном этапе пересмотра своих установок партия не придавала внешнеполитической проблематике первостепенного значения. Кроме того, разделяя взгляды своих предшественников,

ФСП в результате сохранившихся в ней различных течений (так называемое миттерановское большинство, сторонники Ж.-П. Шевенмана, возглавляющего Центр социальных исследований – СЕРЕС, который представляет левое крыло партии, и, наконец, сторонники М. Рокара), в том числе и по вопросам внешней политики, долгое время не могла четко и конкретно изложить свою программу.

В основе ее внешнеполитических позиций лежали голлистские идеи и традиционные для французских социалистов пацифистские, европейские и атлантистские установки. В соответствии с этим была сформулирована и принята в марте 1972 года программа социалистов „Изменить жизнь”⁴⁴, в которой выдвигался лозунг создания некоей новой международной системы коллективной безопасности. Для реализации его предлагалось подписание договора о ненападении между НАТО и ОВД, постепенное сбалансированное сокращение вооруженных сил в Европе, создание в центре Европейского континента безъядерных зон, ликвидация национальных французских ядерных ударных сил. С пониманием воспринятые Французской коммунистической партией (ФКП) эти позитивные аспекты внешнеполитической позиции ФСП были затем включены в совместную правительственную программу левых сил, подписанную в июне 1972 года.

Особо интенсивную работу ФСП вела в 70-е годы по вопросам оборонной политики. Была подготовлена серия документов: доклады и записки специальной комиссии под председательством Ш.Эрню. Однако в комиссии возобладали точка зрения сторонников сохранения ядерных сил, что отразило несомненный сдвиг в позиции партии социалистов по вопросам оборонной политики. Такое изменение позиции ФСП создало почву для разногласий по вопросам актуализации совместной программы в ходе переговоров коммунистов и социалистов летом 1977 года. Как известно, переговоры закончились неудачно осенью. На парламентских выборах в следующем году ФСП выступила с собственной программой по национальной обороне, которая была одобрена накануне на Национальном совете партии, посвященном специально этим вопросам.

ФСП вела теоретическую разработку и других внешнеполитических проблем. Так, на конференции в Баньоле в 1973 году формулировалась установка партии по вопросам западноевропейской интеграции. В 1974 году во время президентских выборов группа внешнеполитических экспертов ФСП направила в газету „Монд” документ „Левые и внешняя политика: Европа и США, отношения с Востоком и третьим миром”⁴⁵. Концептуальное обоснование внешнеполитических позиций ФСП нашло также выражение в книгах и статьях руководящих деятелей партии, в первую очередь Ф. Миттерана, а также Л. Жоспена, Р. Понтийона, Ж. Хюнцингера,

П. Моруа, Ш. Эрню, М. Рокара, Ж.-П. Шевенмана, Ж.-П. Кота и др.

С приближением президентских выборов 1981 года внешнеполитические проблемы в теоретической работе ФСП все более выдвигались на первый план, уточнялись цели и принципы ее деятельности на международной арене. В обобщенном виде выдвинутые ФСП в 70-е годы идейные установки в области внешней политики нашли выражение в партийной программе „Социалистический проект для Франции 80-х годов”⁴⁶. В преддверии президентских выборов они были скорректированы в предвыборном манифесте „110 предложений для Франции”⁴⁷, одобренном на чрезвычайном съезде ФСП в январе того же года. Судя по содержанию документов ФСП и выступлениям ее руководства, в ней к концу 70-х годов произошло в целом поправление внешнеполитических позиций. Об этом свидетельствовали взятая на вооружение социалистами идея „равноудаленности” от двух военно-политических блоков, а также рассуждения о „ялтинском разделе”, „советском экспансионизме”, „советской военной угрозе” и т. д.

Одержав победу на выборах, ФСП не ослабила усилий в области теоретической разработки внешнеполитических позиций. В первой половине 80-х годов ею были опубликованы доклады „Соцпартия и политика в Африке южнее Сахары”, документы „Миссия Франции в мире”, „Мир, безопасность и разоружение”, „Европейская безопасность”⁴⁸. Значительное внимание социалисты уделяли вопросам внешней политики на съездах ФСП в октябре 1981 года и в октябре 1983 года. Как и ранее, важной составной частью теоретической работы ФСП в этой области являлись книги и статьи отдельных ее руководителей — Ж. Хюнцингера, Л. Жоспена, Ж.-П. Кота и др.

Однако, как показали предсъездовские и съездовские дискуссии, разногласия по вопросам внешней политики в партии отнюдь не были преодолены. Кроме того, после ее перехода из оппозиции к управлению страной обострилась проблема взаимосвязи программных установок ФСП во внешней политике с установками и концепциями правительства в этой области. В результате в характере партийной теоретической работы возник ряд новых моментов. В самой партии на этот счет выявилось несколько точек зрения. В частности, сторонники Шевенмана отстаивали тесную связь между партией и правительством и поэтому нередко выступали с открытой критикой правительственного курса на мировой арене. А такие деятели, как Л. Жоспен, П. Береговуа, Ф. Миттеран и некоторые другие, выступали за „независимость партии”. Ссылаясь на конституцию Пятой республики, в соответствии с которой политические партии не должны определять внешнеполитический курс страны, они трактовали роль ФСП как „хранительницы программы”, ее

идейно-политических установок. Последняя точка зрения, одержавшая верх в партии и в основном реализовавшаяся на практике, обеспечивала ФСП свободу маневра, а для правительства — возможность проведения прагматической политики. Так партия выполняла роль своеобразного амортизатора недовольства в стране теми или иными шагами правительства на мировой арене, что приводило к нередким расхождениям между партийными установками и позициями правительства. Однако в дальнейшем, как показала практика, ФСП все чаще приходилось следовать проложенным правительством внешнеполитическим курсом.

После поражения на выборах в Национальное собрание в марте 1986 года французские социалисты начали пересмотр своей стратегии. Во второй половине 80-х годов происходит реорганизация политических клубов, которые, как и у правых партий, всегда играли заметную роль в выработке идейных установок ФСП. Некоторые бывшие министры организуют исследовательские группы и центры.

Судя по заявлениям ряда лидеров партии, в ней изучаются возможности изменения внешнеполитических установок, в частности стратегической доктрины. Однако по прошествии года со дня поражения социалистов на парламентских выборах больших разногласий во внешнеполитических подходах социалистов и правой коалиции не обнаружилось. Это показал состоявшийся в апреле 1987 года очередной съезд ФСП.

Наряду с политическими партиями в формировании внешнеполитических теорий и концепций во Франции заметную роль играют общественные организации (фонды, ассоциации, группы), занимающиеся проведением дискуссий по актуальным международным проблемам и распространением информации об их результатах. Привлекая к своей деятельности видных экспертов и специалистов, эти организации обеспечивают достаточно серьезную теоретическую проработку различных идей. Активность большинства таких организаций носит отчетливо практико-политический характер, их идейно-политическая, а порой и партийная ориентация выглядит достаточно определено.

Репутацией консервативной организации пользуется так называемый Фонд будущего, который возглавляет член ЦК ОНР Ж. Бомель. В руководство фонда входят политические и военные деятели, дипломаты: Л. Амон, Ж. Хюнцингер, Ф. де Роз, П.-М. Галлуа, П. Дабзи, Э. Каррер д'Анкокс, Ж.-М. Суту, Ш. Зорг-биб, Ш. Лезурн и др. Фонд организует периодические коллоквиумы и круглые столы по внешнеполитическим вопросам, материалы которых публикуются в виде „Тетрадей фонда”.

Откровенно правую политическую направленность имеет Международный институт геополитики, созданный в 1982 году по инициативе М.-Ф. Гаро — представительницы правого крыла голлистской партии, в прошлом советницы президента Ж. Помпиду. Институт насчитывает 70 постоянных членов, среди которых такие видные в прошлом американские политические деятели, как Дж. Картер, З. Бжезинский, Дж. Шлессинджер и др. Цель института (сформулирована следующим образом: „разбудить западное общественное мнение, предупредить его о советской угрозе”⁴⁹) не требует дополнительных комментариев. Его бюджет, как сообщил „Тайм”, составляющий 350 тыс. долл.⁵⁰, образуется за счет частных субсидий. Институт издает ежеквартальный журнал „Жеополитик”.

В кругах французской общественности получила резонанс деятельность фонда „Свободы без границ”, созданного для изучения проблем прав человека и развития стран „третьего мира” в январе 1985 года группой ученых-медиков при участии ряда известных французских политологов Ж.-К. Казанова, Ж.-Ф. Ревеля, А. Безансона, Ф. Фейтё, Б. Лазича, Э. Ле Руа Ладюри, И. Яннакиса. Однако не только состав руководства фонда, в который вошли теоретики, известные своими откровенно антикоммунистическими воззрениями, но и идейно-политический дух мероприятий, проводимых им, довольно быстро позволили обнаружить за фасадом „интеллектуальной респектабельности”, „рафинированности” и рекламируемой аполитичности его правую консервативную направленность⁵¹. Симптоматично, что президент фонда — доктор К. Мэлюрэ занял в марте 1986 года пост госсекретаря по правам человека в правом французском правительстве.

Ряд общественных организаций, занимающихся внешнеполитическими разработками, действует на левом фланге французской политической арены. К ним относится, в частности, созданный в июне 1983 года Форум за независимость и мир, переименованный в 1985 году в Международный политический форум. Его возглавляет французский ученый Л. Шварц. Деятельность организации также в основном заключается в проведении дискуссий, семинаров и т. п. Ею издается ежеквартальный журнал „Космополитик”, главным редактором которого является Ж. Элленштейн.

В 1985 году вышедший в отставку с поста министра национальной обороны Ш. Эрню организовал группу по изучению военно-стратегических вопросов, объединяющую специалистов различных политических взглядов. В бюро группы помимо Эрню входят генералы П. де Бенувиль и П. Швед, а также Р. Главани, Н. Констан, П. Бонифас. В рамках группы создано 13 подгрупп по следующим проблемам: космос, стратегические задачи, франко-германские

отношения, сотрудничество и безопасность в Европе, „силы быстрых действий” и их задачи, армия завтрашнего дня, оружие завтрашнего дня, военная служба, эволюционный процесс „советской угрозы”, французское присутствие в заморских территориях, безопасность в Африке, на Ближнем Востоке, терроризм, Франция и вооружение.

В конце 70-х годов в стране заметное воздействие на формирование теорий и концепций в области внешней политики стали оказывать антивоенные организации. Хотя антивоенное движение здесь имеет давние и глубокие традиции, однако по своим масштабам оно уступает небывалому размаху движения против гонки вооружений, развившемуся в других западноевропейских странах в конце 70 — начале 80-х годов. По мнению зарубежных исследователей, основная особенность французского антивоенного движения связана с тем, что на протяжении длительного периода Франция придерживается собственной концепции национальной обороны, согласно которой ядерный арсенал страны считается средством, способным предотвратить агрессию против нее и гарантировать независимость. Эта концепция нашла к концу 70-х годов поддержку среди всех политических сил страны, в том числе левых, которые и составляют ядро антивоенного движения. К тому же в широких слоях французской общественности еще сильны воспоминания о национальном унижении, которое испытала страна во время второй мировой войны. Немаловажен и тот факт, что решение НАТО от 12 декабря 1979 г. о размещении новых американских ракет в Западной Европе не касается Франции.

Правая печать страны оказывает мощное давление на общественное мнение с целью навязать лживую мысль, будто движение за мир имеет просоветскую направленность. На деле антивоенное движение во Франции является реальностью, охватывает довольно широкие круги политических и общественных сил, имеет связи с аналогичными движениями в других странах. По данным Гренобльского центра по изучению обороны и международной безопасности, число его участников достигает 30 тыс. человек⁵².

Французское антивоенное движение отличается прежде всего неоднородностью. В него входят подлинные пацифисты, для которых в принципе война — преступление; сторонники ненасильственных действий, которые предлагают концепцию обороны, основанную на пассивном сопротивлении и отказе в случае войны от сотрудничества с оккупантами; защитники окружающей среды, которые осуждают использование ядерной энергии во всех формах; „антиимпериалисты”, выступающие против армии как таковой; лица, отказывающиеся от военной службы по религиозным мотивам, и т. д.

Однако, как отмечает деятель ФСП Ж.-Л. Сегийон, французское антивоенное движение имеет „хорошо разработанную идеологическую основу”⁵³, согласно которой можно выделить два направления. Первое представляет Французское движение за мир (ФДМ) — организация, созданная еще в начале 50-х годов. Она пользуется поддержкой ФКП и Всеобщей конфедерации труда, вместе с которыми она выступает инициатором антивоенных мероприятий — манифестаций, сбора подписей под воззваниями, призывающими отказаться от размещения в Западной Европе новых видов оружия, содействовать заключению соглашения по вопросам разоружения и т. д.

К этому направлению примыкает группа „Призыв ста”, требования и лозунги которой близки к платформе ФДМ. В группу входят политические и общественные деятели, в том числе некоторые видные ученые и деятели культуры, по инициативе которых 20 июня 1982 г. впервые был проведен Марш мира с участием 250 тыс. человек. Благодаря этой организации объединились представители ряда политических течений — коммунисты и социалисты, а также люди различных философских и религиозных убеждений, не принадлежащие к какой-либо политической партии. Они добиваются, чтобы Франция активно проявила себя в поисках путей устранения угрозы войны, возрождения разрядки, созыва европейской конференции по разоружению. Деятельность группы носит практически постоянный характер. Она проводит дискуссии, коллоквиумы, конференции по вопросам участия различных отрядов интеллигенции в борьбе за мир и разоружение.

Другое направление французского антивоенного движения представляет образованный в 1982 году Комитет за ядерное разоружение в Европе — КОДЕНЕ. Он пользуется поддержкой Объединенной социалистической партии и Французской демократической конфедерации труда, а также находится в тесных связях с британским Комитетом за европейское ядерное разоружение. КОДЕНЕ требует односторонних и радикальных шагов правительства Франции в деле разоружения, которые стали бы примером для других стран на пути к созданию взаимного доверия, прекращению французских ядерных испытаний в Тихом океане, отказу от строительства очередной подводной лодки, прекращению исследований по созданию нейтронной бомбы. В то же время для идейных позиций КОДЕНЕ характерны тенденциозные суждения по поводу военной политики Советского Союза, нежелание видеть различия между курсами СССР и США на мировой арене, а порой откровенная антисоветская и антикоммунистическая пропаганда. К этому направлению относятся также Движение за разоружение, мир и свободу под руководством К. Бурде, Христианское движение за мир, Дви-

жение за ненасильственную альтернативу, Пацифистский союз Франции, Французская ассоциация за всеобщий мир, Комитет борьбы лиц, отказывающихся от военной службы.

Если в начале 80-х годов организации этих двух направлений еще действовали разобщенно, то ко второй половине десятилетия между ними стали налаживаться контакты.

Воздействие на внешнеполитическую мысль современной Франции антивоенные организации оказывают в основном своей информационно, а также исследовательской работой, методы которой весьма разнообразны: создаются исследовательские центры и группы, проводятся дискуссии, готовятся и распространяются различные печатные материалы — книги, брошюры, журналы, газеты, листовки. По данным Гренобльского центра, французским антивоенным организациям принадлежат около 16 исследовательских групп и около 35 журналов и газет⁵⁴.

Диапазон отстаиваемых ими концептуальных позиций по проблемам войны и мира достаточно широк. Так, 10% организаций выступает за роспуск военных блоков, 18 — за всеобщее разоружение, 16 — за контролируемое разоружение, 16 — против торговли оружием, 14 — за использование высвобождающихся благодаря разоружению средств в целях развития, 26% — за односторонние шаги Франции в области разоружения⁵⁵.

Деятельность антивоенных организаций вызвала во Франции широкую дискуссию по проблемам войны и мира, в ходе которой выдвигались идеи, выходящие за рамки пацифизма. Дискуссия разворачивалась на различных уровнях — в правительстве, партиях, общественных организациях, научных центрах. В нее также включились средства массовой информации.

Определить свою позицию была вынуждена даже французская католическая церковь как наиболее влиятельная и массовая религиозная организация страны. В ноябре 1983 года пленарная Ассамблея епископата в Лурде 93 голосами против 8 одобрила документ, признающий „необходимость скорбной логики ядерного сдерживания”. В нем резко осуждалась позиция пацифистов и сторонников одностороннего разоружения. Епископат подчеркнул, что нельзя переносить идею о ненасилии, которая „остается призывом к отдельному человеку”, на государства, так как в реальном мире, „мире насилия и греха... церковь всегда признавала за политической властью право отвергать насилие с помощью силы”⁵⁶. Позиция этой религиозной организации была использована правыми силами для новых нападок на пацифизм.

В целом реакция правящих кругов на развитие антивоенного движения является свидетельством его действенности как фактора формирования идей и концепций в области внешней политики.

4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ

Научно-исследовательские центры по изучению международных отношений принимают самое непосредственное участие в развитии внешнеполитических концепций и теорий. Их сеть носит достаточно разветвленный характер и анализ ее затруднителен, что в значительной мере объясняется незавершенностью процесса автономизации исследований международных отношений на правах научной дисциплины.

В силу этих причин целесообразным представляется подразделение французских внешнеполитических научных центров не по направлениям исследований, а по их статусу, в соответствии с которым они могут быть объединены в две группы — университетские и так называемые независимые (иногда именуемые частными).

Университетские центры наиболее многочисленны. Независимые центры составляют лишь одну треть общего числа внешнеполитических научных центров Франции. Однако, существуя не только за счет государства, но и за счет частных средств, они обладают большими возможностями и более значительным влиянием.

Ведущее место в последней группе, несомненно, принадлежит Французскому институту международных отношений. В него вошли парижский Центр по изучению внешней политики (основан в 1935 г.), долгие годы возглавлявшийся Ж. Вернаном, и Группа по исследованию международных проблем (руководил Р. Арон) при Доме гуманитарных наук.

Стремясь играть такую же роль, как Совет по международным отношениям в Нью-Йорке, Королевский институт международных отношений в Лондоне и Немецкое общество внешней политики в Бонне, институт не столько занимается академическими исследованиями, сколько ориентируется на интересы администрации, политической и военной элиты, различных деловых и предпринимательских кругов.

Такую направленность обнаруживает уже сам состав административного совета института, куда входят, в частности, Ж. Пейрелевад — генеральный директор „Банк Штерн“, А. Леви-Ланг — президент „Компани банкэр“, О. Лекерф — президент, генеральный директор компании „Лафарж — Коппе“, Ж. Гюйо — член совета директоров „Лазар фрэр э компани“, адмирал Ж. Брюсон — советник военной компании „Матра“, послы Франции П. Майяр, Б. Вернье-Пальез и Ж. Лепретт, генерал Ж. Фрико-Шаньо и адмирал П. Лакост, профессора Ж. Хюнцингер и Р.-Ж. Дюпюи, директор ЭНА Р. Форю, директор „Монд“ А. Фонтэн и др.

Разрабатываемые институтом концепции предназначены непосредственно для реальных нужд внешней политики. Считаясь независимым учреждением, институт в действительности тесно связан с министерствами иностранных дел и национальной обороны, выполняет работы по контрактам с ними. Он пользуется также субсидиями американских благотворительных организаций — фонда Маршалла и фонда Форда. Так, из 4 млн. франков, составлявших бюджет института в 1979 году, половина относится к субсидиям министерств иностранных дел, национальной обороны, образования. 60% другой половины бюджета института — поступления за работы по контрактам и 40% — частные взносы.

Тесные связи института с правительством проявились и в том, что его бессменным директором со дня основания является профессор Тьерри де Монбриаль, в прошлом директор Центра анализа и прогнозирования министерства иностранных дел.

Штат научных сотрудников института невелик — около 20 человек, среди которых такие известные исследователи, как Ж. Клейн, В. Шютце, П. Лелуш и др. Исследовательскую работу институт осуществляет в рамках специализированных научных групп, в состав которых привлекаются также сотрудники из других исследовательских организаций, дипломаты, военные, журналисты и т. д.

Институт систематически организует различные выступления (до 50 в год) французских и зарубежных политических деятелей и ученых, а также дискуссии по узловым вопросам мировой экономики, политики, идеологии, военной стратегии. Он активно сотрудничает с близкими по профилю зарубежными организациями США, Англии, ФРГ и т. д.

Основные работы института публикуются как в специальных изданиях монографического типа, так и в ежеквартальном журнале „Политик этранжер“, который ранее был органом Парижского центра по изучению внешней политики. Теперь журнал имеет большой объем и видоизменился по подобию таких изданий, как американский журнал „Форин афферз“ и английский журнал „Интернэшнл афферз“. Ежегодно институт издает доклад по вопросам мировой экономики „Рамзес“.

Крупной научной организацией прикладного характера является созданный в 1972 году по инициативе бывшего тогда министра национальной обороны М. Дебрэ Фонд по исследованию национальной обороны. Фонд возглавляется, как правило, кадровым военным (в настоящее время президентом фонда является адмирал П. Лакост). Фонд проводит исследования в основном военно-политических проблем. Работой исследовательских групп руководит видный французский теоретик генерал Л. Пуарье. Фонд издает ежеквартальный журнал „Стратежик“ и в качестве приложения

к нему — „Тетради”, где публикуются монографические исследования.

С 1982 года под эгидой Фонда работает Французский институт полемологии, созданный в 50-х годах французским социологом Г. Бутулем и специализирующийся на изучении социологии войн и международных конфликтов. Возглавляемый в настоящее время Д. Эрманом институт, как свидетельствуют его работы, которые публикуются на страницах печатного органа — журнала „Этюд полемоложик”, стремится отойти от вульгарно-социологических концепций объяснения конфликтов, свойственных трудам Г. Бутуля, и опираться на междисциплинарный подход с использованием методов количественного анализа, моделирования и т. д.

Значительную научную деятельность вел основанный в 1982 году Центр междисциплинарных исследований проблем мира и стратегии во главе с А. Жоксом. Он финансировался министерством научных исследований и промышленности, а также за счет контрактных заказов ряда ведомств. С 1986 года центр заметно сократил свою деятельность.

Академические исследования выполняются в Центре международных исследований, созданном в 50-е годы известными политологами Ж.-Б. Дюрозелем и Ж. Мейриа. В настоящее время его возглавляет Ж.-Л. Доменак. Работа центра финансируется Национальным фондом политических наук и Национальным центром научных исследований Франции. Он выполняет также и контрактные заказы.

Занимаясь также изучением теоретических и конкретных комплексных проблем современных международных отношений — международные конфликты, европейская интеграция, деятельность ООН, международное коммунистическое движение, центр, однако, преимущественно разрабатывает внешнеполитическую проблематику различных стран и регионов. В нем работает около 40 научных сотрудников, в том числе такие известные политологи, как П. Асснер, Ф. Девиллер, А. Гроссер и др. Исследования публикуются в основном на страницах журнала „Ревю франсэз де сыанс политик” и в виде монографических работ.

Как уже говорилось, значительная часть научных исследований в области международных отношений осуществляется в высших учебных заведениях, курируемых министерством национального образования Франции. Это — университеты и парижская Практическая школа высших исследований, являющаяся независимым от университетов институтом для подготовки докторов наук. Ее так называемая шестая секция („Экономика и социальные науки”) располагает десятками учебных и научных центров. В них осуществляются преимущественно региональные и страновые исследо-

вания, а в целом вопросы международных отношений или внешней политики не изучаются. Страновой профиль имеют и исследования Института по изучению СССР и стран Восточной и Центральной Европы (директор М. Ферро). Институт находится под эгидой того же министерства, а также Национального центра научных исследований Франции.

Международные отношения широко исследуются во французских университетах, и в первую очередь в Парижском университете. Это прежде всего высший Национальный институт исследований проблем обороны и разоружения, который возглавляется профессором П. Дабзи. Помимо исследований по вопросам обороны, разоружения и безопасности в институте на контрактной основе осуществляются заказы министерств иностранных дел, национальной обороны. Кроме того, готовятся специалисты по стратегическим проблемам.

Здесь сотрудничают видные политические деятели, представители администрации, внешнеполитических ведомств, подавляющее большинство которых либо члены социалистической партии, либо левые голлисты. Отмечая это обстоятельство, правая печать, откликнувшаяся с нескрываемым раздражением на создание института, ставила под сомнение его общенациональный характер, поскольку в нем не были представлены все политические течения Франции⁵⁷.

В системе Парижского университета функционирует также Международный институт дипломатических исследований, созданный в июне 1981 года и возглавляемый профессором Ш. Зоргбюмом. Его цель — проведение учеными и дипломатами Франции и зарубежных стран совместных научных исследований прикладного характера по узловым вопросам современных международных отношений — атлантических, западноевропейских, в „третьем мире”, — а также подготовка дипломатических кадров (преимущественно для африканских стран). Основной организационной формой деятельности института являются созыв международных научных конференций и публикация сборников научных докладов.

Среди других научных центров Парижского университета известностью пользуются Центр исследований истории современных международных отношений, возглавлявшийся в течение ряда лет Ж.-Б. Дюрозелем, а в 80-е годы — Р. Жиро, исследовательская группа по изучению международных отношений и организаций во главе с М. Мерлем, Институт международной и европейской политики во главе с Ю. Портелли.

Свыше 20 внешнеполитических научных центров насчитывается в провинциальных университетах Франции. Их доля в общем потоке внешнеполитических исследований в течение долгого вре-

мени была крайне незначительна, однако в последние годы она становится все более ощутимой. Среди таких центров наибольшей активностью отличаются Общество по развитию исследований в области обороны и национальной безопасности, объединяющее ученых-международников Гренобльского и Лионского университетов и издающее ежегодник „АРЕС“; Центр по изучению национальной обороны Страсбургского университета, Институт международного права и развития в Ницце, при котором действует Центр исследований обороны и безопасности.

Тематика научных работ разветвленной сети внешнеполитических исследовательских организаций во Франции в 60 — 70-е годы в целом носила достаточно пестрый и несбалансированный характер. Прежде всего очевидно было доминирование региональных и страновых исследований над исследованиями самих международных отношений или их отдельных проблем. Среди научных тем приоритет принадлежал африканистике, в частности проблемам внутривосточного развития отдельных стран. На таком же уровне происходит изучение проблем стран Азии, Западной Европы, а также Советского Союза.

В 80-е годы стало углубляться исследование собственно международных отношений, что находит выражение в растущем числе работ по таким вопросам, как соотношение сил в мире, интеграционные процессы, международные конфликты, международная и региональная безопасность, особенно военная стратегия и контроль над вооружением. Заметнее становится тенденция к преодолению эмпиризма, описательности, усиливается внимание к концептуальному осмыслению проблем, разработке методологии анализа.

Исследователи стремятся подвести научно-теоретическую базу под реальную политику либо администрации, либо какой-то иной политической силы, формировать идеи и теории, которые, по представлению их авторов, могли бы или должны были бы быть положены в основу реальной политики. Зачастую они непосредственно работают „по заказу“.

Эти тенденции, по словам американского исследователя Д. Йоста, способствуют „депровинциализации“ французской науки международных отношений⁵⁸. Еще недавно она ассоциировалась за рубежом, как пишет другой американский исследователь Д. Лайонс, лишь с именами небольшой группы ученых — Р. Арона, Ж.-Б. Дюрозеля, П. Асснера, А. Боффа. Теперь же она все ощутимее оказывает влияние на научную мысль других западных стран, что лишает смысла вопрос, „является ли наука международных отношений исключительно американской привилегией“⁵⁹, который поставил 30 лет назад А. Гроссер.

Однако, по оценкам самих французских ученых, несмотря на несомненно возросшую популярность их работ за рубежом, разрыв между уровнем и масштабами внешнеполитических исследований во Франции, в отличие от Соединенных Штатов, все еще продолжает сохраняться⁶⁰. Здесь пока отсутствует координация научных исследований, что ведет к разобщенности ученых из университетских и „независимых” центров, которую усугубляет крайняя неравномерность финансирования научных разработок. Одним из результатов этого, как уже указывалось, является тот факт, что многие французские ученые-международники стали отдавать предпочтение рынку так называемых общекультурных ценностей, в частности средствам массовой информации, особенно прессе. Это, в свою очередь, способствует укреплению ее роли как еще одного влиятельного участника процесса формирования современной французской внешнеполитической мысли.

5. ЗНАЧЕНИЕ ПРЕССЫ

Как в любой современной капиталистической стране, во Франции контроль над прессой осуществляется крупным капиталом. Поэтому правая печать, выражающая его интересы, занимает первенствующее положение.

Тем не менее существенной особенностью современной французской периодической печати является отсутствие того известного ограничения свободы печатного слова, которое существует, к примеру, в США, где фактически можно встретить лишь два направления — либеральное и консервативное. Франция прочно сохраняет завоеванное ею в капиталистическом мире положение страны с развитой печатью различных идейно-политических направлений — от крайне правых до крайне левых. Наличие изданий, представляющих широкий спектр идейных и политических позиций, имеет немаловажное значение для формирования внешнеполитической мысли, предопределяет плюрализм складывающихся в ее рамках теорий и концепций.

Участие французской прессы в их формулировании происходит в основном посредством распространения научно-теоретической информации через газеты, журналы и специализированные издания. Существующие ныне в стране органы периодической печати весьма многочисленны. Они насчитывают свыше 15 тыс. названий. Однако место и роль их в рассматриваемом процессе далеко не равноценны.

В массовых газетах и журналах внешнеполитическая информация для размышлений, как правило, преобладает над „размышлениями над информацией”, которым из десятков страниц обычно посвящены лишь одна-две, где помещаются редакционная статья

и так называемый обзор „идей” или „мнений”. Исключение составляет специализированная внешнеполитическая ежемесячная газета „Монд дипломатик”, значительная часть материалов которой содержит „размышления над информацией”.

Ряд массовых изданий имеет достаточно высокий уровень идейно-теоретического влияния. К ним прежде всего относятся такие имеющие репутацию респектабельных органов парижской массовой печати, как газеты „Монд”, „Фигаро”, „Матэн”, „Либерасьон”, „Круа”, „Эко”, „Котидьен де Пари”, журналы-еженедельники „Экспресс”, „Нувель обсерватор”, „Пуэн”. В них довольно часто выступают многие теоретики, которые являются здесь постоянными обозревателями. Например, в таком качестве много лет работал Р. Арон в „Фигаро” и „Экспресс”, А. Бофр — в „Фигаро”, Ж.-Ф. Ревель и П. Лелуш — в „Пуэн”, А. Безансон — в „Экспресс”.

Значительное воздействие на формирование внешнеполитической мысли Франции оказывают специальные издания различных исследовательских организаций. К этим изданиям относятся журнал „Дефанс насьональ”, „Политик этранжер”, „Стратежик”, „Космополитик”, „Жеополитик”. Как уже указывалось, в 70-е годы под руководством политического обозревателя „Фигаро” П. Вайжмана за счет частных субсидий стал издаваться журнал „Политик энтернасьональ” (его можно сравнить с такими западными внешнеполитическими изданиями, как „Форин афферз” и „Интернэшнл афферз”). Особое место в ряду специализированных внешнеполитических изданий занимают периодические выпуски под рубрикой „Докюмантасьон франсэз”, где практические работники, журналисты и ученые публикуют аналитические материалы по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Есть во Франции журналы, пользующиеся репутацией „интеллектуальных”, издателями и потребителями которых является творческая интеллигенция. Это — „Коммантэр”, „Деба”, „Пувуар”, „Эспри”, на страницах которых публикуются аналитические статьи по вопросам международных отношений.

Во Франции выходят в свет и так называемые конфиденциальные издания внешнеполитического профиля, распространяемые в виде „информационных писем” различных ведомств, институтов, фондов, клубов, ассоциаций и даже отдельных теоретиков.

Французская пресса не просто распространяет те или иные внешнеполитические концепции, теории, но и влияет на их отбор и популяризацию, поддерживая и „проталкивая” на рынок идей то, что может быть отвергнуто на других уровнях администрацией, партиями, научными кругами. Будучи заинтересованными в успехе сочинения, авторы вынуждены считаться с требованиями прессы,

приспосабливаться к ним. Это сказывается на стилистических достоинствах, форме и даже содержании материала⁶¹.

Кроме того, и многие журналисты не без успеха выступают в роли теоретиков, такие как А. Фонтэн и М. Татю („Монд”), П.-М. де ла Горс („Фигаро”), К. Жюльен („Монд дипломатик”).

Таким образом, средства массовой информации, научная печать являются важными участниками процесса формирования современной французской внешнеполитической мысли.

* * *

Характер социально-политического развития современной Франции обусловил специфику процесса формирования ее внешнеполитической мысли. Этот процесс не имеет постоянного, организационно оформленного механизма управления со стороны государственно-монополистических кругов по подобию политико-академического комплекса в Соединенных Штатах. Идеино-теоретические разработки в области внешней политики осуществляются во Франции несколькими относительно автономными „центрами” — государственно-бюрократическими учреждениями, политическими партиями, общественными организациями, научными кругами и прессой.

В значительной мере стихийный характер развития внешнеполитической мысли не означает, что правящий класс лишен возможностей влиять на него. Напротив, он продолжает поощрять доминирование во внешнеполитических концепциях страны тех направлений, которые обеспечивают решение его задач на международной арене. В то же время формируемые внешнеполитической мыслью теории и концепции могут играть и самостоятельную роль во внешней политике страны, оказывать на нее корректирующее воздействие.

ГЛАВА II

ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Одним из компонентов современной французской внешнеполитической мысли являются теории международных отношений, представляющие собой совокупность взглядов на методологию анализа сложных процессов в сфере мировой политики. Эти теории появились в результате воздействия ряда объективных и субъективных факторов, подобных тем, которые влияли на внешнеполитическую мысль США и ряда стран Западной Европы¹.

Речь идет о небывалом усложнении содержания, характера, форм и роли самих международных отношений, которое произошло под воздействием огромных социальных сдвигов в мире, прежде всего необратимого роста сил социализма, а также темпов научно-технической революции, придающих целому ряду социальных, экономических, политических, военных и научных проблем общечеловеческий, глобальный характер. Это послужило стимулом для энергичных усилий внешнеполитической мысли ряда капиталистических стран в поисках новых теоретико-методологических подходов, которые могли бы помочь уяснению взаимосвязей сложных явлений и процессов на мировой арене, их систематизированному и упорядоченному представлению в качестве основы для принятия внешнеполитических решений. „Общественное мнение испытывает потребность в глобальном объяснении, уповаает на то, что в его распоряжение будет предоставлена всеобъемлющая схема”², — пишет бывший президент Франции В. Жискар д’Эстен в книге „Французская демократия”.

Ускорение теоретико-методологических поисков в области международных отношений и внешней политики явилось также реакцией на ряд процессов в эволюции самой буржуазной социальной мысли. К ним относится прежде всего кризис эмпиризма, который был положен в основу теоретических разработок в целях достижения более быстрого развития теории на базе сбора и систематизации фактов, а также упадок „юридизма”, банкротство односторонних, поверхностно описательных доктрин которого

потребовало более широкого и универсального подхода к анализу политических явлений.

Наконец, значительную роль в активизации теоретических разработок сыграло влияние марксистско-ленинской политической мысли, которая продемонстрировала не только свое теоретическое превосходство, но и практическую эффективность. Именно в ответ на вызов марксизма-ленинизма буржуазная политическая мысль была вынуждена по-новому подойти к ряду вопросов теории и методологии познания внешнеполитических процессов.

Теоретико-методологические искания в области международных отношений по-разному велись и ведутся в капиталистических странах, приобретая неодинаковые масштабы, глубину и направленность. В этом находит отражение специфика социально-экономического, внутреннего и международного положения этих стран, традиций их политической мысли. Наибольшего размаха, как известно, эти поиски получили в США, что позволяет американской теоретической мысли стимулировать аналогичные поиски в странах Западной Европы, в том числе и во Франции. Взгляды многих французских теоретиков международных отношений развиваются под явным американским влиянием. Однако это отнюдь не означает, что французские исследования находятся полностью под воздействием США.

Первые теоретические работы в области международных отношений появились во Франции в конце 40 — начале 50-х годов. Но они не нашли благоприятной почвы для последующего быстрого развития. Это объясняется прежде всего тем положением, которое занимал на мировой арене французский империализм. Вторая мировая война сильно подорвала его позиции, привела к утрате былого величия Франции в мире. Экономически ослабленная, она оказалась прежде всего перед лицом острейших внутренних экономических, социальных и политических проблем, которые требовали первоочередного теоретического осмысления, что в значительной мере снижало актуальность разработки внешнеполитических теорий.

Установление Пятой республики и последующее усиление внешнеполитической активности Франции, развитие в ее внешней политике таких тенденций, как стремление к независимости и самостоятельности с опорой на собственные ядерные силы, к сотрудничеству с государствами с противоположным социальным строем, на мирное урегулирование международных проблем дали разработке французских теорий международных отношений новый импульс. Об этом свидетельствовало увеличение с 60-х годов числа соответствующих работ, многие из которых приобрели

авторитет и влияние не только во Франции, но и за ее пределами, в частности в США и странах Западной Европы.

И все же масштаб разработки во Франции теорий международных отношений остается ограниченным. Их место в общем потоке идей, вырабатываемых французской внешнеполитической мыслью, достаточно скромно. Симптоматично, что во Франции до сих пор нет „чистых” теоретиков международных отношений, как правило, они занимаются еще и другими проблемами.

Построения французских теоретиков международных отношений выдержаны исключительно в „классическом”, „традиционалистском” духе, то есть теоретический поиск ведется в конкретной, реальной, а не абстрактной, логико-математической сфере, с использованием историко-социологического и политико-стратегического подхода, что обусловлено особенностями философских познавательных принципов, из которых исходят французские теоретики международных отношений. На формирование этих принципов оказали влияние учения философской, социологической и исторической мысли Франции конца XIX — начала XX века, и прежде всего позитивизм О. Конта. Многие его идеи и понятия вошли в оборот как французской, так и всей буржуазной социологии, основателем которой он был. Именно в философских и социологических взглядах Конта следует искать такие черты французских теорий международных отношений, как внимание к структуре общественной жизни, определенный историзм, преобладание сравнительно-исторического метода и пренебрежение к математическим приемам исследования.

Сильное влияние на методологические принципы французских теоретиков международных отношений оказал „социологизм” Э. Дюркгейма. Такие его черты, как, с одной стороны, акцент на необходимость конкретного исследования социальной реальности, стремление сочетать общую теорию с конкретным социальным анализом, а с другой — психологизация социологии, гипертрофирование роли коллективного сознания как движущей силы исторического процесса³, отчетливо прослеживаются в современных французских теориях международных отношений.

На эти теории позитивистская дюркгеймовская философия и социология оказали воздействие двумя путями. Во-первых, через такой ее источник, как французская историография конца XIX — начала XX века в лице представителей школ „исторического синтеза” и „Анналов”. Их основатели — А. Берр, Л. Февр, М. Блок и др., опираясь на позитивистскую методологию философии истории, попытались расширить рамки исторического исследования и создать всеобъемлющий „синтез”, который соединил бы историю с социологией и позволил бы дать научное объяснение

исторического процесса в целом⁴. Во-вторых, воздействие оказывалось через „социологическую школу” права Л. Дюги и М. Ориу, обративших внимание на необходимость увязывать исследования институтов с социально-политической реальностью. Методологическая линия этой школы наиболее заметна в теориях международных отношений, конструируемых представителями правовой и политической наук⁵.

В своем большинстве французские теоретики и по сей день сохраняют верность методологическим принципам позитивизма в формах, более или менее близких к „классическому” позитивизму, и продолжают его традиции. Но это не освобождает их методологию от заметного влияния зарубежных философских учений. Последнее объясняется прежде всего особенностями развития философской буржуазной мысли во Франции, оказавшейся в начале нынешнего столетия, как пишет французский марксист Л. Сэв, неспособной к „самостоятельному производству новых философских идеологий, которые служили бы для ее защиты и в которых она все более и более остро нуждалась для борьбы с марксизмом, и вынужденной обратиться к процветавшим за рубежом идеалистическим философиям”⁶.

Примечательной чертой методологических принципов современных французских теорий международных отношений является заметно сказывающееся воздействие философии и социологии марксизма, который, как писал бывший президент Франции В. Жискар д’Эстен, „продолжает играть... важную роль в интеллектуальной и политической жизни Франции”⁷. Это воздействие прослеживается в двух основных формах. С одной стороны, обращаясь к марксистскому методу, французские теоретики стремятся преодолеть узкие рамки позитивизма, найти более плодотворную методологическую почву для решения стоящих перед ними задач. С другой — некоторые из них пытаются с помощью признания ряда марксистских идей (например, роль в международных отношениях экономического фактора, связь внешней и внутренней политики, системный характер международных отношений и т. д.) извлечь определенную политико-идеологическую выгоду. Включая в свои схемы понятия и категории марксистской науки, они наполняют их определенным классово-буржуазным содержанием и тут же направляют против теории марксизма-ленинизма.

В целом плюралистическая природа методологии современных французских теорий международных отношений не отменяет, а лишь усугубляет их метафизический и идеалистический характер, что наглядно проявляется в свойствах этих теорий ключевых индетерминистских установках. Ссылаясь на неповторимость и уникальность явлений международных отношений, француз-

ские теоретики отвергают универсальность причинных связей во внешнеполитической сфере. Широким признанием среди них пользуется позитивистская теория „плюрализма факторов“, утверждающая равноправие материальных и духовных факторов в их воздействии на общественные процессы. Достоинство такой точки зрения французские теоретики видят в том, что она якобы позволяет подняться над „односторонностью“ некоторых теорий международных отношений, отдающих предпочтение тому или иному фактору, и дать подлинно объективный взгляд на предмет исследования. „Теория детерминирующей причины, — пишет известный политолог Л. Амон, — предполагает прежде всего искусственную изоляцию факторов друг от друга и дает ложное представление о реальности вещей”⁸.

Обращают на себя внимание настойчивые попытки французских теоретиков обвинить в односторонности и марксистскую теорию международных отношений. Они утверждают, будто марксизм-ленинизм выводит все явления международных отношений из экономики, игнорируя роль других факторов мировой политики. В действительности подобные утверждения ничего не имеют общего с марксистскими научными взглядами.

Как подчеркивал В. И. Ленин, „самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики” определяются „экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов”⁹. Разумеется, это лишь „самые глубокие корни”, которые определяют и внутреннюю, и внешнюю политику лишь в принципе, в конечном счете, опосредованно. Марксистско-ленинская мысль всегда имела в виду сложное, далеко не непосредственное и не автоматическое, а перенесенное, преломленное воздействие экономических факторов.

Советские исследователи отмечают, что перенесение производственных отношений в политику, в том числе внешнюю, происходит в преломленном виде через сложное взаимодействие политических факторов, политического процесса, через систему структур социального, политического, идеологического, правового, социально-психологического и иного характера, определяемых в конечном счете классовыми отношениями. „Эти структуры шаг за шагом, последовательно, а иногда и параллельно, взаимоперекрещиваясь и накладываясь, иногда противореча друг другу, преломляют, корректируют и даже в отдельных случаях деформируют привычные импульсы экономических отношений и интересов классов. Они переносят их в область внешней политики как отношения политические, в виде, порой значительно отличающемся от первоначального. Таков процесс перенесения сущности производственных отношений, классовой сущности во внешнюю поли-

тику государств, участвующих в системе межгосударственных отношений, а следовательно, и в саму систему межгосударственных отношений”¹⁰.

В конечном счете французские теоретики не выходят за пределы банальной констатации взаимодействия международных отношений с теми или иными природными и социальными факторами, не раскрывают и их внутренней взаимосвязи и соподчиненности. „Взаимодействие, бесспорно, существует между всеми сторонами общественной жизни, — писал Г. В. Плеханов, в свое время вскрывший несостоятельность теории факторов. — К сожалению, эта справедливая точка зрения объясняет очень немногое по той простой причине, что она не дает никаких указаний на счет происхождения взаимодействующих сил”¹¹.

Отвергая принцип всеобщего детерминизма, марксистский материалистический монизм, французские теоретики отказываются формулировать объективные законы развития и функционирования международных отношений. По их мнению, ставить целью изучение международных отношений, раскрытие их точных законов, помогающих предвидеть будущее, означает „направлять эту дисциплину на путь обмана и приговаривать исследователя к заведомо ложным результатам”¹². Логическим следствием такой позиции является практически единодушное признание французскими теоретиками невозможности создания строго научной общей теории международных отношений. Французские исследователи оказываются в парадоксальной ситуации: с одной стороны, они остро осознают необходимость теории, с другой — методологические принципы, которыми они руководствуются, отвергают возможность ее построения. Выход из нее они видят в ограничении функций теории международных отношений, а фактически — в ее подмене рядом понятий, гипотез и отдельных обобщений, фиксирующих „регулярность явлений” в мировой политике.

В результате конструируемые французскими теоретиками схемы оказываются в лучшем случае заявками на теоретические разработки. При этом одни из них носят „глобальный” характер — охватывают мировую политику в целом, другие — „частичный” характер — затрагивают лишь отдельные явления этой политики.

2. ВАРИАНТЫ „ГЛОБАЛЬНОЙ” ТЕОРИИ

В современной французской внешнеполитической мысли выделяются три наиболее крупные попытки разработать „глобальную” теорию международных отношений, которые были приняты такими теоретиками, как социолог Р. Арон, историк Ж.-Б. Дюрозель и политолог М. Мерль. Малочисленность этих

попыток объясняется не только недостаточным вниманием научного мира к проблемам международных отношений, но и его зависимостью от „социального заказа” на создание теорий международных отношений, осуществляемого правящими кругами.

В то же время эти теории заслуживают внимания, поскольку их создание предпринято авторитетными французскими буржуазными учеными и отражает различные подходы буржуазной науки к их построению, а также, что особенно существенно, противоположные тенденции в понимании путей и методов достижения внешнеполитических целей французского империализма, обусловленные интересами различных групп правящего класса.

Теория Р. Арона

Теория международных отношений Р. Арона стала первой в послевоенной истории французской внешнеполитической мысли попыткой выработать комплексное представление о международных отношениях, их структуре, характере функционирования, а также о наиболее оптимальных вариантах поведения империалистических государств на мировой арене¹³.

Теоретические взгляды Р. Арона получили широкое распространение как в академических, так и политических кругах Франции, приобрели популярность за ее пределами и воспроизводятся в специальной западной литературе как „классические”. Объясняется это во многом тем, что в мировоззрении Арона на протяжении послевоенных лет и вплоть до недавнего времени (он скончался в 1983 г.) воплощалось мировоззрение капиталистического Запада. Он был автором многочисленных трудов по философии, экономике, политике, истории и идеологии, создателем ставших модными на Западе теорий „деидеологизации” и „индустриального общества”, а также внешнеполитическим обозревателем буржуазных газет и журналов Франции и других капиталистических стран. К его оценкам, мнениям и рекомендациям всегда прислушивались с большим вниманием.

Характер и содержание многогранной и плодотворной деятельности Арона неоспоримо свидетельствуют о его принадлежности к правому крылу либеральной буржуазии. Одержимый антикоммунизмом и антисоветизмом, он всегда оценивал политические события не с национальных позиций французской буржуазии, а с космополитических позиций всемирной буржуазии, за что снискал себе известность как последовательный защитник „атлантизма”.

Космополитическую природу имеют и философско-методологические воззрения Арона, которые восходят не к прогрессивному французскому рационалистическому наследию, а к различного рода реакционным антимарксистским зарубежным идейным

течениям, в частности к философии и социологии М. Вебера, а также американской социологии¹⁴.

Особенно отчетливо мировоззрение Арона воплощается в его теории международных отношений. При ее построении он смешивает разные, не совпадающие друг с другом идеи мыслителей прошлого — Гоббса, Юма, Канта, Вебера, Парето, Клаузевица, элементы внешнеполитических теорий современных американских авторов — М. Каплана и Г. Моргантау. Характерно, что главный труд Арона „Мир и война между нациями”, где наиболее полно представлена его теория, написан в США в начале 60-х годов, когда там пользовались сильным влиянием школы „политического реализма” и „стратегического анализа”, проповедовавшие „силовой” подход в международных отношениях. Арон в немалой степени способствовал распространению идей этих школ в кругах французских теоретиков.

В то же время его теория международных отношений прямо не копирует построения американских исследователей. Она имеет немало оригинальных черт и, на первый взгляд, как будто противостоит „силовым” схемам американских „политических реалистов”. „Для того чтобы дать „рациональное объяснение” дипломатическо-стратегическому поведению, чтобы выработать общую теорию международных отношений, сравнимую с экономической теорией, многие авторы выдвинули в качестве основополагающей концепцию „пауэр”, или „махт”, которая как бы соответствует концепции стоимости. Но в действительности эта концепция не может выполнять такую функцию”¹⁵, — подчеркивает Арон.

Однако его критическая позиция далеко не однозначна. Из всех французских теоретиков он был более скептически настроен в отношении возможности существования научной теории международных отношений. Будучи последовательным сторонником философии и социологии неокантианства, отрицавшей любые закономерности социальной жизни, он утверждал, что только естественные науки способны дать достоверные знания, в то время как социальные науки лишены такой возможности, ибо общественная жизнь складывается из уникальных, неповторимых явлений, событий. Распространяя такой субъективно-идеалистический взгляд на область международных отношений, Арон объявляет внешнюю политику „неопределяемой”, неподдающейся „рациональному объяснению”, что он пытается подкрепить утверждениями, будто в области мировой политики действуют сложные и крайне многообразные факторы, ни один из которых не может быть „единственно определяющим”. Нетрудно обнаружить, что „разрушительный скептицизм” Арона в отношении возможности создания теории международных отношений направлен своим

острием не только и не столько против силового „детерминизма” „политических реалистов”, сколько против марксистско-ленинской науки, утверждающей материалистический монистический взгляд на общественные явления, в том числе и на международные отношения, признающей закономерный характер их развития и классовую обусловленность.

Антимарксистский характер методологической позиции Арона, основанной на отрицании историко-материалистического, классового подхода к внешней политике и международным отношениям, ярко обнаруживается в его трактовке империализма. Арон определяет его не более как „дипломатическо-стратегическое поведение политической единицы, которая создает империю, то есть подчиняет себе группы населения”¹⁶. Понятие империализма, по его мнению, имеет отношение лишь к политической сфере и никак не соотносится с экономическим базисом общества. Империалистической, считает он, может быть политика любого государства.

Такой подход к характеристике империализма далеко не нов. Фактически Арон воспроизводит с некоторыми модификациями рассуждения К. Каутского, утверждавшего еще в начале XX столетия, будто империализм есть не стадия развития капитализма, а всего лишь политика аннексии и, следовательно, стремление к внешнеполитической экспансии и насилию — возможная, но не обязательная линия поведения монополистического капитала на мировой арене. Ложность и вредность подобных утверждений были блестяще вскрыты В. И. Лениным. „Выходит, — писал он, — что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, заверченный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой. Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма”¹⁷.

Ожесточенно атакуя марксизм-ленинизм, обвиняя его в одностороннем, „идеологизированном” взгляде на международные отношения, Арон противопоставляет ему теорию, в которой сам последовательно защищает классовую внешнеполитическую идеологию современного империализма, причем в центре его теории оказывается фактически тот же „силовой” подход „политических реалистов”, который он критикует.

Об этом свидетельствует исходный пункт теории международных отношений Арона. Им является утверждение, согласно кото-

рому спецификой международных отношений любой эпохи является отсутствие на мировой арене монополии какого-либо из государств на власть, наличие множества центров такой власти, что приводит, по его мнению, к чередованию войны и мира, к сохранению постоянной угрозы применения насилия, которая становится хотя и не основной, но важной частью мировой политики. «Макс Вебер, как известно, определял государство через „монополию законного насилия“, — пишет в этой связи Арон. — Можно сказать, что международные отношения характеризуются отсутствием инстанции, обладающей такой „монополией“»¹⁸.

Нетрудно увидеть, что подобное определение сути международных отношений несет на себе печать субъективистских, волюнтаристских представлений, что оно оторвано от конкретной исторической действительности, абсолютно не учитывает ее классового характера. Пытаясь выявить специфику международных отношений через их сравнение с внутриполитическими, Арон не только искусственно выхватывает при этом один из их признаков, но и толкует его в извращенном виде.

Действительно, в области международных отношений, где субъектом власти является каждое национальное государство, нет ничьей монополии на власть, а может иметь место лишь временное преобладание той или иной державы или группы держав. Но это отнюдь не единственная характерная черта международных отношений, а главное — отсюда вовсе не вытекает неизбежность безграничного произвола и насилия на мировой арене, как это пытается изобразить буржуазный теоретик. Очевидно, что в сфере международных отношений взаимодействует множество суверенных государств, обладающих во многих случаях сопоставимой в тех или иных отношениях материальной силой. В такой ситуации всякие недостаточно взвешенные действия встречают организованные ответные акции, противодействие. Уже это резко сужает сферу произвола в международной политике. Даже в случае конфликта между государствами с различным экономическим потенциалом произвол в отношении более слабого может дорого обойтись агрессору, так как, нарушая баланс сил и систему установившихся межгосударственных связей, он прямо или косвенно затрагивает интересы других государств, готовых в этом случае к активным ответным действиям.

Так как толкование Ароном сущности международных отношений достаточно близко подходит к ключевому тезису американских „политических реалистов“, утверждающих, что в основе мировой политики лежит „законность“ и „вездесущность“ применения насилия, Арон пытается найти способ размежевания с „силовым“ подходом. Для этого он делает акцент на той части своей

трактовки международных отношений, где они характеризуются как „чередование войны и мира“, и предлагает рассматривать внешнюю политику как некое „единство дипломатии и стратегии“, „дипломатическо-стратегическое поведение“.

Но „сила“ все равно остается важным элементом его концепции внешней политики. Арон ратует лишь „за более строгий подход“ к содержанию этого понятия. Так, он предлагает различать „силу внешней политики“, под которой следует понимать совокупность способов принуждения, находящихся в распоряжении государства, и „внешнеполитическую мощь“, выражающую способность применения этих сил в различных обстоятельствах для достижения определенных задач или, по его выражению, „способность политической единицы навязывать свою волю другим единицам“. „Сила“ делится Ароном на „потенциальную“, представляющую собой совокупность материальных, людских и моральных ресурсов государства, и „действительную“, то есть мобилизуемую для проведения внешней политики во время как войны, так и мира. В свою очередь, „мощь“ дифференцируется Ароном на „оборонительную“ и „наступательную“. При анализе этого понятия Арон рассматривает три составляющих ее элемента – территорию с материальными ресурсами, людские ресурсы, способность к коллективным действиям.

Как ни стремится французский теоретик с помощью всякого рода поправок и уточнений отмежеваться от свойственного „политическим реалистам“ отождествления „силы“ со способностью и возможностью насильственного подавления своих противников, ему это явно не удастся. Бесплодны и его попытки определить точное содержание этого понятия. Территория, численность населения, природные ресурсы, которые Арон называет в качестве его основных компонентов, отнюдь не определяют автоматически роль государства в международных отношениях¹⁹. Первостепенное, основополагающее значение имеют способ производства материальных благ, характер производственных отношений, социально-экономический строй, морально-политическое единство народа.

Столь же безуспешными оказываются усилия Арона разойтись с „силовыми“ представлениями „политических реалистов“ в вопросе о целях внешней политики. Выступая против универсализации понятия „сила“ американскими теоретиками, он указывает, что в международных отношениях стремление к силе связано с „выполнением определенной задачи“. Подчеркивая многообразие внешнеполитических целей любого государства на мировой арене, он пытается дать их классификацию, но лишь запутывает проблему абсолютно ненаучным разделением на цели „вечные“ (куда он относит „безопасность“, „славу“, „мощь“) и „исторические“.

Арон не задается вопросом, откуда, почему и как возникает указанное им многообразие внешнеполитических целей, так как считает, что ответ на него в принципе недоступен науке.

Очевидно, что сам факт наличия множественности целей отнюдь не служит непреодолимым препятствием для выявления сущности внешней политики того или иного государства, разумеется, при условии, что исследователь опирается на подлинно научную методологическую базу. Ею является историко-материалистический взгляд на природу внешней политики, понимание ее классового характера, что, в свою очередь, и позволяет объяснить, почему государство ставит перед собой в определенный отрезок времени те, а не иные цели.

Арон фактически сводит внешнюю политику к комбинации желаний и планов людей, их волевых порывов и даже государство склонен уподоблять индивиду: „Мы рассматриваем „политическую единицу“ как актера, наделенного умом и движимого волей”²⁰, — заявляет он.

Нетрудно понять, что, основываясь на подобных посылках, буржуазный теоретик демонстрирует свою полную беспомощность при разработке категории „национальный интерес”. Он приходит к выводу, что это понятие условно и неоднозначно, не поддается рациональному объяснению, поскольку не может быть выведено из индивидуальных и групповых интересов, равно как и сведено к их совокупности. Между тем национальные интересы имеют в своей основе вполне объективное содержание. Другое дело, что сами они преломляются через призму интересов правящих классов, и в антагонистическом обществе именно последние выдаются при формулировании внешнеполитического курса за общенациональные.

Важнейшей, если не центральной, во внешнеполитических взглядах французского исследователя является категория „международной системы”. Однако во всякой теоретической разработке какой-либо системы принципы системного подхода должны быть неотделимы от предметного содержания самой системы, представлять вместе единое целое, а не механически „прикладываться” друг к другу²¹. Арону же явно не удастся попытка рассмотреть международные отношения как систему. Они предстают у него в виде простой совокупности государств, „которые поддерживают регулярные отношения друг с другом и в любое время могут быть вовлечены в общую войну”²². При этом он не только чисто произвольно вычленяет межгосударственные отношения, но и полностью отвергает определяющую роль мировых социально-экономических процессов²³. Фактически Арон сводит систему международных отношений к некоему „транснациональному

обществу", обнаруживающему себя в контактах индивидов за пределами национальных границ.

Одновременно он считает, что универсальной чертой системы международных отношений является „состояние постоянной борьбы" между государствами. Другими словами, Арон неправомерно переносит особенности международных отношений эпохи империализма на все без исключения этапы и периоды общественно-исторического развития, полностью игнорируя качественные изменения, происшедшие в мире со времени Великой Октябрьской социалистической революции, рождение принципиально нового типа международных отношений между странами социалистического содружества, а также резкое возрастание значения объединяющих всю планету глобальных, общечеловеческих проблем.

Буржуазный теоретик, естественно, отнюдь не намерен говорить о классовой основе всей международной системы в целом. Арон, правда, упоминает об „однородных" и „разнородных" системах, однако не дает четкого принципа их разделения, ставя во главу угла то тип политического режима входящих в ту или иную систему государств, то схожесть или несхожесть средств дипломатической деятельности.

Структуру системы международных отношений он сводит к „конфигурации соотношения сил", различая по этому признаку „биполярную" систему международных отношений, которую характеризует, по его словам, доминирующее положение двух держав, превосходящих по силе все остальные, вынужденные группироваться вокруг них, и „многополярную", при которой имеет место соперничество ряда государств, более или менее равных по своей мощи. Совершенно очевидно, что вводимая Ароном типология заимствована из арсенала „политических реалистов" и лишний раз свидетельствует об откровенном тяготении французского теоретика к „силовым" схемам.

Функционирование системы межгосударственных отношений рассматривается Ароном через призму „равновесия". Его трактовка этого понятия явно противоречива. Так, отрицая какие бы то ни было закономерности во внешнеполитической сфере, он в то же время говорит о существовании „общего закона равновесия", чуть ли не об объективном характере этого „закона". Однако он раскрывает его в субъективистском, все том же „силовом" духе, заявляя, что „закон равновесия" состоит в постоянном стремлении государств „не оказаться во власти другого государства, располагающего превосходящей мощью". При этом он оправдывает гонку вооружений, эгоизм, цинизм, предательство в отношениях между государствами, якобы вытекающие

из „необходимости равновесия”, „диктуемой обстоятельствами”²⁴.

В теорию международных отношений Арон включает также категории войны и мира. Заимствуя у Клаузевица определение войны как „продолжения политики иными средствами”, он добавляет, что война есть „специфическое социальное явление, которое возникает, вероятно, в определенный момент. Она представляет собой организацию насильственных действий, предпринятых находящимися в состоянии борьбы коллективами”²⁵. Одновременно французский теоретик подвергает сомнению правомерность данной в марксистско-ленинской теории классовой оценки сущности социально-политического содержания и целей войн, то есть той оценки, благодаря которой формула Клаузевица была освобождена от присущих ей идеалистических искажений. Не признает Арон и деление войн на несправедливые и справедливые. В своем анализе он предпочитает руководствоваться многофакторным подходом, о чем свидетельствует предлагаемая им типология войн. Арон делит их на „межгосударственные”, „супергосударственные” (или „имперские”), „имеющие целью устранение некоторых противников и создание единицы более высокого порядка”; „внутригосударственные” (или „внутриимперские”), направленные на „поддержание или раздел политической, национальной или имперской единицы”. Он различает также войны феодальные, династические, национальные и колониальные. Арон конструирует и так называемый промежуточный тип, к которому относит „холодную войну”, характеризуя ее как совокупность политических, идеологических, экономических и прочих действий, разного рода острых столкновений и конфликтов на фронте дипломатической борьбы. Совершенно очевидно, что типология, предложенная Ароном, не имеет подлинно научной ценности.

Этот же порок свойствен и разрабатываемой французским теоретиком типологии мира. Определяя его как „более или менее длительное, но временное прекращение различных насильственных проявлений соперничества между политическими единицами”²⁶, Арон рассматривает три типа мира — „на основе силы”, „на основе взаимного устрашения” и „на основе взаимного удовлетворения”. Раскрытие содержания каждого из них позволяет утверждать, что Арон полностью остается в рамках избитых буржуазных идеологических схем. Так, например, одна из разновидностей мира „на основе силы” („империя”) фактически представляет собой вариант известной буржуазной концепции „мирового государства”. В мире „на основе страха” нетрудно обнаружить модификацию доктрины „ядерного сдерживания”, а в мире „на основе взаимного удовлетворения” — буржуазную трактовку

мирного сосуществования, понимаемого как сохранение социального статус-кво. Таким образом, в теоретическом анализе актуальной, животрепещущей проблемы мира Арон выступает как сторонник привычных политических и идеологических догм, находящихся в противоречии с основными тенденциями современного международного развития.

Антимарксистская, реакционная направленность положений теории международных отношений, сформулированной Ароном, еще с большей силой раскрывается, когда он предпринимает попытку проанализировать через их призму международно-политическую действительность наших дней. Здесь Арон выступает как последовательный и откровенный защитник устоев капитализма.

Система международных отношений, сложившаяся по окончании второй мировой войны, определяется французским политологом прежде всего как „планетарная”, то есть характеризующаяся ростом взаимозависимости и взаимосвязанности протекающих в ней процессов. Одновременно Арон указывает на гетерогенный характер современных международных отношений, который он усматривает, однако, не в классовой дифференцированности современного мира, а в плюрализме культур, ценностей и идеологических систем, различиях в типах политической организации составляющих его государств. Более того, при раскрытии гетерогенности системы международных отношений Арон идет по пути противопоставления группы индустриально развитых стран, куда он зачисляет как капиталистические, так и социалистические государства, странам „третьего мира”.

Этот прием используется Ароном для маскировки империалистической сущности внешней политики капиталистических государств. Вопреки очевидным фактам, он отрицает обусловленность ее экспансионистского характера интересами крупного капитала и даже... отказывается именовать империалистической, предпочитая называть „имперской”. „Имперское государство, — утверждает Арон, — при случае использует свою силу для защиты союзных с ним стран, но не для закабаления или диктата над слабым”²⁷.

Анализируя структуру современной системы международных отношений, он пытается уложить ее в понятия „биполярности” и „многополярности”. О „биполярности” Арон говорит исключительно под военным углом зрения, сводя все дело к тому, что США и СССР будто бы контролируют ход мировых событий и осуществляют в них вмешательство благодаря обладанию наиболее мощными ядерными средствами и способности присутствовать „на всех континентах и океанах”.

Несомненно, в целом ряде конкретных международно-политических проблем обнаруживается особая ответственность Советского Союза и Соединенных Штатов Америки за недопущение мировой войны и сохранение мира. Но связано это прежде всего с тем, что они в силу своего экономического потенциала, военной мощи и политического влияния являются крупнейшими государствами двух систем, что в их лице воплощается существующая социально-экономическая и классовая разделенность мира. Арон же старается затушевать основное противоречие между социализмом и капитализмом в мировом масштабе.

Этим целям служит и выдвигаемый Ароном тезис об имеющейся в современных международных отношениях тенденции к „мультиполяризации“, с помощью которого он пытается приписать рост экономических и политических противоречий в капиталистической системе и мировому социализму, заявляя, что „дружба между социалистическими государствами не лучше сопротивляется разъедающему действию времени и противоречащих интересов, чем дружба между христианскими государствами“²⁸.

Грубые фальсификации допускал Арон и при анализе проблем войны и мира на современном этапе. Он не мог игнорировать тех позитивных сдвигов в международных отношениях, которые произошли в 70-е годы. Однако он рассматривал разрядку как временное явление в вечном соперничестве государств на мировой арене, не более как период „торга“, который рано или поздно вновь сменится периодом „напряженности“. Фатальную неизбежность возникновения международно-политических конфликтных ситуаций Арон выводит из самого факта существования государств с „соперничающей и несовместимой идеологией“, из борьбы, которую ведут на международной арене мировой пролетариат и представляющие его коммунистические партии. Тот факт, что в марксистско-ленинской теории содержится вывод о неизбежности победы коммунизма над силами империализма, использовался Ароном для обвинений социалистической внешней политики в „агрессивности“. „Так как цели марксистов-ленинцев ориентируют их на такое радикальное решение, то, следовательно, и в период „холодной войны“, и в условиях мирного сосуществования война не снимается ими с повестки дня“²⁹, — клеветнически заявлял буржуазный теоретик. Ему, конечно, не могло быть неизвестно, что классики марксизма-ленинизма резко выступали против попыток подтолкнуть революцию при помощи войны, никогда не считали необходимым способствовать ее развязыванию между государствами с целью ускорения революционного процесса.

Фальшивые утверждения об „агрессивности” социализма Арон положил в основу своего проекта мирового порядка, который он выдвигает в качестве альтернативы марксистско-ленинскому пониманию мирного сосуществования. Претенциозно называя свой „проект мира” праксеологическим, он подчеркивал этим, что совокупность предложенных им мер только и может принести должный эффект и спасти мировую цивилизацию. „Мы не хотим уничтожить того, кто хочет уничтожить нас, но мы хотим его умиротворить и усмирить”³⁰, — лицемерно заявляет Арон. Примечательно, что, будучи одним из основателей пресловутой теории конвергенции, Арон не был склонен полагаться на автоматическое слияние и капитализма, и социализма и предлагал Западу проводить „гибкую политику”, „не развязывая тотальной войны”, но и, „не сдаваясь”, осуществлять „умеренную политику мира”, включающую требования к социалистическим странам прекратить классовую борьбу, не оказывать поддержки революционным движениям народов, признать „идеологическое сосуществование”.

В целом все это подтверждает тесную связь французского теоретика в идеологическом плане с одиозными пропагандистскими конструкциями периода „холодной войны”, а в политическом отношении — с наиболее реакционными кругами империалистической буржуазии, стремящейся любой ценой воспрепятствовать процессу утверждения принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Теория Ж.-Б. Дюрозеля

Иной характер и содержание как в философско-методологическом, так и политико-идеологическом аспектах имеет теория международных отношений, которую разработал видный историк-международник профессор Парижского университета Жан-Батист Дюрозель. Особенности предлагаемого им „теоретического видения” международных отношений во многом обусловлены влиянием на Дюрозеля крупного французского буржуазного историка академика П. Ренувена³¹, который был его учителем.

Взгляды Ренувена сформировались под воздействием зародившихся в межвоенный период течений французской исторической мысли — „школы исторического синтеза” и «школы „Анналов”». В общественно-политическом отношении их характерными чертами были отказ от антикоммунистических схем и выпадов, неприятие антисоветизма. В историко-философском плане им было свойственно стремление следовать лучшим рационалистическим традициям французской общественной мысли, восприятие элементов марксизма³². Ренувен был одним из тех буржуазных историков, которые с наибольшим интересом относились к марксист-

скому методу социального познания. Однако он не скрывал своих намерений внести в него „некоторые поправки“, хотя и в „мягкой форме“³³. Это нашло выражение в разработанной им методологии анализа международных отношений, нацеленной на исследование так называемых глубинных сил, то есть основных факторов, определяющих развитие мировой политики. „Дипломатическая история изучает действия правительств, а также, насколько возможно, их намерения, – писал он, – но это лишь один из незначительных аспектов. Географические условия, демографические характеристики, экономическая активность, общественная психология и настроение – это и есть глубинные силы, которые определяют рамки отношений между человеческими группами и ограничивают действия правительств. Однако политические руководители могут изменить характер игры этих глубинных сил или по меньшей мере найти пути их использования в своих политических целях. Исследование этого взаимодействия и должно быть первейшей заботой тех, кто стремится к комплексному видению международной политики“³⁴.

Ренувен подчеркивал, что в „глубинных силах“ было бы напрасно пытаться установить какую-либо иерархию не только потому, что их роль зависит от эпохи и государства, но также и потому, что попытка „изолировать одну из этих сил от других рискует быть произвольной“³⁵. Необходимо, считал Ренувен, учитывать бесчисленное разнообразие движущих сил, действие которых проявляется в истории.

Выступая за максимальное расширение масштабов исследования международных отношений, Ренувен, однако, упорно замалчивал роль классов и классовых интересов в политике, противопоставлял им решающую роль социально-экономических факторов, так называемую игру страстей. По существу, он присоединялся к известной „теории плюрализма факторов“, предполагающей эклектику и устраняющей определенность в методе исследования. Методология Ренувена, претендующая на комплексность и всесторонность анализа, открывала простор для субъективистских и идеалистических интерпретаций истории международных отношений, предопределенных политическими симпатиями и антипатиями исследователя, что подтвердила и практика исследований французского историка³⁶.

Критикуя подобные приемы буржуазной науки, В. И. Ленин писал: „Подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития“³⁷.

Положив метод Ренувена в основу своей теории международных отношений, Дюрозель не расширил ее познавательные возможности. Он не вышел за пределы описательности частных, хотя порой и интересных наблюдений многочисленных фактов истории международных отношений, их фрагментарных обобщений, а в ряде случаев оказался в русле „поведенческого”, „бихейвиоралистского” направления буржуазной политологии, в котором преувеличиваются субъективные, социально-психологические факторы. Последнее, видимо, объясняется стремлением Дюрозеля приспособить свою теорию к практическим потребностям современной французской внешней политики, особенностью которой, как уже указывалось, является персонализация власти главы государства в сфере ведения международных дел.

Руководствуясь указанием Ренувена о том, что „усилия изысканий, направленных на исследование глубинных сил, никогда не должны приводить к пренебрежению изучения роли людей, которые управляют или пытаются управлять политическими действиями”³⁸, Дюрозель избирает в качестве исходного пункта своей теории активность внешнеполитических деятелей из государственного аппарата.

Подобный теоретический взгляд Дюрозель объясняет необходимостью отказа, с одной стороны, от традиционной описательности буржуазной истории дипломатии, с другой — от „ограниченного” подхода к ней, который свойствен некоторым его буржуазным коллегам, а также марксистской науке. Последняя, по его мнению, недооценивает активную и сознательную деятельность людей³⁹. Однако упреки Дюрозеля в адрес марксизма безосновательны, так как в этом учении всегда признавалось, что „история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей”⁴⁰, но вместе с тем, как подчеркивал Ф. Энгельс, признание, что в „истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям... нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам”⁴¹, которые проявляются в деятельности людей.

Именно этот марксистский подход к проблеме взаимосвязи деятельности отдельных личностей и общих исторических закономерностей и игнорирует французский теоретик. Дюрозель вообще сомневается в существовании законов исторического развития⁴². Действие закономерностей и причинную обусловленность международных отношений и внешней политики он подменяет игрой „глубинных сил”, а их проявление, по существу, ставит в зависимость от сознания, воли, чувств и страстей отдельных личностей.

Дюрозель настаивает на необходимости учета прежде всего антропологических и психологических предпосылок политической деятельности. Однако при таком подходе французскому теоретику не удастся внести практически ничего нового в методологию анализа международных отношений, так как он сводит проблему человека, его социального поведения к биологическим и психологическим факторам. Строить теории международных отношений без изучения этих факторов, по его словам, „значит обрекать себя на неудачу”. Отдавать же предпочтение одному из них „означает создавать одностороннюю теорию, рискуя отдалиться от реальности”⁴³.

Исходным пунктом научного решения социологической проблемы личности служит тезис Маркса о том, что „сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений”⁴⁴. Источником активности марксизм-ленинизм считает объективное состояние общества, классов, социальных групп, совокупность их потребностей. Дюрозель же настаивает на первичности психологических качеств политического руководителя, по его мнению, врожденных и неизменных: „Характер (врожденные черты. — И. Т.) играет постоянную роль, так как индивид воспринимает ситуацию в зависимости от своей природы (возбуждаемый видит драму там, где невозбуждаемый остается безразличным)”⁴⁵. Поиски Дюрозелем „третьего пути” в теории международных отношений, находящегося между материализмом и идеализмом, приводят его в конечном счете к старым, субъективистским установкам. Это видно на примере предлагаемой им теоретической схемы процесса формирования и осуществления внешней политики государства, составляющей важную часть его теории международных отношений.

В центр схемы Дюрозель помещает политического лидера, специфика положения которого заключается в том, что „он располагает самой широкой информацией и в соответствии с определенной концепцией законности обладает правом принятия решений”⁴⁶. Внешнеполитическое решение, по Дюрозелю, включает формулирование целей, определяющихся „национальным интересом” государства. Дюрозель справедливо подчеркивает необходимость различать объективную и субъективную стороны „национального интереса”. Именно правильное понимание взаимосвязи этих двух сторон составляет решающую трудность анализа проблемы „национального интереса”, служащего, по Дюрозелю, весьма нередко лишь вывеской для прикрытия классовых, групповых и личных устремлений во внешней политике. Однако далее этой констатации Дюрозель не идет и анализу объективной стороны

„национального интереса” предпочитает исследование субъективной стороны, сосредоточивая внимание на том, „какие субъективные идеи извлекает из него политик в современную эпоху”⁴⁷. Очевидно, что эти моменты не могут быть главными при анализе национальных интересов государств в мировой политике. „Отличие марксизма от буржуазной социологии, в частности, в том, что он указывает на общую определяющую основу интересов — экономические отношения общества, сфера производства и труда — и выступает на этой основе против всех форм исторического идеализма, пытающегося вывести интерес из сознания”⁴⁸, — пишет советский социолог А. Г. Здравомыслов.

Солидаризируясь со сформулированной Ароном концепцией „множественности целей” во внешней политике, которые тот делит на абстрактные (вечные) и конкретные (исторические), Дюрозель предлагает трактовать „национальный интерес” как их совокупность. Но его точка зрения несколько отлична от представлений Арона. Согласно Дюрозелю, существует некое „наиболее общее” выражение „национального интереса” государств на мировой арене, заключающееся в их „стремлении к безопасности”⁴⁹.

Очевидно, что предлагаемые Дюрозелем „поправки” к представлениям Арона не выходят за рамки субъективной, идеалистической интерпретации „национального интереса”. Ненаучна прежде всего их постановка вопроса о вечном, неизменном характере „национального интереса” на протяжении всей дипломатической истории. „Национальный интерес” — историческое понятие, отражающее определенную ступень развития общества и государства, конкретную расстановку и соотношение классовых сил.

Не является оригинальным и предлагаемое Дюрозелем толкование „национального интереса” как „стремление к безопасности”, в основу которой им положена так называемая теория „выживания”, претендующая на объяснение поведения государств на мировой арене „борьбой за жизнеспособность”. Тезис Дюрозеля о стремлении государств на международной арене к „выживанию”, созданию условий „жизнеспособности” и „безопасности” есть не что иное, как несколько подновленная интерпретация традиционных буржуазных теорий, пытающихся подвести, как отмечал В. И. Ленин, „всю историю... под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во *фразе* „Struggle for life” — „борьба за существование...”⁵⁰. В свое время еще Ф. Энгельс критиковал стремление „подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: „борьба за существование”. Это значит ничего не сказать или того меньше”⁵¹.

Правда, опираясь на положение о „выживании” и стремлении к „жизнеспособности” при толковании понятия „национального интереса”, Дюрозель воздерживается от вульгарной биологизации природы внешней политики и широко практикуемого буржуазными исследователями международных отношений использования этого тезиса для воспевания культа насилия в сфере международных отношений. Однако в целом его интерпретация носит субъективистский характер.

Анализируя средства внешней политики, Дюрозель выделяет в качестве основных убеждение, торг, угрозу, силу. Наиболее типичным средством он считает торг. Однако предпочтение отдает убеждению, считая его наиболее действенным средством, предполагающим в то же время отношение доверия между сторонами.

Дюрозель не склонен гипертрофировать роль „силы” как средства внешней политики. Но он не находит вразумительного объяснения этого понятия и следует в русле распространенного в буржуазной политологии подхода, при котором суть „силы” передается через перечисление ее различных „параметров” и „элементов”, таких как военная сила, находящаяся в распоряжении государства; способность страны нести длительные потери и т.п.

Дюрозель касается также проблемы риска в достижении внешнеполитических целей. Он отмечает, что риск в принятии политических решений — явление гораздо более сложное и многомерное, чем риск в игре. Однако Дюрозель в свойственной ему манере гипертрофирует волевое начало. И хотя он признает определенные пределы в свободе выбора политическим руководителем, главной чертой внешнеполитического решения он считает иррациональность и субъективность. „Рациональные решения бывают в экономической области либо в некоторых областях внутренней политики. Но я не думаю, чтобы в международных отношениях, которые являются диалектикой воли, где наряду с оценкой средств и целей обязательно необходима оценка ставок и рисков, решение когда-нибудь могло быть рациональным”⁵², — подчеркивает французский теоретик.

В своей схеме процесса принятия и осуществления внешнеполитических решений Дюрозель пытается определить комплекс разнообразных факторов и механизмов, оказывающих воздействие на этот процесс в капиталистическом обществе — экономический строй, социальную и национальную структуру, политическую систему, а также политические представления государственных руководителей. При этом весь процесс он стремится показать в его динамике, непрерывности, учесть его прямые и обратные связи.

Внимание, которое уделяет французский теоретик воздействию факторов „внутренней среды”, особенно социально-экономических, — примечательная черта его схемы. Однако проникновение Дюрозеля во „внутреннюю среду” капиталистического государства хотя и не лишено интересных наблюдений, в то же время не выходит за пределы объединенных в рамки урезанной внеклассовой схемы воздействий общественного мнения, групп давления, политических партий, бюрократического аппарата и т. п.

Уделяя внимание анализу роли и места народных масс, общественного мнения в формировании внешнеполитических курсов стран на мировой арене и открыто признавая их большое значение в воздействии на внешнюю политику, он справедливо отмечает сложность общественного мнения, трудности его изучения, в частности, в условиях капиталистических стран, где оно формируется под влиянием буржуазных источников информации, которые, в свою очередь, скрывают его неоднородность, выдают за общественное мнение интересы правящих кругов, превращая тем самым институт опросов в инструмент пропаганды.

Но Дюрозель категорически отвергает классовую обусловленность общественного мнения, хотя и пытается проводить анализ с учетом экономической структуры и социальной дифференциации общества. При этом он обвиняет марксизм в отождествлении „мнения классов с мнением общества”, используя в качестве средства опровержения марксистской науки факты разнородности политических ориентаций отдельных лиц при их аналогичном социальном положении⁵³. Дюрозель неизбежно искажает роль общественного мнения в международной жизни, что можно видеть на примере его толкований роли национализма в мировой политике. Рассматривая национализм как одну из форм общественного мнения, Дюрозель выдает его за „страсть”, „универсальное коллективное чувство”, охватывающее всю систему международных отношений, и игнорирует его социальную обусловленность, классовый характер.

Для марксистской идеологии такой подход, конечно, неприемлем. Общественное сознание „никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием”⁵⁴, то есть зависит в конечном счете от материальных общественных отношений и, следовательно, формирующаяся на их основе социально-классовая структура общества неизбежно накладывает отпечаток на проявление общественного сознания, в частности на общественное мнение. Вместе с тем, марксистская социология отнюдь не отождествляет „мнение класса” с общественным мнением и не сводит весь процесс формирования к его некой автоматической регулировке экономическими и классовыми закономерностями, как утвер-

ждает Дюрозель. Наоборот, она признает, что общественное мнение не совпадает с сознанием отдельных классов, шире его и, более того, принимает во внимание влияние всей совокупности различных факторов, воздействующих на формирование этого сложного явления духовной жизни общества, объединяя их в определенную систему, устанавливая весь механизм сложных взаимодействий и опосредований между объективными факторами и общественным мнением в каждом конкретном случае. Марксистская социология принимает во внимание влияние многих факторов, определяющих сложность и противоречивость характера общественного мнения, и таким образом дает ключ к научному анализу конкретной исторической формы и структуры общественного мнения, путей его воздействия на выработку внешнеполитических решений.

Пытаясь исследовать процесс формирования и осуществления внешней политики в тесной связи с внутренней политикой, Дюрозель практически не рассматривает его взаимодействие с системой международных отношений⁵⁵. Это не означает, что система международных отношений вообще выпадает из поля зрения французского теоретика. Однако Дюрозель рассматривает международные отношения не как систему, а как некую „политическую реальность“, находящуюся в постоянном движении и изменении. Он включает в них деятельность государств, разнообразных политических объединений, крупных многонациональных обществ и т. д. Единственным критерием, который, как считает Дюрозель, позволяет определить эти отношения одним термином, является понятие „иностраный“, „иностранец“. Международные отношения с этой точки зрения, по Дюрозелю, представляют собой «совокупность событий, одна категория участников которых независимо от того, индивиды это или коллективы, воспринимается другой категорией как „иностранцы“»⁵⁶.

Нетрудно увидеть, что предлагаемое Дюрозелем определение не продвигает науку к пониманию специфики международных отношений, особенно на фоне попыток некоторых французских теоретиков осмыслить сложные явления международных отношений с позиций их системного представления.

К основным формам, в которых происходит развитие международных отношений, Дюрозель относит мир, конфликт и войну. Дюрозель никак не определяет понятие мира и мирных отношений, ограничиваясь лишь выделением торговых, финансовых, культурных и военно-политических отношений, их описанием на базе фактов истории дипломатии. Войну Дюрозель характеризует как „пароксизм“ в развитии международных отношений, но не дает ее научного определения, которое отличало бы это яв-

ление от конфликта или мира, и ограничивается лишь классификацией войны по различным признакам, таким как длительность, интенсивность, географический охват и т. д.

Более разработанными выглядят представления Дюрозеля о международном конфликте. Французский теоретик пытается дать типологию конфликтных ситуаций, анализ природы и причин их возникновения, поведения его участников, предлагает модель урегулирования конфликтов. Международный конфликт, по мнению Дюрозеля, характеризуется следующими чертами: в конфликте противостоят одно или несколько государств или политических объединений в результате столкновения противоположных проявлений воли; объект спора превращается в ставку, и, чтобы овладеть ею, противники допускают возможность подвергаться извечному риску; конфликт обязательно сопровождается коллективными „эмоциональными реакциями”.

На основе такого сугубо схематичного, формального определения международной конфликтной ситуации Дюрозель пытается создать типологию конфликта по способам развязывания, целям (мотивам), объектам спора. При этом его анализ не лишен ряда интересных наблюдений. Так, Дюрозель вводит понятие конфликта „по отвлечению”, отмечая, что он представляет собой весьма распространенный прием, к которому прибегают правящие круги буржуазии с целью отвлечения внимания широких масс и общественного мнения от внутривнутриполитических и социальных трудностей на внешнеполитические проблемы.

В типологии Дюрозеля обнаруживается характерная для буржуазной теории подмена принципиального исследования типов международных конфликтов их классификацией. Более того, недостаток классификации Дюрозеля, как и большинства буржуазных теоретиков, состоит в том, что в ее основу положены не коренные и неотъемлемые черты международного конфликта, а случайные, второстепенные, чисто формальные признаки. Подлинно научная классификация начинается там, где в основу кладется типология исследования типов международного конфликта на основе их имманентных свойств, порождаемых историческими, классовыми и социально-политическими закономерностями⁵⁷.

Объяснение природы и причин международного конфликта Дюрозель ведет с позиции социального психологизма. Экономика, социальная среда и т. п. у него становятся лишь фоном, на котором разворачивается психологическая драма, где главными действующими лицами выступают отдельные „необузданные личности”, а народ становится жертвой их эмоционального влияния. В этом психологическом аспекте и рассматривается коренная

причина войн, расовых и национальных конфликтов и иных потрясений. Дюрозель приходит к выводу о том, что первопричиной международных конфликтов является кризисное состояние общественной психологии⁵⁸.

Эта весьма распространенная в буржуазной социологии точка зрения обладает рядом серьезных пороков. Во-первых, ее сторонники в выяснении причин конфликтов идут не материалистическим, а идеалистическим путем — от изменения в социальной психологии к изменениям в общественной деятельности. В итоге главной причиной конфликтов оказывается „человеческая психология”. Во-вторых, существенный методологический изъян такого подхода состоит также в том, что его теоретики отождествляют „агрессивность” рядовых членов общества и агрессивность эксплуататорской верхушки и тесно связанных с ней милитаристских кругов⁵⁹.

Более основательным выглядит предпринятый Дюрозелем анализ стратегии и тактики международного конфликта, в основу которого он кладет элементы теоретико-игровой модели, разработанной известным американским конфликтологом Т. Шеллингом. Как известно, он одним из первых в буржуазной науке признал непригодность для моделирования современного международного конфликта математической теории игр с нулевой суммой, где интересы участников диаметрально противоположны. Поэтому он обратился к более сложным теоретико-игровым методам, в частности к созданной им самим абстрактной теоретико-игровой модели с нулевой суммой типа торга — „теории игр со смешанными мотивами”, где у игроков наряду с противоположными имеются и некоторые общие интересы. Предполагаемые тем самым в ней взаимодействия, сотрудничество игроков и их заинтересованность избежать обоюдного ущерба явились важными положительными чертами этого оригинального исследования американского теоретика. Однако конкретная реализация модели в области международных отношений в виде теории современного международного конфликта вылилась у Шеллинга в набор самых оголтелых милитаристских приемов, таких как угроза, шантаж, запугивание и т. п.

Примечательной чертой подхода Дюрозеля является то, что, опираясь на принципы Шеллинга, он вместе с тем не приемлет его стратегию и тактику конфликта. Он оказывает предпочтение средствам мирного характера — выжиданию, переговорам, посредничеству. Поэтому свое внимание французский теоретик направляет на разрешение конфликта и обращается к двум затрагивающим ее элементам шеллинговской модели — „ситуации взаимного недоверия” и „молчаливому торгу”.

„Ситуация взаимного недоверия” рассматривается Дюрозелем как главное препятствие на пути разрешения международного конфликта. Суть ее, по Дюрозелю, заключается в том, что каждая из сторон — участниц конфликта не знает, какова конечная цель противника — полная победа либо установление нормальных отношений. Дюрозель выделяет три типа „взаимного недоверия”, которые наблюдаются, по его мнению, в конфликтных ситуациях: скрытое, которое обнаруживается в любой дипломатической ситуации как при враждебных, так и при дружественных отношениях; конъюнктурное, которым характеризуются в основном все конфликтные ситуации и которое выражается в сомнении, желаний противника вести переговоры и прийти к окончательному решению; структурное, которое носит, по мнению Дюрозеля, идеологический характер и обнаруживается тогда, когда противниками являются государства с противоположными режимами и идеологическими системами.

В условиях „ситуации взаимного недоверия”, когда полная победа одного из противников чревата опасностью войны, а их полное примирение невозможно, наиболее рациональный путь разрешения конфликта, как полагает Дюрозель, состоит в предложенном Шеллингом „молчаливом торге”.

Согласно модели Шеллинга, „молчаливый торг” представляет собой механизм сближения ожиданий игроков, основанный на предположении, что есть некоторая область исходов, предпочитаемая обеими сторонами в том смысле, что они согласятся сойтись на них вместо того, чтобы отказаться от соглашения вообще. Специфика „молчаливого торга” состоит, однако, в том, что игроки должны достичь согласия в условиях затруднений или отсутствия обычных переговорных средств коммуникаций. Средством достижения такой коммуникации, по мнению Шеллинга, являются некоторые единственно возможные уникальные исходы ситуаций, на которых невольно могут сойтись ожидания противостоящих сторон, произойти безмолвное согласование их намерений.

Следует подчеркнуть, что в обращении Дюрозеля к „философским” аспектам шеллинговского „молчаливого торга” находит отражение очевидное стремление французского теоретика к реалистическому, конструктивному осмыслению задачи урегулирования международного конфликта. Однако нельзя не видеть и склонности Дюрозеля переоценивать значение „молчаливого торга” как средства решения острых и сложных конфликтов современности. Французский теоретик международных отношений П. Асснер заметил, что „молчаливый торг” превращается в интерпретации Дюрозеля чуть ли не в этакую „международную идиллию”⁶⁰.

Советские исследователи работ Шеллинга также отмечают, что „молчаливый торг”, позволяя значительно улучшить процесс согласования намерений в условиях отсутствия или затруднения переговоров между игроками, хотя в ряде случаев и дает положительный результат, все же далек от полной надежности и, более того, может породить опасную иллюзию эффективного разрешения проблемы. Даже в результате некоторых из анализируемых Шеллингом экспериментов лишь немногие из участников могли согласовать свои намерения, а условия некоторых конкретных задач вообще не позволили этого сделать. Поэтому метод „молчаливого торга” не отличается высокой степенью надежности для области международных отношений. Такая степень могла бы быть приемлемой для ряда практических задач, где неудача не влечет за собой слишком серьезных последствий⁶¹.

Оценивая в целом попытку Дюрозеля создать теорию международных отношений, нельзя не заметить стремления буржуазного теоретика к непредвзятым, не отягощенным различного рода идеологическими стереотипами современного капитализма обобщенным оценкам фактов исторической действительности международных отношений, к обоснованию умеренного курса в мировой политике, предполагающего использование „несиловых”, традиционных дипломатических средств. Однако заведомый отказ Дюрозеля от признания закономерностей в развитии международных отношений, приверженность установке на „равнодействие глубинных сил”, преувеличения субъективных моментов во внешней политике предопределили безуспешность его усилий выработать подлинно научную теорию современных международных отношений.

Теория М. Мерля

Теория международных отношений видного буржуазного политолога профессора Парижского университета М. Мерля — одна из последних по времени крупных попыток французской внешнеполитической мысли создать глобальное представление о современной мировой политике. Вызванная, по словам ее автора, „критическим положением”, в котором оказались поиски французских теоретиков на этом направлении, и нацеленная на его преодоление, эта теория, безусловно, отличается своеобразием. Мерль пытается рассмотреть международные отношения как систему, исследовать существующие связи и процессы в русле системного подхода.

Как известно, этот подход давно и широко используется многими западными теоретиками, хотя до сих пор не принес каких-либо реальных практических результатов. Механически переноса на область международных отношений его самые общие методологические принципы при полном игнорировании специфики междуна-

родных отношений как особой области социальной действительности, буржуазные теоретики предлагают под видом „системных” теорий, как правило, либо сугубо умозрительные абстрактные схемы, либо традиционные описания мировой политики в понятиях и терминах системного подхода.

Мерлю не удается преодолеть эти недостатки буржуазной политической мысли, о чем свидетельствует выполняющее ключевую функцию в его теории определение международных отношений. Отвергая получивший в буржуазной науке широкое распространение взгляд на них как на отношения одних лишь государств и констатируя ширящееся участие в международной жизни новых сил, он предлагает понимать под международными отношениями „комплекс взаимосвязей или потоков, которые пересекают границы или стремятся их пересечь”⁶². Очевидно, что при таком толковании международных отношений не представляется возможности не только выявить их суть, но и представить их как органическую целостность, а не как безграничную и беспредельную область, что, собственно, и требуется при системном подходе к ним⁶³.

В этом убеждает и предлагаемая Мерлем „системная” интерпретация международных отношений. Их систему он определяет как „совокупность отношений между основными участниками, которыми являются государства, международные организации и транснациональные силы”, а ее среду — как совокупность „естественных, экономических, технических, демографических, идеологических факторов, влияющих в своем сочетании на структуру и функционирование системы международных отношений”⁶⁴.

С позиций подобного, типичного для буржуазной политологии, плюралистического подхода, учитывающего, казалось бы, массу разнообразных факторов, но не принимающего во внимание их субординации, Мерль предпринимает анализ взаимодействия „системы” и „среды” международных отношений.

Нельзя не отдать должное Мерлю в скрупулезности исследуемого им воздействия тех или иных факторов (НТР, демографического „взрыва”, идеологии и т. д.) на современные международные отношения. Придерживаясь, несомненно, более объективного взгляда, чем его буржуазные коллеги, отмечая ряд проявлений новых факторов современной международной жизни, он вместе с тем не только не считается с тем, что они далеко не равноценны по степени воздействия, но и, что самое главное, принижает роль факторов действительно решающего порядка, а именно — ведущую роль социально-экономических процессов и классовых противоречий. Правда, он упоминает о существовании и противоборстве

социалистической и капиталистической систем, однако не раскрывает их воздействия на международную жизнь.

Полагая, что все рассмотренные факторы равноправны, Мерль неверно интерпретирует некоторые явления и процессы, составляющие, по его мнению, среду международных отношений.

Так, Мерль указывает на увеличение объема интенсивности международных связей, разнообразия их форм, возрастание тенденции к интернационализации хозяйственной жизни под воздействием фактора НТР. Но при этом научно-технический прогресс рассматривается им не в системе конкретных социальных отношений, а изолированно от способов производства, в рамках которого он развивается, как некая абстрактно-автономная сила. Тем самым стирается качественное различие последствий НТР для системы международных отношений стран социализма, с одной стороны, и стран капитализма — с другой.

Мерль отмечает роль национализма в международной политике, в частности, в деле завоевания независимости молодыми государствами, вовлекающимися в орбиту международных отношений. Однако он не признает социальную, классовую обусловленность национализма, утверждая, будто он универсален, а значит присущ в равной мере как капиталистической, так и социалистической системам. Таким образом, претендуя на научное изучение „среды” международных отношений, Мерль искажает картину современной международной жизни, что предопределяет результаты их последующего анализа.

Усложнение современных международных отношений, их специфику Мерль прежде всего усматривает в постоянном увеличении числа участников международного общения. Поэтому он уделяет значительное внимание изучению старых и новых субъектов мировой политики, исследует их роль и влияние в современном мире.

Важнейшими участниками международных отношений, по Мерлю, являются государства, и это закреплено международным правом и обусловлено их реальной способностью воздействовать на других участников мировой политики. Он отмечает, что наделенные равными правами государства на мировой арене между тем играют далеко не одинаковые роли. Это определяется целым комплексом факторов, прежде всего внутривнутриполитического порядка.

Мерль предлагает схему формирования внешней политики современного буржуазного государства, которая, однако, не выходит за рамки традиционных представлений процесса принятия внешнеполитических решений, весьма распространенных в буржуазной политологии с присущим ей невниманием к социально-

экономической структуре общества, классовым потребностям и интересам, учет которых является необходимым условием научного анализа рассматриваемого вопроса.

Исследуя роль государства в современной мировой политике, Мерль предпринимает попытку иерархической классификации в зависимости от степени влияния на мировой арене, в соответствии с которой он подразделяет их на „государства, способные играть мировую роль“, „государства, способные осуществлять влияние в определенном секторе международных отношений“, „государства, играющие роль региональных лидеров“, „государства, играющие локальные роли“. Мерль полагает, что влияние государств в современном мире обуславливается прежде всего их способностью к военному, политическому, экономическому и идеологическому проникновению во все сферы мировой политики. Анализируя, в свою очередь, источники этой способности, он признает невозможность ограничиться рассмотрением одних лишь естественных богатств, численности населения, размеров территории, уровня военного, экономического и научно-технического развития государства и вводит в качестве дополнительного критерия „волю“ политического руководства, которая „может как содействовать, так и мешать участию национального коллектива в международном общении“. Однако Мерль не видит классового содержания политических решений воли, итогов сложнейшей борьбы классовых сил, которые фиксируются и закрепляются в конечном счете в решениях и действиях политического руководства, усматривая в них лишь индивидуальные устремления отдельных личностей.

Наряду с государствами, действующими на международной арене, Мерль выделяет международные межправительственные организации (ММПО). Он не дает определения понятию ММПО, но выделяет наиболее характерные особенности этих организаций, важнейшая из которых состоит в том, что право в принятии решений в этих организациях принадлежит представителям соответствующих правительств. Поэтому, считает Мерль, ММПО выступают как „проекции“ современных международных отношений со свойственным им „противостоянием суверенных государств, равных в правах, но не равных в возможностях“. Очевидно, что неопределенность такой характеристики ММПО исключает возможность понимания существа и направленности той или иной организации.

Мерль отмечает огромное воздействие, которое оказывает на деятельность ММПО современная расстановка сил на мировой арене, что обнаруживается в позитивных тенденциях деятельности этих организаций, комплекса принятых ими полезных для дела

мира решений, в позиции их отдельных членов и организаций в целом.

С другой стороны, как отмечает Мерль, и сами ММПО в последние годы немало способствуют налаживанию многостороннего сотрудничества государств, делу укрепления международной безопасности. Поэтому французский теоретик восстает против теорий, развиваемых сторонниками структурно-функционального анализа ММПО, о вредности политического элемента этих организаций, о необходимости смещения „центра тяжести” их деятельности с политических проблем на вопросы технического порядка.

Мерль выступает против умаления значения ММПО, которое обнаруживается в ряде буржуазных исследований, видя в них инструмент обеспечения мира, нормализации международной обстановки. Однако такая точка зрения, видимо, требует серьезных уточнений, то есть необходимости учитывать существующую дифференциацию в политической направленности современных ММПО.

Наряду с государствами и ММПО к числу участников современных международных отношений Мерль относит „транснациональные силы”, под которыми понимает международные неправительственные организации (МНПО), многонациональные корпорации и международное общественное мнение. Внимание к изучению действующих на международной арене сил неправительственного характера, свойственное в последние годы не только Мерлю, но и многим другим буржуазным теоретикам, вполне закономерно. Развитие современных международных отношений свидетельствует о том, что наряду с решающей ролью национальных правительств, государственных властей, правящих классов расширяют и активизируют свою роль социальные группы, партии, профсоюзы, общественные организации и т. п., вступающие в прямые контакты друг с другом на мировой арене. Происходит это потому, что государственная власть, сколь полно ни представляла бы она интересы определенного класса, не в состоянии охватить всех разнообразных форм в деятельности других социальных классов и групп. Но буржуазные теоретики не видят именно классовой природы действующих сегодня на мировой арене сил неправительственного характера. Они фиксируют сугубо внешние, формальные аспекты, преувеличивают субъективные моменты в ущерб объективным факторам появления „транснациональных сил”.

Эти недостатки обнаруживает и анализ их действия, предложенный Мерлем, который он начинает с рассмотрения активности МНПО. Причины появления этих организаций он усматривает не в объективных потребностях, а в „частной, спонтанной” инициативе отдельных лиц. Мерль подменяет анализ природы МНПО

описательным подходом, отмечая такие их черты, как „солидарность участников”, „отсутствие представителей правительств”, „географическую распыленность” и т.п. Он признает однозначность роли МНПО в мировой политике, отмечая существование, с одной стороны, организаций, оказывающих весьма благотворное влияние на международные отношения, с другой — организаций, пропагандирующих идеи агрессивного характера, нагнетающих международную напряженность. Но Мерль затушевывает социально-политическую неоднородность МНПО, не раскрывает причины существования в них полярных течений, которые он определяет наличием двух противоположных социальных систем. Поэтому его пожелания активизации их деятельности, выражения надежды на их помощь в деле укрепления мира, на их большую поддержку со стороны правительств приобретают неконкретный, абстрактный характер.

Значительное внимание Мерль уделяет анализу деятельности транснациональных корпораций (ТНК). Он отмечает гигантские масштабы, которыми характеризуются эти компании, колоссальную сеть их филиалов, дочерних фирм, действующих в различных отраслях и различных странах капиталистического и „третьего” мира. Мерль справедливо указывает на изменение масштабов и условий экспансии международного капитала как на одно из условий появления многонациональных монополий, признает их обусловленность „высшей стадией капитализма”, подчеркивает растущую тенденцию к интернационализации производства в рамках международной капиталистической системы хозяйства, продуктом и составной частью которого они являются. Французский теоретик отмечает, что действия многонациональных корпораций предпрещают многие ключевые шаги в экономической политике стран, на территории которых расположена та или иная дочерняя компания. Мерль выражает серьезные опасения в связи с деятельностью этих „новых сил” в международных отношениях, призывая к принятию эффективных мер как национального, так и международного характера со стороны государств, общественных сил и т. д. по строгому контролю за многонациональными корпорациями.

Анализируя структуру и организацию ТНК, взаимодействие с национальными правительствами, роль в международных отношениях, автор выдвигает тезис об автономии ТНК в международной жизни, их отождествление с государством, обладающим внешнеполитическими функциями, с чем нельзя согласиться. Конечно, можно говорить об определенной самостоятельности корпораций по отношению к правительствам. Однако неправомерность проводимого Мерлем сравнения ТНК с государствами

состоит в том, что государство как субъект международных отношений обладает целым рядом важнейших прерогатив и качеств, которых не имеют ТНК, — суверенитет, территория, население и т. д. Такое проведение параллелей между государством и ТНК невольно служит интересам современных противников суверенитета и национальной независимости государств на мировой арене.

Ошибочен и другой выдвигаемый Мерлем тезис о якобы происходящей дисперсии центров власти: с одной стороны, экономической, представленной ТНК, с другой — политической, представленной государством. Этот тезис является результатом одностороннего анализа ТНК, предпринятого автором, гипертрофирует их определенную самостоятельность по отношению к буржуазным правительствам, спекулирует на имеющихся место конфликтах ТНК с национальными правительствами стран, являющихся объектом их экспансии, и самое главное — камуфлирует процесс дальнейшей концентрации власти в руках монополий, сращивание буржуазного государства с властью монополистических объединений, сокрытием их единой классовой природы.

К „транснациональным силам” Мерль относит также международное общественное мнение. Внимание буржуазного теоретика к этому вопросу закономерно и свидетельствует о невозможности игнорировать все возрастающую роль общественного мнения в мировой политике, что еще не так давно усиленно пытались сделать многие из его коллег. Но при этом нельзя упустить из виду очевидную несостоятельность некоторых его трактовок. Отмечая диалектичность общественного мнения, Мерль прослеживает исключительно его внешние формы, не проводит социально-политической, классовой дифференциации составляющих его компонентов. Для Мерля общественное мнение — простое совпадение „одинаковых точек зрения правительств”, „спонтанных реакций масс”, „синхронная” деятельность „различных групп активистов ряда стран”. Подчеркивая особенно большую активность различных политических движений интернационального характера, влияющих на мировую политику, Мерль отказывается видеть их связь с теми или иными классовыми силами с необычайно возросшим в современную эпоху самосознанием масс. Вопреки фактам, свидетельствующим о все более широком и энергичном участии народных масс в мировой политике, Мерль пытается интерпретировать последний как инертный, пассивный фактор, противопоставляя им деятельность правительственной пропаганды и отдельных активистов.

Анализируя систему международных отношений современности в целом, французский теоретик прежде всего рассматривает

ее наиболее важные черты, к которым он относит (помимо уже отмеченного возрастающего числа участников) глобальность масштабов, и особенно взаимодействие и борьбу двух противоположных тенденций, во-первых, к интернационализации международной жизни, взаимозависимости составляющих ее элементов и протекающих в ней процессов, во-вторых, к росту имеющихся в ней противоречий, неоднородности и конфликтности. Мерль, однако, не раскрывает природы указанных тенденций, хотя и признает некоторые из объективных факторов, обуславливающих их проявление (в одном случае — воздействие НТР, объективную необходимость международного экономического обмена, в другом — идеологические различия внешнеполитических курсов стран, разницу экономического и культурного уровня развития государств). Однако многие из констатируемых им изменений в системе международных отношений, такие как рост взаимосвязи внутренней и внешней политики, модификация внешнеполитических средств и т. д., так и остаются необъясненными.

Не удастся Мерлю провести анализ структуры системы международных отношений. Он оперирует понятиями „подсистема международных отношений”, „уровни международного взаимодействия” и т. п., но не объясняет ни критериев такого деления, ни содержания этих понятий. В то же время он разделяет точку зрения, отличную от стандартных взглядов многих буржуазных теоретиков на систему международных отношений. Это находит выражение в предпринятом Мерлем анализе характера соотношения сил на мировой арене. Пользуясь понятиями „биполярность” и „многополярность”, он отмечает неправомерность их идентификации с военно-политическими отношениями на мировой арене. По мнению Мерля, военно-политический фактор в международных отношениях современности играет все меньшую роль, уступая место факторам экономического, идеологического, научно-технического и культурного порядков. Причина этого усматривается в изменениях характера современной войны, сделавших бессмысленной надежду на победу или приобретение каких-либо выгод в результате всеобщего термоядерного конфликта.

Реалистично оценивая наметившиеся в мировой политике тенденции, Мерль вместе с тем игнорирует силы, деятельность которых предотвратила бы новую войну. При этом он выдвигает тезис о „параличе коллективных усилий государств в мировом масштабе”, вызванном „глубоким кризисом государственной системы”. Но то, что он пытается выдать за кризис политической системы всех стран мира, — проявление обострения общего кризиса капитализма, его экономической и политической систем. Абстрактные же рассуждения Мерля о кризисе политической системы

всех без исключения государств современности являются попыткой снять вину с капитализма за создание ряда действительно тяжелых кризисных проблем международного характера в социальной, экономической и политической областях.

Объективизм и надклассовость позиций Мерля приводят его к неверной интерпретации функционирования современных международных отношений, характерным проявлением которой он объявляет международные конфликты. Мерль представляет конфликт как некую коренную историческую тенденцию, суть современных международных отношений, не видя постоянно расширяющейся сферы международного сотрудничества, характерного для мировой политики нашего времени. Абсолютизируя роль конфликтов в современной политике, он присоединяется к антинаучной концепции стирания качественного различия между войной и миром, заявляя о превращении современной мировой политики в „продолжение войны иными средствами”. Правда, Мерль отмечает специфику международных конфликтов современности, обусловленную целым комплексом противоречий современной эпохи, таких как противоречия между капитализмом и социализмом, между отдельными капиталистическими странами, между капиталистическим и „третьим” миром. Однако эти противоречия он либо уравнивает с более частными причинами и мотивами случаев напряженности в международных отношениях, либо пытается извлекать таковые из „извечно присущей государствам борьбы за жизненные интересы”.

Гипертрофируя роль международного конфликта в мировой политике, Мерль не снимает проблемы поиска средств их устранения из международной жизни. Однако он отбрасывает буржуазные концепции мирного сосуществования на основе „ядерного сдерживания”, мирового государства, а также предложения по обузданию гонки вооружений, сокращению военных расходов и т. п., не предлагая никакой собственной позитивной программы смягчения международной напряженности.

Системный анализ международных отношений, который принимает французский теоретик, приводит его к выводу об „отсутствии внешней среды современной системы международных отношений”, их „совпадении” и даже „нахождении этой среды внутри самой системы”. Таким заявлением Мерль вносит полнейшую путаницу в понимание международных отношений и вообще ставит под сомнение целесообразность их системного представления. Неудивительно, что окончательный вывод, который он извлекает из всего анализа, состоит в признании невозможности строго научного объяснения развития и функционирования системы международных отношений.

Таким образом, „теория” Мерля как бы отдает дань „системной моде”. Признавая лишь на словах существование системы международных отношений, она в действительности не углубляет их анализа. Эта теория лишний раз свидетельствует, что создание научной, глобальной теории не под силу современной французской внешнеполитической мысли.

3. „ЧАСТИЧНЫЕ” ТЕОРИИ

Наряду с попытками конструирования глобальных теоретических схем французские теоретики-международники разрабатывают так называемые частичные теории, нацеленные на осмысление отдельных явлений, процессов международных отношений и внешней политики. Теории эти довольно многочисленны, ибо их разработка более соответствует внешнеполитическим потребностям и возможностям правящего класса. Это находит подтверждение в проблематике этих теорий, на выбор которой ощутимо влияет общее направление внешнеполитического курса Пятой республики. Они охватывают вопросы формирования внешней политики государства, стратегии, разрешения конфликтов и обеспечения международной безопасности.

В своих теориях о внешней политике государства французские исследователи, как правило, весьма тщательно анализируют многообразные воздействующие на нее факторы — геополитическое положение государства, экономику, политическую систему, личные качества стоящих у власти деятелей и т. п. Но предлагаемые ими схемы далеки от теории. Они носят описательный характер, фиксируют лишь взаимовлияния этих и других факторов, не устанавливая их иерархии. Пример тому — одна из последних попыток в области теоретического анализа внешней политики, которую предпринял Мерль⁶⁵. Максимум, что удастся французскому теоретику, который ставит своей задачей выявить механизм взаимовлияния внутренней и внешней политики, заключается в поверхностных констатациях сложного характера этой взаимосвязи, ее различия в рамках коротких и длительных исторических периодов, влияние на нее как системы внутриполитических отношений, так и системы международных отношений и т. п., что он сопровождает обилием конкретно-исторических фактов.

Для теоретического решения поставленной Мерлем проблемы существует научная основа — ленинская методология, ориентирующая на рассмотрение внутренней и внешней политики в их неразрывном единстве, на исследование „политики вообще”, выражающей классовые интересы внутри государства и вне его⁶⁶. Однако классовый подход принципиально отвергается представи-

телями французской внешнеполитической мысли. Об этом красноречиво свидетельствуют теоретические изыскания видного французского философа и политолога Р. Дебрэ. Рассматривая „интерес” в качестве главного побудителя внешнеполитической деятельности⁶⁷, он интерпретирует эту категорию в присущем многим буржуазным теориям международных отношений духе, трактуя его как „национальный”.

Несостоятельность такого взгляда уже доказана марксистской наукой на том основании, что при этом, во-первых, затухает классовая природа „интереса”, его связь с глубинными, экономическими потребностями соответствующего класса; во-вторых, игнорируется тот факт, что „национальный интерес” — это, по словам В. И. Ленина, область „тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах”⁶⁸. Ставя во главу угла внешнеполитического поведения государства „национальные интересы”, буржуазные теоретики отождествляют понятия „нация” и „государство”, чем создают возможность представлять интересы правящей верхушки господствующих классов буржуазного государства в качестве интересов всей нации.

Тяготение Дебрэ к признанию „национального интереса” в качестве движущей силы внешней политики обуславливают причины сугубо политического характера. Главная из этих причин — кризис внешнеполитических теорий современной западноевропейской социал-демократии. По словам Дебрэ — одного из ведущих идеологов ФСП, им свойствен морально-легалистский подход, идеалистичность и неспособность быть эффективным средством внешнеполитического анализа и руководством к действию. Этим теориям, представляющим, по мнению Дебрэ, набор порочных установок, равно как и марксистско-ленинской теории, оперирующей такими категориями, как „способ производства”, „класс”, „империализм” и т. д., Дебрэ пытается противопоставить теорию „реалистического” пути в мировой политике, покоящуюся на осознании объективных движущих сил внешнеполитических процессов, главной из которых он и объявляет „национальный интерес”.

Позиция Дебрэ как бы возрождает известный спор по вопросу о первопричине поведения государств на мировой арене и целях их внешней политики, имевший место в конце 40 — начале 50-х годов между сторонниками „идеалистического” и „реалистического” подходов в американской теории международных отношений. Результатом этого спора, завершившегося всеобщей победой „реалистов”, было провозглашение „национальных интересов” главным ориентиром при проведении внешней политики.

Опираясь на философию „политического реализма”, Дебрэ вместе с тем активно заимствует в своей теории внешнеполитические постулаты голлизма с присущими им акцентами на национальное величие и независимость и с их учетом формулирует понятие „национального интереса”. Он уточняет, что речь идет не об изоляции нации от мировой политики или зависимости внешней политики страны от системы международных связей и отношений, а, наоборот, об активном воздействии ее на эту систему для достижения „национальных целей”.

Дебрэ модифицирует также и понятие могущества, предлагая трактовать его как „сумму факторов, позволяющих одной суверенной единице навязывать свою волю другим”⁶⁹.

Стремясь, таким образом, к своеобразному синтезу „силовой”, в духе „политических реалистов”, и „идеалистической” интерпретаций „национальных интересов”, Дебрэ, однако, объявляет основным выражением и главным оружием последних национальную культуру, ее широкое распространение в мире через средства массовой информации, неформальные контакты с общественными силами других государств, действующими вне сферы официальных институтов, и т. д. Он не скрывает, что цель подобного „культурного наступления” состоит в предотвращении идеологической экспансии американского империализма.

Несмотря на подобную направленность теории Дебрэ, она невольно оказывается средством апологетики империалистической политики, так как лишенное классового содержания и положенное в ее основу понятие „национальных интересов” создает возможность для оправдания внешнеполитического курса империализма в любых его вариантах — и умеренном, и агрессивном, противоречащем интересам человечества.

Среди французских „частичных” теорий международных отношений заметно выделяются так называемые теории стратегии. Повышенный интерес к ним французской внешнеполитической мысли обозначился в начале 60-х годов и не явился случайным. С одной стороны, он был вызван обретением Францией в этот период собственного ядерного оружия, что потребовало переосмысления проблем военной силы. С другой стороны, процессом усиления связи современной военной стратегии с технико-экономическими и социальными сторонами деятельности государства, обусловившими снижение роли и значения чисто военных функций стратегии, присущих ей в прошлом, что расширило ее предмет как науки, инструментарий ее исследования, вызвало необходимость ее разработки не только военными, но и более широкими кругами специалистов. Наконец, немаловажную роль сыграло также воздействие взглядов американских теоретиков „стратегии”, высту-

пивших за соединение политической и военной мысли в так называемой политико-стратегический анализ как самостоятельную область теоретического изучения международных отношений.

Разработкой теоретических вопросов стратегии во Франции занимаются многие как профессиональные, так и „гражданские” стратеги — генералы А. Бофр, Л. Пуарье, П.-М. Галлуа, политологи — Р. Арон, Л. Амон, П. Асснер и др. Характерной чертой большинства их работ является то, что они дают расширенное понятие стратегии, которое они стремятся вывести за рамки чисто военной науки. Давая этому понятию „силовую” трактовку как „искусства использования силы для достижения политических целей”, „искусства диалектики воли, использующих силу для разрешения их конфликта”⁷⁰, они стремятся охватить им все виды и формы проявления насилия в международных отношениях, распространить его на любые конфликтные ситуации в отношениях государств на мировой арене. „Некогда связанное с идеей войны понятие стратегии ныне расширилось на все формы конфликтов, на все проявления как естественных (экономических и культурных), так и военных сил, которые она объединяет в общей концепции интегральной стратегии, идентифицирующей как во время мира, так и во время войны с политической практикой, с политическим действием”⁷¹, — пишет Пуарье. В аналогичном духе выдержано понятие „тотальной” стратегии, предлагаемое Бофром, охватывающее, по его словам, политическую, экономическую, военную и другие области.

Расширяя понятие „стратегии”, французские теоретики, хотя и усиленно подчеркивают примат политики над стратегией, функцию стратегии как средство реализации политических решений, по существу, отождествляют ее с политикой. Методологическим источником таких толкований „стратегии” являются положения американской философии „политического реализма”, абсолютизирующей насилие, силу в широком смысле слова в качестве средства и фактора внешней политики. „...Использование воли посредством силы и угрозы силой будет еще долго служить средством разрешения кризисов и конфликтов, урегулирования межгосударственных споров, для которых ресурсы дипломатии и естественная игра экономических и культурных стратегий оказываются недостаточными”⁷², — пишет Пуарье. „Мы живем в мире, который пока еще управляется и, видимо, долго еще будет управляться силой”⁷³, — подчеркивает Бофр.

В подобных взглядах находит отражение свойственный внешней политике капиталистических государств силовой принцип, который исходит, как подчеркивал В. И. Ленин, из самой сущности капитализма⁷⁴. В то же время есть различия в экономических

и внешнеполитических позициях французского и американского империализма, которые предопределяют и ощутимые различия во взглядах их теоретиков на роль и место силы в международных отношениях.

Французские теоретики стратегии признают опасность прямого применения военной силы в мировой политике, делают акцент на ее косвенное, главным образом политико-психологическое использование, а также на необходимость ее полной или частичной замены различного рода невоенными средствами принуждения — экономическими, дипломатическими и идеологическими. При этом они исходят из понимания, что непосредственное использование ракетно-ядерного оружия чревато опасностью развязывания войны с катастрофическими для всего человечества последствиями. „Любая война между ядерными державами, — отмечает Пуарье, — закончилась бы смертью физической и политической противостоящих сторон. Очевидно, что это иррационально”⁷⁵.

Признавая нецелесообразность с политической точки зрения прямого применения военной силы и именно ракетно-ядерного оружия, французские теоретики не отвергают возможности косвенного ее использования. Рассчитывая на политико-психологический эффект, который производит разрушительная способность этого оружия, они рассматривают в качестве наиболее эффективной формы такого косвенного его использования так называемое сдерживание. Теоретическая разработка концепции „ядерного сдерживания” занимает значительное место в трудах французских аналитиков стратегии. „Понятие сдерживания, — пишет Р. Арон, — находится в центре стратегической теории потому, что дипломатия пытается заменить реальное применение силы угрозой ее использования”⁷⁶.

Во французской внешнеполитической мысли сложились два теоретических подхода к проблеме „сдерживания”. Сторонники первого из них — П.-М. Галуа, Л. Пуарье — пытаются отмежеваться от американских моделей „сдерживания”, которым свойственна агрессивность, наступательность, стремятся ослабить его связь с прямым насилием, придать ему миролюбивость, оборонительный характер. Их называют „пуристами”, то есть сторонниками „чистого сдерживания”. „Пуристы” проводят различия, с одной стороны, между стратегией „сдерживания” и стратегией „обороны”, подчеркивая, что последняя предполагает прямое применение военной силы в случае, если „сдерживание” не остановит противника в его агрессивных действиях. С другой стороны, они разграничивают стратегию „сдерживания” и стратегию „устрашения” („убеждения”), которая также полагается на косвенном использовании военной силы с целью психологического воздействия на противника, но

„пуристы” ее связывают с агрессивным, авантюристическим внешнеполитическим курсом. Стратегия устрашения заключается, как рассуждают они, в том, чтобы сломить волю противника, предупредить его действия угрозами, противостоять которым он должен признать себя не в силах, а потому в результате которых должен уступить давлению, прежде чем устрашение приобретет характер эффективного принуждения. „Сдерживание, — пишет, в частности, Пуарье, — это форма стратегии воспреещения, устрашение — форма стратегии ограничения и принуждения”⁷⁷. По его же определению, стратегия „ядерного сдерживания” имеет целью создать „эффект воспреещения агрессии путем создания угрозы ядерного возмездия таких масштабов, которые заставили бы противника оценить возможные потери как неприемлемые по сравнению с выгодами агрессии”⁷⁸.

Стратегия сдерживания представляется „пуристам” более приемлемой в психологическом и материальном отношениях. Во-первых, как пишет Пуарье, „легче удержать другого от действия, чем заставить его покориться чужой воле”; во-вторых, если „принуждение” государства, обладающего ядерными средствами, предполагает возможность предварительно уничтожить или парализовать все его вооруженные силы, то для „сдерживания” достаточно „быть способным разрушить частично или полностью материальные богатства и население противника”⁷⁹.

Неприятие „пуристами” агрессивного характера американских концепций „сдерживания”, попытка выработки его альтернативного варианта — несомненно примечательное явление, свидетельствующее о понимании ими катастрофического характера последствий применения ядерного оружия. Однако эту попытку трудно считать успешной. Ядерное оружие выступает в построениях „пуристов” как самодовлеющий фактор, не только способный обеспечить мир, но и сделать войну неизбежной. Между тем научное осмысление военно-технической революции требует рассматривать ее не изолированно, а в рамках конкретных исторических условий, характера общественных отношений. „Вопрос о том, быть или не быть войне, — пишет В. Ф. Петровский, — решается не автоматически и, тем более, не в техническом, а в социально-политическом плане. Он зависит прежде всего от соотношения сил между двумя мировыми системами, расстановки классовых сил и остроты противоречий внутри капиталистического мира, от того, представители каких именно монополистических кругов находятся у штурвала государственной власти. Важную роль с учетом всего этого играет активное движение миролюбивых сил против милитаризма и угрозы новой мировой войны”⁸⁰.

Делая ставку на „ядерное сдерживание” как на якобы наиболее эффективный способ предотвращения войны, „пуристы” приходят к выводу, явно противоречащему здравому смыслу, — будто ядерное оружие должно существовать вечно. Элементарная логика подсказывает, что пытаться обеспечить собственную безопасность путем готовности общества время от времени рисковать своим существованием — слишком высокая цена для человечества. Вариант „сдерживания”, сконструированный „пуристами”, неизбежно оказывается созвучным пресловутой доктрине „балансирования на грани войны” и угрозой миру, отнюдь не гарантией безопасности в ядерную эпоху, как это пытаются доказать авторы. Это вынуждены признать и сами творцы этой теории. Пуарье, в частности, отмечает: „Политико-стратегическая ситуация, созданная в результате сдерживания, представляет собой ситуацию мира или в крайнем случае кризиса, не переходящего в войну”⁸¹.

„Пуристам” противостоит группа теоретиков, исходным пунктом философских построений которых является признание органической связи в стратегии „сдерживания” между угрозой применения силы и ее реальным использованием. Один из ведущих теоретиков этой группы — Р. Арон, называя это внутреннее противостояние „парадоксом ядерного сдерживания”, пишет: „Если угроза не может быть приведена в исполнение, то как она может применяться в качестве сдерживания? Если угроза применяется, то тогда приведение ее в исполнение рассматривается как возможное и субъектом, и объектом сдерживания”⁸². „Сдерживание, — полагает Р. Арон, — отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает войну. Они являются двумя сторонами одной медали — политики силы”. „Война, — отмечает французский теоретик, — которую готовят, чтобы ее избежать, хотя и определена как невозможная, возможна. Если бы она была физически или морально невозможна, сдерживание перестало бы существовать”⁸³.

Казалось бы, такие рассуждения должны привести к признанию необходимости отказа от применения военной силы в любых ее формах. Однако противники „пуристов” не только дезавуируют „сдерживание” с его неизменным атрибутом — установкой на применение первыми ядерного оружия, но и ратуют за дополнение этой стратегии стратегией ведения войны.

Как указывает, в частности, Арон, „неразумно полностью делать ставку на сдерживание и не интересоваться тем, что случится, если это сдерживание провалится”⁸⁴.

Однако многие французские теоретики „стратегии” признают опасность прямого применения военной силы в условиях паритета и потому пытаются изыскать такие способы ее использования, которые были бы безопасны и исключали бы перерастание противо-

борства на мировой арене в крупные военные столкновения, особенно в ядерный конфликт. Подобные теории „стратегии”, как справедливо отмечает Ф. Брайяр, „направлены на изыскания наиболее адекватных форм поведения, позволяющих влиять на поведение противника или контролировать его и навязывать ему свою волю в конфликтной ситуации”⁸⁵.

Наиболее развитый вариант такой стратегии, получивший наименование стратегии „действия”, предложен А. Бофром⁸⁶. Характеризуемая как противоположная стратегии „сдерживания” и представляющая собой совокупность различных способов использования невоенных форм насилия, теория стратегии „действия” разработана Бофром под ощутимым воздействием взглядов американского теоретика Т. Шеллинга. Последний предложил теорию „акций принуждения” противника, осуществляемых посредством использования экономического нажима, психологического давления и соответствующих политико-дипломатических мероприятий. Обозначив их терминами „compellence” и „coercition”, Шеллинг предлагал делать разграничения между ними и действиями посредством „устрашения” („deterrence”), определяя разницу как между динамическим и статическим состояниями⁸⁷.

Разделяя стратегию „действия” на „прямую” (с доминированием вооруженного насилия) и „косвенную”, где ведущая роль отводится невоенным формам принуждения (экономическим, дипломатическим и особенно психологическим), Бофр отдает предпочтение последней. Вооруженное насилие выступает в ней как сугубо вспомогательное, но не обязательное средство и в случае необходимости сводится к „низшим формам” — отдельным военным акциям типа демонстрации военной силы, коротких локальных столкновений и т. п. Важнейшей формой „косвенной стратегии действия” Бофр считает психологическую, в соответствии с которой она должна быть направлена на подрыв морально-политического духа противника путем лишения его различными политическими и дипломатическими маневрами свободы действий, уверенности в своих силах.

В реализации „косвенной стратегии действия” особое значение французский теоретик придает переговорам с противником, иначе говоря, торгу с ним, который должен сопровождаться наращиванием экономического, психологического и прочего давления.

Бофр преподносит „косвенную стратегию действия” как некое „открытие”, как весьма перспективную линию внешнеполитического поведения, наиболее адекватную нынешнему характеру международных отношений, развивающихся в направлении все большего сужения возможностей прямого применения насилия, в первую очередь военного. Однако нельзя не видеть, что подобные

способы ведения внешней политики столь же опасны, сколь и прямые военно-силовые приемы, так как они могут служить лишь источником напряженности в международной обстановке.

Французские теории „стратегии” довольно тесно связаны с теоретическими исследованиями международных конфликтов и войн (конфликтологией), особенно с той их частью, которая относится к анализу поведения в кризисах и конфликтах, вопросам их урегулирования и контроля. В этом смысле французские теории „стратегии” можно рассматривать и как раздел конфликтологии. Однако французские конфликтологи не ограничиваются лишь стратегическими аспектами. Они пытаются исследовать также причины международных конфликтов, их содержание, формы, разрабатывать их типологию и классификацию.

Работам французских теоретиков свойствен целый ряд недостатков, в принципе присущих буржуазным исследованиям в области конфликтологии. Претендуя на тщательный, объективный анализ конфликтов, воздействующих на международную обстановку, они нередко причисляют к ним многие события внутренней жизни государств — гражданские волнения и войны, государственные перевороты и т. д. Это ведет к методологической путанице, размывает специфические признаки внутренней социальной борьбы. Тем самым французские теоретики, с одной стороны, признают опасный характер международных конфликтов, а с другой стороны, узаконивают попытки интернационализации внутренних конфликтов в интересах империализма, который „оправдывает” его вмешательство в суверенные дела других государств.

В большинстве французских работ не проводятся различия между понятием формы и типа международных конфликтов. Весьма часто такое явление в международной жизни, как война, рассматривается одними как форма конфликта, другими — как один из его типов, а часто — как то и другое. Нередко „война” и „конфликт” употребляются терминологически как равнозначные. То же самое можно сказать и в отношении понятия „международный кризис”. Как подчеркивают советские исследователи, „структура международного конфликта есть не только его расчлененность на элементы, их определенное строение, функциональная связь и взаимодействие, но и диалектическое изменение характера этого взаимодействия, развития системы в целом”⁸⁸. Марксистская методология рассматривает диалектику международного конфликта как процесс, проходящий через разные стадии развития. Каждой стадии соответствует определенная форма проявления конфликта, но это соответствие не является раз и навсегда закрепленным: оно очень подвижно и относительно. И если, например, вооруженный конфликт может быть одновременно и стадией,

и формой международного конфликта, то приравнивать его полностью к типу международного конфликта было бы неправомерно с научной точки зрения⁸⁹.

В этом плане характерны взгляды А. Боффа. Гипертрофируя, как уже указывалось, роль насилия в международной политике, он, по существу, рассматривает конфликт как естественную, неизбежную и преимущественную форму международных отношений, как их главное содержание и сущность. При этом Бофф не только не проводит различия между конфликтом и войной, но и вообще объединяет все события как внутренней, так и международной жизни, в которых применяется вооруженное насилие, понятием „война“.

Вырывая понятие „военное насилие“ из его социально-политического контекста, Бофф строит классификацию войн на основе средств и способов вооруженной борьбы, ее масштабов. В результате в его схеме наряду с ядерной и обычной войнами находит место и „холодная война“. С этих же методологических позиций Бофф исследует современные локальные и ограниченные войны. Их особенность он усматривает в том, что наряду с использованием военной силы в них возрастает значение психологических средств принуждения — от пропагандистских выступлений до угроз прямого силового воздействия.

Исследуя эти „новые“ формы войны, Бофф объединяет их в понятие „революционная война“. В своем анализе он, однако, игнорирует ее классовую сущность и те социально-политические противоречия, которые ее порождают. Бофф изображает революционную войну как борьбу различных групп за власть, в ходе которой наряду с вооруженной силой используется определенный набор специфических приемов — терроризм, партизанская война, пропаганда, которые подкрепляются „политико-психологической“ темой, используемой „политической организацией“ для „разжигания революционных страстей“⁹⁰.

Симптоматично, что сугубо формальная, деполитизированная теория войн, предложенная Боффом, подвергается критике рядом французских теоретиков. Арон, усиленно разрабатывавший также теорию войн и конфликтов, будучи одним из наиболее ревностных оппонентов Боффа, справедливо указывал на ее основной методологический порок — абсолютизацию роли насилия в международных отношениях, гипертрофирование их конфликтного характера. „Наличие или применение силы, — писал Арон, — представляет лишь часть международно-политических отношений, но не представляет их конечную цель или исключительный способ“⁹¹.

Попытка Боффа изобразить насилие как суть современной мировой политики, как нечто распространяющееся на всю область

международных отношений устраняет, по словам Арона, возможность международного сотрудничества, даже частичного совпадения интересов и намерений их участников. На этом основании Арон считает неприемлемым отождествление „холодной войны” с войной как таковой, отделение ее от невоенного состояния международных отношений. По его мнению, наличие локальных конфликтов на мировой арене, угрозы, которые создает существование ядерного оружия, хотя и делает весьма подвижной грань между миром и войной, не приводит, однако, к ее стиранию, к превращению мира в продолжение войны иными средствами, к утрате войной возможности самоопределения как специфического социального явления.

Другой методологической ошибкой Боффа Арон считает фактическое игнорирование им политической природы войн. Характеризуя войну как одну из возможных фаз отношений между государствами, Арон, следуя Клаузевицу, признает войну „политическим актом”, вытекающим из политической ситуации и являющимся „результатом политических мотивов”. Однако, будучи ревностным последователем концепции прусского военного теоретика, Арон трактует ее, исходя из своих общих идеологических и теоретических позиций. Это прежде всего находит выражение в последовательном игнорировании им классового характера как политики, так и войны. Ссылаясь на принцип признания изменчивости природы войн, который выдвинул в свое время Клаузевиц, Арон утверждает, что каждая война является оригинальным сплетением различных и необязательно повторяющихся элементов и потому не может быть предметом общей теории.

Эту методологическую установку Арон применяет в анализе природы современных войн. Она обуславливается, по его мнению, целым рядом факторов: культурным и экономическим уровнями, „несовместимостью идеологий”, но особенно уровнем вооружений. Сочетание этих факторов, как полагает Арон, привело к усложнению характера войн в современную эпоху, которые он объединяет в следующие типы: войны „невероятные” (ядерная война, которую Арон считает невозможной), народные войны (партизанские, национально-освободительные и революционные войны), „классические” войны. Заявляя, что он строит эту типологию с учетом политических целей, стратегии и тактики войн, Арон в действительности смешивает все три типа, чем лишает свою типологию всякой логики.

Арон извращает социально-политическую природу и содержание войн. Так, например, национально-освободительные войны он объясняет потерей колониальными державами „престижа” и „уважения”, а также их „слабостью”. При анализе революционных войн Арон считает присущими равно как реакционным, так и прогрессивным

силам такие действия, как терроризм, разгул насилия и политические убийства.

Будучи ярким противником связи войны с экономикой, с характером социально-экономического строя, Арон полагает, что никакой режим — ни капиталистический, ни социалистический — не делает войну неизбежной. В то же время он утверждает, будто все вооруженные конфликты после второй мировой войны якобы обладают „параметрами гражданской войны”, что обусловлено „идеологической несовместимостью в мире”, „международными масштабами классовой борьбы”. При этом источники классовой борьбы в мире Арон рассматривает не иначе, как в деятельности мирового пролетариата и тех, кто его представляет, то есть коммунистических партий, ведущих якобы „продолженный конфликт против капиталистических государств и мирового империализма”⁹². Разумеется, такие выводы выходят за пределы научной объективности.

Как справедливо подчеркивается в советской научной литературе, противоречия на мировой арене, в частности, присущие отношениям двух мировых систем, являются объективной основой и движущей силой того или иного международного конфликта. Прямо или косвенно они отражаются в природе и характере самого конфликта, в целях, стратегии и средствах участвующих в них государств, во внешних условиях развития международного конфликта, порождаемых, в частности, системой международных отношений. Нельзя, однако, отождествлять эти объективно существующие противоречия или порождаемые ими конфликты с непосредственным международным конфликтом. Международный конфликт — вполне реальный международно-политический процесс, имеющий истоки, содержание и форму, систему и структуру, фазы развития⁹³.

На фоне откровенно пропагандистского и перегруженного идеологизированными выкладками анализа Арона заметно выделяются попытки тех французских теоретиков, которые стремятся глубже проникнуть в методологическую проблематику и изучение международных конфликтов, пытаясь, в частности, использовать опыт применения американскими теоретиками системного подхода в исследовании международных конфликтов. Конкретным примером таких попыток являются работы Ж.-П. Деррьеника⁹⁴.

Международная конфликтная ситуация исследуется им как система отношений между государствами. Причину возникновения международных конфликтов он усматривает прежде всего в неравенстве мощи государств, которое проистекает, по его мнению, из количественного различия их демографических, экономических и военных ресурсов, а также характера политико-стратегической ситуации, в которой находятся эти государства. Одновременно французский теоретик подчеркивает, что международный конфликт

является результатом противоположных стремлений его участников. В свою очередь, эти стремления порождаются противоположностью систем ценностей, которых придерживаются участники конфликта. Однако природа этих ценностей, составляющих, несомненно, существенный мотив внешнеполитического поведения, понимается Деррьеником сугубо идеалистически. Ценности, полагает он, определяются не материальными общественными отношениями, потребностями, интересами классов, а субъективно-психологическими, стратегическими расчетами политических руководителей. Поэтому, выявляя некоторые новые взаимосвязи, Деррьеник терпит неудачу в попытке создать теоретическое представление о международном конфликте.

Французский теоретик пытается разработать также некоторые аспекты современных гражданских войн, найти, в частности, причины таких их особенностей в современную эпоху, как интернационализация, то есть превращение этих войн в международные конфликты. Для этого Деррьеник привлекает некоторые положения работ американского теоретика Д. Модельского. В этих работах международные отношения рассматриваются как взаимодействие социальных систем разных стран, основывающееся на обмене ресурсами в целях сохранения внутреннего баланса и в конечном счете социальных систем этих стран. Привязывая эту схему к объяснению причин интернационализации гражданских войн, Деррьеник приходит к реакционному выводу о том, что интервенционизм и вмешательство являются неизбежным и даже необходимым явлением, который носит характер чуть ли не закона. Теоретик упоминает другие действующие здесь факторы — политические, идеологические, социально-психологические и т. д., однако их влияние он уравнивает с ролью экономических факторов. Таким образом, теория, которую предлагает этот французский исследователь, искаженно истолковывает причины возникновения международных конфликтов и оправдывает вмешательство империализма в революционную борьбу народов.

В последние годы внимание французских теоретиков привлекают проблемы международных кризисов, их предотвращение и урегулирование. Подчеркивая значение каждого теоретического анализа „кризисной проблематики”, они ссылаются на высказывание Арона о том, что в ядерный век именно кризис является „часом правды”, то есть тем опасным и ответственным для судеб человечества состоянием международных отношений, когда они могут либо превратиться в термоядерный губительный конфликт, либо удержаться в русле мирного развития⁹⁵.

Один из авторов теории международного кризиса — генерал Л. Пуарье определяет его как „специфическое конфликтное явление

в международных отношениях, не адекватное войне". Пуарье связывает происхождение международного кризиса с системой международных отношений, с глубинными факторами, обеспечивающими ее динамическое равновесие, в первую очередь экономическими и социальными, которые он именует объективными⁹⁶. Пуарье не сбрасывает со счетов и факторы субъективного порядка, детерминирующие развитие кризисных процессов, которые он усматривает во внешней политике государств, входящих в систему международных отношений.

Однако эти в целом примечательные идеи не находят плодотворной реализации, когда Пуарье переходит к анализу кризисов в современных международных отношениях. Пуарье ранжирует государства в свойственной буржуазной политологии манере — по признаку обладания военной мощью, прежде всего термоядерной. Он выхолащивает, таким образом, объективную социально-экономическую и политическую сущность поляризации современной системы международных отношений, проистекающую из главного противоречия современной эпохи — противоречия между социализмом и капитализмом — и воплощающуюся в конкретной политической роли прежде всего крупнейших стран — СССР и США, которые несут основную ответственность за поддержание мира. В результате международные кризисы рассматриваются французским теоретиком через призму известной концепции „ядерной биполярности“, в которой в качестве определяющего их регулятора выдвигается борьба и столкновение двух „сверхдержав“.

Из такой точки зрения Пуарье исходит при разработке вопросов поведения государств в международном кризисе. Он признает, что в современном мире военная сила является весьма опасным средством разрешения конфликта между государствами ввиду возросшей угрозы его перерастания во всеобщую ядерную войну, способную разрушить не только систему международных отношений, но и уничтожить все человечество. Поэтому Пуарье отстаивает идею взаимной сдержанности в использовании военной силы, предполагающую отказ в кризисных ситуациях от предпринятия каких-либо акций, особенно военных, могущих спровоцировать дальнейшую эскалацию конфликта, рекомендуя поддерживать взаимные коммуникации, систему взаимной информации участников и т. п.

Однако, как справедливо подчеркивает В. Ф. Петровский, идея взаимной сдержанности является в широком контексте мер по обеспечению международного мира и безопасности „лишь полшагом в направлении исключения силы из международных отношений, поскольку при такой постановке вопроса речь идет лишь о сдерживании и урегулировании уже возникших кризисных ситуаций, а не об их предотвращении“⁹⁷. Кроме того, подобной идее, по существу,

противоречит теория контролирования кризисов, которую предлагает сам же Пуарье. Он представляет этот процесс как умелое манипулирование двумя ядерными „сверхдержавами” методами невоенного давления (психологического, экономического и дипломатического). Это давление осуществляется на фоне постоянного риска ядерного столкновения, угроза которого рассматривается Пуарье как эффективное средство торможения опасной эскалации кризиса. Очевидно, что предлагаемая теория есть не иначе, как попытка рационализации основных средств и методов силовой борьбы на мировой арене, системы целенаправленных действий, которые могут стать скорее источником обострения международного кризиса, нежели его смягчения и урегулирования.

Проблема управления международным конфликтом, техника его разрешения рассматриваются и другим известным французским исследователем Ж.-П. Котом. Он не создает теории „международного конфликта”, но в ходе критического анализа работ английского теоретика Дж. Бертона, посвященных кипрскому конфликту, он выдвигает ряд заслуживающих внимания положений, относящихся к методологии изучения конфликтных ситуаций⁹⁸.

Кот — решительный противник различного рода субъективистских трактовок „международного конфликта”, авторы которых пытаются сводить причины конфликта к различного рода недоразумениям, неверным интерпретациям поведения участников. Не отвергая бесспорную важность субъективных предпосылок конфликта, он подчеркивает, что они, однако, являются отражением его объективных сторон. Объективные факторы конфликта, к которым относятся экономические, социальные и политические противоречия, Кот считает первичными, поэтому любой анализ конфликта должен, по его убеждению, начинаться именно с их выявления.

Этот вывод Кот относит и к любым исследованиям того или иного конфликта. В связи с этим Кот выступает против механического переноса в сферу международных отношений результатов исследования конфликтов в малых группах. Он настаивает на важности учета специфики конфликтов в международных отношениях, подчеркивая, что практически ни один международный конфликт нельзя рассматривать как игру с нулевой суммой. Кот выступает против использования военной силы в разрешении конфликтных ситуаций, за путь переговоров.

Переговоры как метод предупреждения и урегулирования международных конфликтов вызывают в последнее время значительный интерес у французских теоретиков⁹⁹. „Дипломатия, — пишет один из них — А. Планте, — все более расширяет свое значение в деле организации будущего человечества, предупреждения кризисов, помощи развитию”¹⁰⁰. Повышение роли дипломатии, перегово-

ров французские теоретики увязывают с необходимостью ограничения методов применения военной силы и расширения использования невоенных средств ведения международных дел. В их работах обнаруживается негативное отношение к „силовым приемам” в дипломатии, практике шантажа и угроз на переговорах, указывается на необходимость утверждения в переговорной практике метода компромисса и взаимоприемлемых решений, подчеркивается значение политической воли в их достижении, признается ширящееся влияние на дипломатию народных масс, общественного мнения.

Однако подобные разумные взгляды нередко вступают в противоречие с попытками подведения под переговоры псевдотеоретической базы. Вопросы дипломатических переговоров начинают трактоваться на основе так называемой общей переговорной теории, представляющей собой некую универсальную схему, приложимую в равной степени как к дипломатии, так и к бизнесу, медицине, внутрисемейным отношениям. Эти оторванные от конкретных реалий международной жизни конструкции смещают внимание французских теоретиков на второстепенные, психологические, культурные и прочие аспекты переговорного процесса, описание поведения его участников, мало что добавляющих к имеющимся практическим наблюдениям, а главное — уведат французскую внешнеполитическую мысль от раскрытия потенциальных возможностей этого важнейшего метода дипломатии в обеспечении мирного развития современных международных отношений.

Среди французских теорий международного конфликта особо выделяются „полемологические” (полемология — наука о войне), разрабатываемые специалистами Французского института полемологии, созданного в 1951 году социологом и демографом Г. Бутулем. Эти теории нацелены на комплексное изучение войн, конфликтов и других форм „коллективной агрессивности” с привлечением методов и элементов социологии, демографии, биологии, математики и других наук. Пытаясь найти ответ на вопрос о сущности войн и конфликтов, вскрыть порождающие их факторы, „полемологи” ищут его на путях позитивистской методологии, эклектически соединяя элементы экономического, политического и культурного объяснений исследуемых ими явлений.

Подразделяя причины конфликтов как внутри государств, так и между ними на „структурные” (экономические, демографические), „конъюнктурные” (политические) и „случайные”, они довольно часто отдают при этом дань вульгарным биосоциальным и психосоциальным концепциям, выдвигая тезисы о наличии враждебной агрессивности, вытекающей из „животной сущности человека”, о каком-то „воинственном комплексе”, присущем человеческому обществу на всех этапах его исторического развития и переходящем

в „приступы” коллективного или индивидуального насилия. Таким образом, „полемологи” обособливают войны и конфликты от многообразных социальных отношений, прежде всего от политики классов и государств, подготавливающей и порождающей войны, от классовых, социально-политических закономерностей соответствующей исторической эпохи. Войны определяются ими как „организованное и узаконенное насилие, кровавое столкновение общественных групп внутри государства или между народами с политической целью, состояние, при котором количество людей, убиваемых в массовом масштабе и по политическим мотивам, значительно”¹⁰¹.

В работах „полемологов” ошутимо сказывается влияние ряда известных буржуазных исследователей, и в первую очередь К. Райта, что выражается в их попытках анализа „взаимодействия войн и цивилизаций”, в ходе которых эти теоретики ищут причины трансформации характера войн не в изменениях их классовой сущности, политического содержания и целей борющихся сторон, а в новых средствах и способах войны, порожденных научно-техническим прогрессом. „Полемологи” заимствуют также опыт Д. Сингера и Л. Ричардсона в количественном изучении войн и конфликтов. При этом в основу своих расчетов они кладут все те же методологические принципы, предполагающие отказ от связи международных конфликтов и войн с порождающими их социально-политическими закономерностями конкретной эпохи. В итоге ими устанавливаются не коренные и неотъемлемые особенности войн и конфликтов, а сугубо формальные, второстепенные, хотя порой внешне и гибкие — число вовлеченных государств, убитых, длительность боевых действий и т. д. Тем самым, несмотря на скрупулезность проведенного анализа, конечные выкладки „полемологов” утрачивают всякую научную ценность и лишь укрепляют распространенный среди французских теоретиков скепсис в отношении возможности применения в теоретическом изучении мировой политики новейших приемов анализа¹⁰².

Хотя методология „полемологов” имеет некоторую уязвимость, не следует упускать из виду ряд положительных аспектов их позиции. Руководствуясь лозунгом „хочешь мира — осмысли войну”, они стремятся найти способы и формы обеспечения мира и безопасности на международной арене. К тому же, как свидетельствуют работы „полемологов” последних лет, они постепенно преодолевают свойственные им в прошлом различного рода абстрактные, идеалистические и утопические рассуждения о мире как „порядке и покое, состоянии, при котором количество людей, убиваемых в массовом порядке, в частности, по политическим мотивам, сведено к минимуму”¹⁰³. В поисках путей обеспечения мира

„полемологи” все более учитывают реалии современной эпохи — социально-политическую неоднородность международных отношений, идеологическое противоборство государств с различным социальным строем и т. д., признают в качестве важных факторов обеспечения международной безопасности соблюдение военного равновесия и механизма политической разрядки.

Вместе с тем „полемологам” не удается выработать политически реальные и конструктивные предложения по избавлению человечества от ядерных конфликтов. Кроме того, „полемология” продолжает оставаться в буквальном смысле „наукой о войне”, но не „наукой о мире”, так как изучение войн и конфликтов заметно доминирует в ней над исследованиями средств и условий безопасного развития международных отношений.

Сказанное не означает, что французские теоретики полностью обходят такие явления, как мир, разрядка, мирное сосуществование. Широкое международное признание ленинской идеи мирного сожительства государств с различным социальным строем, „разрядочные” тенденции во внешней политике Франции 60 — 70-х годов создали стимулы к разработке указанной проблематики и выдвижению соответствующих теорий¹⁰⁴. Однако нельзя не заметить, что большинство из их авторов (П. Асснер, Ф. Перру и др.) остались „пленниками” ограниченных идеологических и политических взглядов, которые не позволили им достаточно здраво осмыслить глубоко жизненное значение ленинской идеи в мировой политике наших дней, а в ряде случаев подтолкнули их на путь ее искажения.

Показательным явилось достаточно широкое распространение и популярность во французских работах упомянутых схем мира, разработанных Ароном, воплотивших представление о мире и безопасности, по сути, во всех возможных вариантах, которые изобрела социальная мысль современного империализма — то в виде „мирового государства”, то на основе „равновесия страха”, то путем сохранения социального статус-кво. Хотя не все французские теоретики столь реакционны во взглядах на мир, как сам Арон, большинство из них все же продолжает вращаться вокруг этих идей, отражающих запрограммированный мир буржуазной идеологии, а не реальные потребности, создаваемые мирным сосуществованием на современном этапе международных отношений.

Примером тому служит, в частности, пустивший наиболее глубокие корни во французской внешнеполитической мысли взгляд на мир и стабильность международных отношений через призму закона „о равновесии сил”. Считая вслед за Ароном „баланс” (или „равновесие”) сил общим правилом, которое действительно для функционирования систем международных отношений любой

эпохи, многие французские теоретики определяют его как „политику”, подчиняющуюся правилу „здравого смысла”, вытекающую из необходимости государств быть осторожными, чтобы сохранить свою независимость и не попасть во власть государств, располагающих превосходящими средствами. Политика „равновесия” сводится ими к действиям, мешающим какому-либо государству стать сильнее, чем его объединенные соперники. Всякое государство, стремящееся сохранить „равновесие”, должно принять меры против государства или коалиции, которые окажутся способными обеспечить себе такое превосходство. „Основой структурной стабильности системы международных отношений является равновесие сил”¹⁰⁵, — пишет Монбриаль.

Однако подобное видение мира и стабильности в международных отношениях не может быть признано научно состоятельным. Оно представляет типичное для буржуазной политической мысли отождествление динамического равновесия как основного закона функционирования системы международных отношений с концепцией „баланса” (или „равновесия”) сил, являющейся отражением в сознании этого объективного закона. На практике этот закон, в котором выражается результат постоянно происходящих столкновений различных политических, экономических, военно-стратегических и иных интересов государств, проявляется, разумеется, не вследствие сознательного стремления последних установить в системе международных отношений состояние „равновесия”. Под „стремлением” системы к поддержанию и сохранению динамического равновесия имеется в виду лишь общая тенденция, пробивающая себе дорогу через цепь случайных, неравновесных состояний. В данном теоретическом положении находит отражение то обстоятельство, что в конечном счете объективные законы функционирования пробивают себе дорогу и что, следовательно, в деятельности государств также в конечном счете реализуются требования „объективных структурных законов”¹⁰⁶.

И хотя некоторые теоретики усматривают в „равновесии” объективный, динамический характер, они продолжают трактовать это понятие именно в субъективистском духе как политику сбалансирования „силы”, преимущественно военно-экономической, между государствами, исключаями превосходство одного над другим.

В свою очередь, это оборачивается оправданием французскими теоретиками курса капиталистических государств на постоянное наращивание вооружений, особенно ядерных, и провозглашением „равновесия страха” единственно возможной гарантией сохранения мира и стабильности в международных отношениях. „Человечество приговорено продолжать жить под угрозой апокалипсиса, которую оно само создало”¹⁰⁷, — отмечает Монбриаль.

Однако концепция „равновесия страха” глубоко порочна и не соответствует задаче укрепления мира и международной безопасности. Мир, о котором говорят проповедники этой концепции, — это в лучшем случае состояние, характеризующееся отсутствием войн, а не одна из форм отношений между государствами, которая предполагает не просто отказ от войн, а поддержание нормальных, равных отношений между ними, развитие сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды.

„В насыщенном противоречиями мире, перед лицом грозящей катастрофы есть единственно разумный, единственно приемлемый выход — **мирное сосуществование государств с различным общественным строем**, — говорится в Программе КПСС. — Это не просто отсутствие войн. Это такой международный порядок, при котором господствовала бы не военная сила, а добрососедство и сотрудничество, происходил широкий обмен достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу всех народов... Мирное сосуществование отвечает интересам всех стран, всех народов”¹⁰⁸.

* * *

Плюралистическая философская основа современной французской внешнеполитической мысли обусловила появление в ней разнообразных теоретико-методологических исканий в области международных отношений. Однако они не привели ни к созданию цельной методологии научного анализа сложных явлений международной жизни, ни к глубоким теоретическим обобщениям, соответствующим объективным потребностям современного этапа мировой политики.

Причины безуспешности усилий французских теоретиков состоят в их принципиальном неприятии связи внешней политики с определенным общественным способом производства, классовой борьбой, в преувеличении субъективных факторов, отрицании закономерностей развития международных отношений, наконец, в стремлении, хотя не всегда осознанном, воспрепятствовать исторически необратимому процессу перемен, происходящих на мировой арене.

КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

1. ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

В отличие от теорий международных отношений, концепции внешней политики занимают ведущее место в современной французской внешнеполитической мысли. Их преобладание над теориями французские исследователи объясняют „традиционной историко-литературной культурой” дипломатии Франции¹, где в прошлом ее дипломатическую службу нередко представляла интеллектуальная элита (просветители — Руссо, Вольтер, поэты — Шенье, Шатобриан, Ламартин, Клодель, Леже, историки — Гизо, Токвиль, писатель Стендаль, литератор Вогюэ, журналисты — Баррер, Делькассе, драматург Жироду), которая, по их словам, давала предпочтение идеологическим схемам перед научными².

В действительности эти причины имеют более глубокие корни. Их следует искать в особенностях политического развития Франции со времен Великой французской революции как страны, где, как уже указывалось, классовая борьба всегда приобретала наиболее острые формы.

Эта борьба вызывала необходимость идеологического оправдания классовых стратегий в политической сфере. Таким образом, политические процессы во Франции проходили в условиях, которые более стимулировали развитие схем не столько научного характера, вскрывающих корни, истоки, закономерности и причины политических явлений, сколько различных идеологических концепций, нацеленных на оправдание конкретного политического курса практической политики. „Со времени революции Франция — по преимуществу политическая страна Европы. Ни одно усовершенствование, ни одна доктрина не могут приобрести во Франции национального значения, если они не облечены в какую-либо политическую форму”³, — писал Ф. Энгельс. Эта особенность французского политического сознания нашла отражение и в сфере внешнеполитической мысли.

Находящиеся в прямой зависимости от политической практики внешнеполитические концепции тесно связаны с официальными установками в области международной политики — с ее внешне-

политической доктриной. При этом последняя выступает либо исходной базой разработки этих концепций, либо, наоборот, объектом их воздействия в направлении, выгодном той или иной политической силе. Поэтому важной предпосылкой анализа современных концепций внешнеполитической ориентации Франции является изучение эволюции, которую претерпела за почти 30-летний срок существования Пятой республики официальная внешнеполитическая доктрина.

Формирование фундаментальных положений этой доктрины справедливо связывается ее исследователями с именем Шарля де Голля, внесшего, по словам известного французского политолога А. Гроссера, во внешнюю политику Франции изменения „философского характера”⁴. Действительно, возглавляя Пятую республику с момента ее рождения, де Голль выдвинул лозунг „национальной независимости” и „величия” Франции, предполагающий в качестве главной цели внешней политики страны значительное повышение ее роли, влияния и удельного веса в мире, активное участие в решении международных проблем при условии сохранения ее суверенитета, недопущения какого-либо ущемления ее государственных интересов. Излагая суть этой внешнеполитической доктрины, де Голль писал: „...Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... Наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестанет быть Францией”⁵.

Характерной чертой голлизма было утверждение идеи нации как абсолютной ценности. „В голлистском мировоззрении, — пишет советский франковед Ю. И. Рубинский, — национальное государство всегда рассматривалось как краеугольный камень человеческого общества, вечная, непреходящая реальность, стоящая выше эфемерных идеологий и меняющихся социально-политических систем”⁶.

Голлистский призыв к величию Франции являлся реакцией на те серьезные испытания, которым не раз подвергалась страна на протяжении нескольких десятилетий, начиная с франко-прусской войны 1870—1871 годов, когда попирались ее национальная честь и независимость. „Именно из этого духовного недуга произрастают корни политики президента де Голля”⁷, — писал Г. Киссинджер.

Решение задачи обеспечения Франции международного статуса независимой мировой державы увязывалось в голлистской внешнеполитической доктрине с необходимостью трансформации сложившейся после второй мировой войны системы международных отно-

шений, которая рассматривалась голлизмом как продукт произведенного двумя „сверхдержавами” „раздела мира” и потому — как „противоправная” и „нестабильная”.

В восприятии голлизмом послевоенного мира ошутимо сказывались недовольство правящих французских кругов тем, что в результате противодействия Соединенных Штатов Франция не участвовала в Ялтинской конференции, а также обеспокоенность, что и в дальнейшем Париж может оказаться отстраненным от участия в крупных международных договоренностях. „Поскольку раздел мира сверхдержавами на два лагеря не способствует свободе, равенству и братству народов, миру необходим другой порядок, другое равновесие”⁸, — утверждал де Голль. Таким международным порядком голлистская внешнеполитическая доктрина провозглашала систему международных отношений, основанную на существовании нескольких „центров силы”.

Из подобной ориентации, которую задавал голлизм курсу Франции на мировой арене, вытекала необходимость проведения гибкой политики балансирования, предполагавшей взамен предпочтительного союза с одной более мощной державой союз с несколькими государствами, выбранными с таким учетом геополитических факторов и соотношения сил на мировой арене в целом, чтобы они могли уравнивать друг друга. В установке на такое балансирование, как средство укрепления позиций Франции и в то же время исключения опасности оказаться в зависимости от какого-либо союзника или партнера, несомненно сказывалось влияние исторического опыта французской дипломатии, которая не раз в прошлом с успехом применяла подобный подход.

Ставшая одним из принципов внешней политики Пятой республики, эта установка нашла свое выражение в стремлении к укреплению единства стран Западной Европы, энергичном противодействии претензиям США на мировое лидерство, установлении и развитии отношений с Китаем, внимании к малым и средним странам, перестройке отношений с развивающимися странами с учетом некоторых их законных интересов. Однако это не было простой экстраполяцией дипломатического опыта прошлого на современность. Голлистская доктрина учитывала и реалии внешнего мира — изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма в направлении создания стратегического равновесия между двумя системами и вытекающие отсюда объективные требования перевода международных отношений из русла, ведущего к конфликтам и войнам, на путь мира и сотрудничества.

Внешиполитическая стратегия Франции предполагала установление равновесия не только внутри лагеря империализма или между промышленно развитыми странами Запада и „третьим

миром”, но и между миром социализма и миром капитализма. Эту ориентацию отразила известная голлистская формула „разрядка — согласие — сотрудничество”, означавшая, по словам французского исследователя Ф. Девиллера, что „разрядка в отношениях с Востоком предстала перед де Голлем как необходимое условие утверждения французской независимости и желанной свободы действий”⁹. Такой курс Франции объективно совпадал с линией Советского Союза и стран социалистического содружества, настойчиво добивавшихся утверждения в международных отношениях принципа мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. „Встретившись с советской политикой мирного сосуществования, французская идея равновесия несомненно способствовала рождению процесса политической разрядки”¹⁰, — пишет В. П. Славенов.

Существенную особенность внешнеполитической доктрины голлизма составила взаимозависимость дипломатических и военно-стратегических методов проведения курса Франции на мировой арене. Это было обусловлено тем, что стремление к внешнеполитической самостоятельности и активности страны не соответствовало ее ограниченным материальным возможностям, и, по мнению голлистов, возникла необходимость не только усиления дипломатических, политических и моральных резервов, но и резкого повышения военного потенциала, подкрепления внешней политики политикой военной. „В том, что представляет собой нация, и прежде всего в том, что представляет собой наша нация, нет ничего более важного, чем оборонная мощь”¹¹, — подчеркивал де Голль. Ключевым компонентом оборонной мощи он считал ядерное оружие, без которого, по его словам, Франция „не сможет распорядиться своей судьбой”¹².

Обосновывая военную доктрину Пятой республики, голлисты предполагали неизбежность возникновения ракетно-ядерного равновесия между США и СССР и учитывали его возможные последствия для Франции. Усомнившись в американских союзнических гарантиях, а также опасаясь втягивания Франции в конфликт, чуждый ее интересам, который мог быть вызван авантюристической политикой США на мировой арене, они пришли к выводу, что Франции нужно самой обеспечить свою безопасность.

Военная доктрина Пятой республики делала ставку на установление в военном строительстве абсолютного приоритета ядерных сил над обычными, их независимое от военного интеграционного механизма НАТО положение, самостоятельный, национальный характер стратегии их использования. В качестве основы стратегии было избрано так называемое „сдерживание”, предполагающее

ориентацию не на ведение, а на „предотвращение” войны (по крайней мере — на недопущение вовлечения Франции в войну, противоречащую ее национальным интересам) посредством постоянной угрозы незамедлительного ответного ядерного удара по населенным пунктам и экономическим центрам противника. При этом зоной действия „сдерживания” провозглашалась ее национальная территория. Квинтэссенцией этих ключевых установок голлистской военной мысли стала выдвинутая в 1967 году доктрина „обороны по всем азимутам”, сформулированная начальником Генерального штаба вооруженных сил страны генералом Ш. Айере¹³.

Призванная обеспечивать безопасность, независимость и величие Франции, голлистская ядерная стратегия мыслилась также и как дополнительное средство преодоления „ядерной биполярности” мира, замены ненадежной, по словам де Голля, системы „двустороннего равновесия страха” между США и СССР более устойчивым, гарантирующим мир многосторонним „равновесием страха” между несколькими ядерными державами. „Несомненно, равновесие, которое установилось между атомными державами двух лагерей, является в настоящее время фактором мира, но кто может сказать, что случится завтра? — говорил де Голль. — Поэтому, приобретая ядерное оружие, Франция оказывает услугу мировому равновесию”¹⁴. Этот замысел был призван одновременно позволить Франции стать во главе независимого от США западноевропейского сообщества, которое в качестве некой „третьей силы” стало бы противовесом влиянию „сверхдержав”. „Наличие во Франции национального ядерного оружия станет основным фактором развития Европы”¹⁵, — подчеркивал де Голль.

Однако совершенно очевидно, что французский ядерный потенциал, задуманный в качестве нейтральной силы между Востоком и Западом, объективно не мог быть ничем иным, как частью ядерной мощи Запада в целом. Не мог он, безусловно, и внести какого-либо элемента „смягчения напряженности” в „противостояние двух лагерей, образовавшихся вокруг двух гигантов”¹⁶, как это утверждал де Голль.

Несмотря на неоднозначный характер ряда положений голлистской военной доктрины, она оказала определяющее и длительное воздействие на французскую дипломатию, отличительной особенностью которой стало подчеркнутое стремление к самостоятельному решению внешнеполитических задач и повышению роли Франции в мировых делах.

Будучи выражением классовых интересов французской буржуазии, внешнеполитическая доктрина Пятой республики не могла вместе с тем не отражать в ходе своей эволюции изменений, происходящих в стране и международной обстановке, не приспособли-

ваться к ним. Так, серьезные внутренние потрясения, которые пережила Франция в мае — июне 1968 года, поколебали стабильность режима президентской власти, что рассматривалось голлизмом как одно из важнейших условий уверенного, активного и независимого внешнеполитического курса. Это потребовало от правящих кругов более тщательного определения реальных возможностей Франции на мировой арене. Уже незадолго до отставки де Голля в апреле 1969 года французская дипломатия старалась смягчить наиболее острые противоречия с западными союзниками — США, Англией и ФРГ. Но самые ощутимые изменения во внешнеполитическом мышлении правящих кругов Франции произошли позже. Это подтвердила выдвинутая преемником де Голля на посту президента Жоржем Помпиду формула „преемственность и обновление“, означавшая сочетание верности традиционному голлизму с частичным пересмотром его ценностей. В этих изменениях отражались как внутривнутриполитические сдвиги — вынужденная линия на союз с центристскими политическими силами с целью укрепления режима за счет расширения рамок правящего большинства, так и перемены в международной обстановке конца 60 — начала 70-х годов — нарастание межимпериалистических противоречий, крах агрессивной политики США в Индокитае, усиление могущества мировой системы социализма.

Сохранив в основе внешней политики Пятой республики приоритет за обеспечением национальных интересов, новое французское руководство ориентировало действия страны на улучшение отношений с США, развитие диалога с ними, всемерное расширение связей со своими западноевропейскими соседями в целях реализации выдвинутой Ж. Помпиду формулы „завершения, углубления и расширения“ ЕЭС. Эта формула означала окончательную разработку выгодной для Франции системы финансирования единой сельскохозяйственной политики Общего рынка, превращение его из таможенного блока в тесный валютно-экономический и затем политический союз, а также принятие в него новых членов.

Укреплению позиций Западной Европы был призван служить выдвинутый Помпиду план создания „европейской конфедерации“, означавший, по словам внешнеполитических наблюдателей, „подъем европейского голлизма“. Этот план предусматривал объединение суверенных западноевропейских государств — членов Сообщества в противовес „наднациональной федеративной Европе“, на чем настаивало большинство партнеров Франции по ЕЭС. „Необходимо было, — писал М. Жобер, — отвергнуть имперский арбитраж, навязываемый извне. Европа должна собственными силами поддерживать свое мировое признание в Африке, Латинской

Америке, Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Китае и Японии”¹⁷.

Подтверждением ряда изменений во внешнеполитической ориентации явилась и новая военная доктрина, сформулированная в 1969 году начальником Генерального штаба вооруженных сил генералом М. Фурке¹⁸, положения которого были уточнены в опубликованной в 1972 году „Белой книге” по вопросам обороны¹⁹. Доктрина снимала с повестки дня вопрос о возможности применения французских ядерных сил в глобальном масштабе „по всем азимутам” и нацеливала его на „врага с Востока”. Обозначая „три круга оборонной политики Франции” — национальная территория, Европа с ее подступами, включая Средиземноморье, и „отдаленные территории” в Африке, она акцентировала особое внимание на западноевропейском театре. При этом указывалось на необходимость охвата „ядерным сдерживанием” не только национальной территории, но и ее европейских подступов, для чего вводилось понятие зоны „жизненных интересов”, границы которой не уточнялись.

В доктрине отмечалось, что в „поисках путей обеспечения” эффективности „сдерживания” следует разрабатывать „гипотезы использования французских вооруженных сил с применением ядерного оружия в масштабах всей Европы”, и допускалась тесная координация французского сражающегося корпуса вооруженными силами НАТО.

Придавая, таким образом, новое политическое звучание французской стратегии „сдерживания”, доктрина вносила в нее ряд существенных изменений военного характера. Она провозглашала отказ от принципа „все или ничего” (немедленного ядерного удара по жизненным центрам противника) в пользу стратегии „ступенчатого отпора”, предполагавшей применение тактического ядерного оружия в целях „тестирования намерений противника”, его „последнего предупреждения” перед нанесением массированного ядерного удара. Западные наблюдатели оценили эти новые тенденции как симптомы сближения французской стратегии с натовским „гибким реагированием”, как свидетельство „непрочности” границы между доктриной Фурке и доктриной НАТО²⁰.

Вместе с тем корректировка внешнеполитических приоритетов, происшедшая при Помпиду, не означала, что французская глобальная цель, состоящая в трансформации системы международных отношений на основе многостороннего равновесия, была отвергнута. По-прежнему свою важнейшую задачу французское руководство видело как в нормализации отношений с союзниками и активизации внешней политики в Западной Европе, так и в сохранении, расширении и углублении взаимовыгодных связей

с СССР. Об этом свидетельствовало создание в первой половине 70-х годов постоянно действующего механизма политических консультаций двух стран и закрепление общих принципов их взаимоотношений, центральным из которых провозглашался курс на согласие и сотрудничество Франции и СССР как на постоянную политику их отношений и фактор международной жизни. В эти годы франко-советское сотрудничество сыграло важную роль в изменении политического климата в Европе и подготовило условие для созыва, по французскому выражению, „вне категорий блоковой политики” Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

О приверженности французского руководства голлистской идее трансформации системы международных отношений из „биполярной” в „многополярную” говорила и настороженная реакция Парижа на начало советско-американского диалога в начале 70-х годов, в котором французская дипломатия усмотрела признаки возможного „сговора между США и СССР”, „кондоминиума сверхдержав” и „симптом новой Ялты”.

Вторая половина 70-х годов была отмечена новыми изменениями внешнеполитической доктрины Пятой республики. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, дальнейшим укреплением позиций социализма на мировой арене, активизацией борьбы развивающихся стран за достижение реальной экономической самостоятельности, обострением экономического, сырьевого и энергетического кризисов мирового капитализма. Во-вторых, нарастанием классовой борьбы внутри страны, набирающей силу тенденцией к сплочению левых сил. Это толкало правящие круги страны вправо, пробуждало и активизировало инстинкты классовой взаимоподдержки в международном, в том числе „атлантическом”, масштабе²¹. Наконец, еще одна причина лежала в основе происшедшей в середине 70-х годов во Франции очередной, достаточно значительной перемены в составе правящего большинства. Голлистская партия утратила лидирующую роль. Политическое руководство страны перешло к правоцентристскому блоку. В 1974 году новым главой государства был избран лидер „независимых республиканцев” В. Жиска́р д'Э́стен, ставший первым неголлистским президентом Пятой республики.

В идейном плане внешнеполитические подходы нового французского руководства носили неоднозначный характер. Они формировались, с одной стороны, под неизбежным воздействием внешнеполитического наследия голлизма. С другой — под влиянием внешнеполитических воззрений руководителей республиканской партии, главной силы правительственного большинства, которые исходили из тесной взаимозависимости экономик ведущих

стран капиталистического мира и невозможности проведения Францией полностью независимой внешней политики²². „Направляющая линия внешней политики происходит где-то между голлистским наследием и обольщениями неоатлантизма”²³, — писала группа французских политологов о курсе нового французского руководства. Эта линия получила название „мондиализма”, означавшего, по словам президента, постановку и поиск решения внешнеполитических проблем в мировом масштабе. Такой подход В. Жискара д’Эстен объяснял угрозой глобального конфликта, чреватого полным уничтожением жизни на Земле, неравномерностью распределения природных богатств, опасностью демографического взрыва и вытекающим из этого стремлением к единству действий государств на мировой арене. „В плане внешней политики мы переходим от цивилизации групп к всемирной цивилизации. В силу этого необходимо, по моему мнению, чтобы внешняя политика Франции была всемирной политикой и политикой примирения”²⁴, — говорил президент.

В этом отношении весьма симптоматичным явилась осуществленная новым президентом замена голлистского лозунга „величия” Франции на лозунг ее „влияния”. Президент объяснил такую замену следующим образом: «Учитывая нынешние размеры территории Франции и отсутствие в настоящее время суровых испытаний, нашей стране более соответствует слово „влияние”»²⁵. Определенные изменения претерпел и лозунг „национальной независимости”, который, по словам французского политолога Ш. Зоргбиба, „приобрел релятивный характер”. Как говорил президент, „в современном мире независимость, естественно, дополняется солидарностью и сотрудничеством”²⁶. „Внешняя политика Жискара д’Эстена, — резюмировал Зоргбиб, — являлась „неголлистской”, ибо подменяла защиту национальных интересов мондиализацией проблем”²⁷.

Действительно, подобный внешнеполитический подход заметно отличался от голлистского, ставившего во главу угла обеспечение независимости страны, ее величия и статуса мировой державы и предполагавшего проведение „наступательной” политики на мировой арене. Новый подход являлся признанием относительной слабости французского империализма, вынужденного приспосабливать свою политику к новому балансу сил в системе международных отношений²⁸.

Об этом свидетельствовал и ряд изменений в системе внешнеполитических приоритетов Пятой республики на мировой арене. Представляет интерес их сравнительный анализ в исторической ретроспективе Пятой республики, данный видным американским франковедом С. Хоффманом: „Де Голль произвел глобальный пе-

рассмотр прежней политики и построил следующую схему: Соединенные Штаты постепенно теряют свое господствующее положение, Россия несколько отстывает в Европе, третий мир утверждает свою независимость, но по-прежнему остается пассивным.

Для Помпиду основным было создание европейского валютного и экономического союза. Особенностью его политики была оригинальная позиция на Ближнем Востоке. Его схема предполагала существование бдительной, но дружественной России, нейтральной или благожелательной Америки и неизменного третьего мира.

Новое определение, которое дал политике Франции Жиска д'Эстен, выглядит следующим образом: это еще раз европейский союз, это также „глобализм”, серия двусторонних соглашений со странами — поставщиками сырья и энергии и роль Франции как посредника между промышленно развитыми странами и третьим миром. Это предполагает Россию, идущую на уступки, США, не претендующие на гегемонию, и отныне активный и нуждающийся в союзниках третий мир”²⁹.

Перемещение „европейского строительства” в шкалу внешнеполитических приоритетов на первое место отражало в целом преобладание доктринальных внешнеполитических установок Пятой республики. Оно рассматривалось президентом как своего рода средство создания „силового полюса” в „многополярном” мире. Такую позицию отстаивал и де Голль. „Мировое равновесие, — говорил Жиска д'Эстен, — могло бы лучше поддерживаться независимой Европой, располагающей собственными структурами и типами общества, но которая была бы способна в то же время в трудных обстоятельствах выступать в качестве независимого фактора примирения и равновесия в таких районах, как Юго-Восточная Азия, Ближний Восток или Африка...”³⁰. Вместе с тем сама концепция „европейского строительства” Жиска д'Эстена имела ряд оттенков, значительно отличающих ее от голлистских представлений.

Основу европейских взглядов де Голля составлял конфедеративный принцип, выраженный в лозунге „Европа отечеств”, смысл которого заключался в сохранении национального суверенитета при решении жизненно важных для страны вопросов внутри интеграционной группировки. Для общего видения „европейского строительства” новым президентом было характерно, по словам Ш. Зоргбига, „благоприятное отношение к наднациональным структурам и атлантической ориентации европейского ансамбля”³¹. Не случайно „европейские взгляды” Жиска д'Эстена подвергались критике со стороны голлистов, усматривавших в них симптомы отказа от национальной независимости, возвра-

та к концепциям, основанным на принижении „национальной идеи”, к „химере наднациональности”³².

Наибольшей критике линия Жискара д'Эстена подвергалась в связи с переменами в военной доктрине. Новая военная доктрина — „расширенной неприкосновенной территории” — была сформулирована летом 1976 года начальником Генерального штаба вооруженных сил генералом Ги Мери и уточнена самим президентом³³. На словах подтверждая голлистские принципы независимости французских средств „ядерного сдерживания”, авторы новой доктрины вместе с тем объявляли невозможным для Франции ограничиваться обеспечением безопасности только собственной территории. Поэтому и выдвигалось понятие „расширенной неприкосновенной территории”, включавшее не только саму Францию, но и Европу с ее подступами, в том числе средиземноморскими, где французские вооруженные силы должны быть готовы в любой момент вступить в действие „частично или полностью”. Более того, в доктрине прямо указывалось на возможность участия Франции совместно с другими членами Североатлантического союза в „битве на передовых рубежах”, хотя и „не в рамках союзнической стратегии”. В ней же отмечалось, что в случае военного конфликта между Западом и Востоком территория Франции неизбежно войдет в единое европейское „стратегическое пространство” и будет „с самого начала составлять часть поля боя”, что вызывает необходимость создания „единой военной системы” и строительства обороны в рамках „объединенной Европы”. Одновременно авторы доктрины отмечали, что „трудно себе представить европейскую оборону без американцев”. При этом исключалось размещение французских вооруженных сил в мирное время на границах ФРГ, ГДР и ЧССР.

В новой военной доктрине прозвучал также окончательный отказ от принципа „все или ничего” в пользу поэтапного осуществления стратегии французского „сдерживания”. Ее важными компонентами наряду со стратегическими силами объявлялись тактическое ядерное оружие и мощные обычные силы. Тем самым совершался отход от голлистского принципа, согласно которому укрепление обычных сил подрывало „ядерное сдерживание”. Изменился и взгляд на тактическое ядерное оружие, которое теперь прямо характеризовалось не только как средство „сдерживания”, но и как оружие поля боя.

Наконец, „ядерное сдерживание” дополнялось стратегией боевых действий. Как указал президент, „организация обороны должна быть задумана так, чтобы дать бой главным образом сухопутными силами, а также предусмотреть применение других видов вооруженных сил”³⁴.

Новые элементы стратегии „сдерживания”, представляющие, по оценке американского исследователя Д. Йоста, откровенную попытку поворота военной политики Франции в направлении сотрудничества с ее союзниками по Североатлантическому блоку³⁵, вызвали острую дискуссию как во Франции, так и за рубежом. Многие участники дискуссии указывали на разрыв с основными стратегическими принципами голлизма, что создавало риск втягивания страны в конфликт, который может быть развязан блоком НАТО помимо ее воли³⁶.

Во второй половине 70-х годов важное значение внешнеполитическая доктрина Пятой республики отводила отношениям с „третьим миром”. Рассматривая их через призму „мондиалистского” подхода, французский президент видел задачу Франции в содействии решению глобальных проблем, в первую очередь энергетических и сырьевых, возникших между западным миром и группой освободившихся стран. На это была направлена выдвинутая им идея нового международного экономического порядка, предполагавшая установление нового равновесия в торговом обмене, экономическую активность в валютных отношениях и доходах промышленно развитых и развивающихся стран на основе консенсуса между всеми участниками „строительства” нового международного экономического порядка³⁷.

Важным внешнеполитическим приоритетом французское руководство считало также курс на разрядку в отношениях с СССР и социалистическим содружеством. В то же время в официальных высказываниях о разрядке появился ряд заметных оттенков. Во-первых, довольно отчетливо стала звучать нереальная мысль о необходимости распространения разрядки на идеологическую борьбу, хотя она и уравнивалась оговорками о необходимости строгого соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела других стран и недопустимости перерастания идеологической борьбы в психологическую войну. Во-вторых, был выдвинут тезис о „неделимости”, „глобальности” разрядки, подразумевающий попытки вынудить СССР и другие социалистические страны отказаться от интернационалистской поддержки народов, ведущих борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Такое толкование разрядки не было случайным. Оно проистекало из убежденности президента в том, что разрядка — единственный путь, способный привести к „мирной эволюции” коммунистических режимов³⁸. Недаром сам В. Жискард д’Эстен написал предисловие к французскому переводу книги видного американского исследователя С. Пизара „Существование и торговля”, рассматривавшего торгово-экономические отношения между Востоком и Западом как путь к конвергенции двух систем.

Наконец, говоря о разрядке, французское руководство стало все чаще выдвигать тезис о „равновесии сил” как ее основе и условии, фактически же стремясь оправдать наращивание военной мощи Франции, якобы не противоречащей разрядке и не порождающей напряженности на мировой арене.

После избрания в мае 1981 года президентом Франции лидера французских социалистов Ф. Миттерана обозначился новый этап в эволюции внешнеполитической доктрины Пятой республики³⁹. Как уже указывалось, за десять лет, прошедших со времени создания ФСП в 1971 году до ее победы на выборах 1981 года, социалисты провели интенсивную и масштабную работу по уточнению своей внешнеполитической программы. Она представляла набор традиционных для французских социалистов атлантистских и европеистских установок в сочетании с идеями, заимствованными из теоретического арсенала голлистов.

Провозглашая себя поборниками национальной независимости Франции и признавая вклад де Голля в дело ее сохранения, социалисты выступали против „гегемонии сверхдержав” и системы блоков, за „многополюсный” мир, новую, „демократическую” систему международных отношений. В документах ФСП не было недостатка в декларациях в пользу коллективной безопасности и разоружения как в мировом, так и европейском масштабах. Партия придерживалась линии на ослабление международной напряженности, углубление разрядки в духе Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Она разделяла характерный для голлистов подход к СССР и социалистическим странам, хотя и вносила в него свои идеологические оценки реального социализма, по словам социалистов, не во всем „демократического”. ФСП активно выступала за солидарность с национально-освободительными движениями, осуждая расистские режимы в Южной Африке, военную диктатуру в Сальвадоре, режим Пиночета в Чили, ратуя за новый экономический порядок и всестороннюю помощь Франции развивающимся странам.

Установки ФСП были разработаны в 70-е годы. В то же время целый ряд осложнений, которыми характеризовалась внутренняя ситуация в стране и международная обстановка с начала 80-х годов, когда этим установкам предстояло реализовываться на практике, поставили социалистов перед необходимостью внесения срочных и серьезных коррективов в первоначально намеченный внешнеполитический курс, его „приспособления к реальностям”. Этот процесс был ускорен в первую очередь обострением социально-экономической ситуации в стране, показавшей большую зависимость Франции от общего состояния капиталистической

системы хозяйствования. „Не может быть эффективной внешней политики без здоровой экономики, уравнивленного торгового обмена и прочной денежной единицы“⁴⁰, — писал обозреватель „Монд“ М. Деларю.

Немаловажное значение сыграла резко враждебная реакция французских правых сил, а также консерваторов и ультраконсерваторов в ряде стран на приход к власти во Франции левого правительства и начатые им социально-экономические преобразования. Претворению в жизнь внешнеполитических планов социалистов мешало нагнетание международной напряженности и наращивание военных приготовлений рейгановской администрации США, усилившееся с ее стороны давление на западноевропейских союзников, с тем чтобы „пристегнуть“ их к курсу на конфронтацию с СССР и другими социалистическими странами.

В контексте этой сложной международной обстановки немаловажное значение приобрело также и восприятие новым руководством страны ряда общественно-политических тенденций в Западной Европе, в частности в ФРГ. Развернувшееся здесь беспрецедентное антивоенное движение под пацифистскими, антиядерными лозунгами было воспринято в правящих кругах Пятой республики как угроза выпадения Западной Германии из военнополитической системы Запада и, соответственно, изменения существующего европейского баланса сил с негативными для безопасности Франции последствиями.

Совокупность этих причин привела в конечном счете к существенному разрыву между концепциями ФСП в области внешней политики и официальными установками социалистического руководства Пятой республики, в результате чего, выражаясь словами ряда французских наблюдателей, „государственный реализм“ во внешнеполитической доктрине возобладал над „партийным идеализмом“. При этом сама доктрина приобрела двойственный и противоречивый характер.

С одной стороны, в ней нашли подтверждение ключевые принципы голлистской внешней политики, прежде всего принцип защиты „национальной независимости“. Неизменными остались установки на отказ от реинтеграции страны в НАТО, на самостоятельность Франции в вопросах военной, особенно ядерной, политики, усиленные акцентами на такие стратегические тезисы голлизма, как „сдерживание“, „отказ от ведения войны“, „три круга оборонной политики“ и т. п. Сохранилась в доктрине и присущая голлизму ориентация на образование западноевропейского „центра силы“ при ведущей роли Франции.

С другой стороны, в ней появился ряд новых моментов, связанных, по словам американского исследователя А. де Порта, с

преемственностью со взглядами не голлистского, а правоцентристского руководства В. Жискара д'Эстена, причем „в тех областях, где сам Жискара в большей степени отличался от де Голля”. Даже в тех же областях, где нынешний президент наиболее заметно отличался от своего предшественника, произведенные им политические изменения привели к дальнейшему отходу от голлизма⁴¹, — заключает де Порт.

Наиболее ярко об этих изменениях свидетельствовал, в частности, выдвинутый социалистическими руководителями Пятой республики тезис о несовместимости, взаимодополняемости принципа национальной независимости и установки на решительную солидарность Франции с Североатлантическим союзом. „Независимость без всяких условий и солидарность с нашими союзниками дополняют друг друга”⁴², — подчеркивал в бытность премьер-министром Франции Л. Фабиус. Подобная ориентация получила своеобразное закрепление в подписанном французскими руководителями на Вильямсбергской встрече „семерки” в мае 1983 года военно-политическом заявлении, где говорилось, что безопасность Запада „неделима” и должна рассматриваться с „глобальных” позиций. Демонстративно подчеркивая принадлежность Франции к Североатлантическому договору, Миттеран, в частности, говорил, что „Франция без колебаний дополнит своим оружием сдерживания” соответствующие американские средства, ибо союз с США — это „оборонительный, военный, стратегический союз”, и „Франция скрупулезно соблюдает свои союзнические обязательства во всех аспектах”⁴³.

Еще одним подтверждением проатлантических сдвигов в официальном внешнеполитическом мышлении стал зафиксированный летом 1983 года в законе о военной программе на 1984—1988 годы фактический пересмотр формулы „национальной безопасности” Франции, в которой наряду с таким постоянным ее элементом, как независимая оборона, стала фигурировать верность Атлантическому союзу, а не разрядка международной напряженности, как это было ранее. Дух атлантизма пронизывал и „европейские” установки внешнеполитической доктрины. Нацеливая внешнюю политику Франции на перспективу создания западноевропейского политического сообщества, располагающего собственной обороной, французское руководство отказалось при этом от претворения в жизнь голлистской идеи автономной „европейской обороны” и выступило за „оборону Западной Европы”, связанную с Североатлантическим союзом⁴⁴.

Более определенно зазвучала и французская стратегическая доктрина. Ее центральной установкой было объявлено „глобальное сдерживание”. В соответствии с этим стратегия „сдержива-

ния", основанная на ядерных силах, дополнилась стратегией „быстрых действий", предполагающей использование специально созданных обычных сил. Они предназначались для раннего развертывания на Европейском континенте за пределами национальных границ, чтобы, как было разъяснено на официальном уровне, продемонстрировать еще большую солидарность Франции с союзниками и обеспечить возможность ее достаточно широкого участия в действиях НАТО „при первых же признаках кризиса или конфликта в Европе"⁴⁵. Начальник Генерального штаба вооруженных сил Ж. Лаказ прямо указывал, что „жизненные интересы" Франции „не могут" сводиться к национальной территории, не затрагивая проблем безопасности ее европейских союзников"⁴⁶.

Эти существенные сдвиги во французской военной доктрине зафиксировало, в частности, франко-западногерманское заявление от 28 февраля 1986 г., согласно которому президент Франции выразил готовность консультироваться с канцлером ФРГ о возможном применении французского тактического ядерного оружия на территории ФРГ. И хотя в заявлении не предусматривалось автоматическое распространение французской ядерной гарантии на ФРГ, тем не менее, как писал в газете „Монд" известный французский военный эксперт Ф. Эйсбург, произошло серьезное изменение во французской военной доктрине, которая ранее предусматривала главным образом защиту национальной территории, а ныне наметила расширение перспектив и масштабов „жизненных интересов" Франции и вывела их за ее границы, придала им континентальный характер⁴⁷.

Новую смысловую нагрузку приобрела во внешнеполитической доктрине ее традиционная установка на „равновесие сил". Если ранее она означала превалирующую озабоченность французской дипломатии „гегемонией двух сверхдержав" и нацеливала ее на ослабление „двухполюсной системы", превращение Франции в посредника между двумя блоками, то теперь французское социалистическое руководство Пятой республики стало трактовать эту установку в более узком, сугубо военно-стратегическом смысле. Сделав на этой основе вывод о „советском военном превосходстве" в Европе, официальный Париж направил свой внешнеполитический курс как на наращивание французской военной мощи, так и на подстегивание гонки вооружений странами НАТО, заблокировавшей ход переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе.

Искаженный, но вполне согласующийся с натовской логикой вывод о советском превосходстве predeterminedил во многом и подход французских руководителей к отношениям с СССР и другими социалистическими странами. Значимость этих отноше-

ний среди других внешнеполитических приоритетов Пятой республики была снижена. На первый план этого направления французской политики стали выдвигаться тезисы о нарушении прав человека в СССР, о необходимости преодоления „последствий Ялты”, заключающегося в том, чтобы социалистическим странам Восточной Европы были предоставлены „свободы демократического развития”. Более того, в официальном документе — внешнеполитической преамбуле Закона о военной программе на 1984—1988 годы СССР и другие страны Организации Варшавского Договора были прямо объявлены главными военными противниками Франции.

В ранг одного из важнейших внешнеполитических приоритетов французское руководство возвело так называемый тьермондизм — отношения с развивающимися странами. Стремясь взять на себя ответственность за налаживание масштабного, многостороннего сотрудничества промышленно развитых и развивающихся стран, обеспечить Франции место привилегированного посредника между ними, официальный Париж провозгласил солидарность с национально-освободительными движениями.

Однако проведение внешнеполитического курса в духе новых установок не обеспечило французской дипломатии решения вставших перед ней проблем. Наоборот, слишком тесное сопряжение французской внешней политики с американской сузило маневренные возможности страны на мировой арене. Умело играя на непоследовательности ее позиций, США „похоронили” проекты французской дипломатии о перестройке экономических отношений между Севером и Югом, заблокировав попытки Парижа играть в клубе ведущих империалистических держав роль выразителя и защитника чаяний развивающихся государств. Свертывание сотрудничества с СССР, по справедливым замечаниям внешнеполитических наблюдателей, нанесло ущерб статусу Франции как великой державы. Более того, курс на подыгрывание Вашингтону оказался чреватым угрозой французским внешнеполитическим интересам. Красноречивым свидетельством тому стала, в частности, американская „стратегическая оборонная инициатива” (СОИ), которая вызвала в Париже опасения возможной девальвации французской политики „сдерживания” и усиления центробежных тенденций в ЕЭС, консолидация которого была объявлена одной из основных целей внешней политики социалистов.

Все это побудило французское руководство осуществить в середине 80-х годов определенную корректировку его внешнеполитических установок. В выступлениях официальных лиц усилились высказывания в защиту ориентаций в области внешней политики, определенных де Голлем, — ее независимого характера,

автономии французской стратегии „ядерного сдерживания”, укрепления самостоятельности Западной Европы в политической, экономической, технологической и военной областях. Определенное повышение в шкале внешнеполитических приоритетов получила значимость франко-советского диалога. „Наши интересы сближают нас гораздо чаще, чем можно было предположить”⁴⁸, — говорится об отношениях Франции с СССР в книге Ф. Миттерана „Размышления о внешней политике Франции”, опубликованной в начале 1986 года.

Однако, несмотря на внесенные поправки во французской внешнеполитической доктрине, по-прежнему наряду с голлистскими принципами остались противоречащие им атлантистские и европейские установки, ущемляющие независимость французской внешней политики. Двойственный характер доктрины сохраняется и после парламентских выборов 1986 года и формирования правительства правых партий. И это не случайно. Как уже указывалось, взгляды правых партий эволюционировали в 80-е годы в том же „атлантистском духе”, которому в сфере внешней политики активно способствовало социалистическое руководство Пятой республики за годы пребывания у власти⁴⁹.

Более того, по мнению многих французских и зарубежных внешнеполитических наблюдателей, создается впечатление, что приверженность официального Парижа внешнеполитической философии де Голля носит характер риторики, за которой все явственнее проступают намерения окончательно пересмотреть сформулированные им принципы французской внешней политики⁵⁰. В этом плане весьма симптоматичным является заявление премьер-министра Жака Ширака в Ассоциации дипломатической прессы от 22 мая 1986 г. о том, что „Франция не обязана постоянно следовать каким-то специфическим политическим курсом”⁵¹.

Одним из существенных факторов отмеченных тенденций в официальном внешнеполитическом мышлении являются изменения идейно-теоретического климата в стране в вопросах внешней политики, признаки которых наметились во второй половине 70-х годов. Их выражением стали активные выступления значительной части французских теоретиков за ревизию голлистского внешнеполитического курса, выдвинувших консервативные концепции внешней политики, которые были отмечены печатью космополитического мышления и антисоветизма. Многие из этих концепций ныне нашли отражение в официальных внешнеполитических установках, что, в свою очередь, создало условия для дальнейшего наступления этой группы теоретиков⁵².

Однако это наступление, как и на начальном его этапе в 70-е годы, идет не без борьбы, свидетельством чего являются острые

идейно-теоретические дискуссии в стране по ключевым вопросам ее внешней политики. Анализ выдвинутых в ходе этих дискуссий концепций позволяет полнее выявить основные тенденции в подходах французской внешнеполитической мысли к проблемам ориентации политики Франции в окружающем ее современном мире.

2. ПОВОРОТ В СТОРОНУ АНТИСОВЕТИЗМА

Начиная с конца 70-х годов наибольшую остроту в кругах французских теоретиков приобрела дискуссия по вопросу о развитии отношений с Советским Союзом. Выявившая резкое возрастание антисоветских настроений, она была воспринята на первых порах многими внешнеполитическими наблюдателями как переходящая, вызванная сугубо конъюнктурными потребностями внутриполитической борьбы в преддверии президентских выборов 1981 года. Однако, как показало дальнейшее развитие дискуссии, она имела более долговременный и глубокий характер и не только привела к серьезным сдвигам в оценках французской внешнеполитической мыслью места и роли франко-советских отношений, но и наложила заметный отпечаток на представления теоретиков о характере и перспективах французской внешней политики в целом.

Курс на „разрядку, согласие и сотрудничество” с социализмом, взятый Францией в середине 60-х годов и особенно интенсивно и плодотворно развивавшийся в 70-е годы, в основном не вызывал сопротивления со стороны внешнеполитических теоретиков. И это закономерно, ибо он соответствовал деголлевской политике, направленной на обретение Францией „величия” и „независимости” в мире, которая получила широкую поддержку в стране. Буржуазные круги рассчитывали посредством развития отношений с СССР и другими социалистическими странами решить ряд задач, отвечающих национальным интересам: высвободиться из атлантической зависимости, укрепить свои экономические и политические позиции в Европе.

Французских внешнеполитических теоретиков устраивало в политике де Голля в отношении СССР также и то, что она содержала „некоторую долю иллюзий” насчет „конвергенции” двух социальных систем и „деидеологизации” международных отношений⁵³. Эти иллюзии вытекали из доминирующего в мировоззрении де Голля убеждения в высшей ценности национального элемента во внешней политике по сравнению с идеологическими факторами. Необходимым условием для объединения Европы от „Атлантики до Урала” он считал осуществление социальных и политических изменений в природе социалистических и капиталистических стран.

Антикоммунистически, антисоветски настроенные теоретики видели во взглядах де Голля надежду на то, что нормализация отношений с СССР и другими социалистическими странами станет средством идеологического проникновения в мир социализма, в результате которого можно было бы воздействовать на внешнюю политику как Советского Союза, так и его союзников, в частности касающуюся помощи национально-освободительному движению. Поэтому в вопросе разрядки они заняли „благожелательные” позиции и тем самым расширили круг ее сторонников во Франции.

Но не все французские теоретики одинаково принимали точку зрения о возможности постепенной трансформации социалистического общества и его внешней политики от „коммунистического идеологизма” и „глобальной революционности” к „частичной либерализации” и „внешнеполитическому прагматизму”. Так, например, Р. Арон, будучи адептом теории „конца идеологии” и полагая, что разные идеологии играют ведущую роль в сохранении различий и противоборства систем, отклонял концепцию „конвергенции” как мало реальную или во всяком случае рассматривал ее как относящуюся к далекой перспективе. Но большая часть теоретиков взяла на вооружение эти тенденциозные схемы, что ощутимо отразилось на их концепциях разрядки. Примером этого явились, в частности, разработанные парижским Центром по изучению внешней политики „Модели европейской безопасности”. В них прокламировалась необходимость политики „разрядки, согласия и сотрудничества”, но намечались различные пути и варианты осуществления подобной политики в далеком от реализма духе. Так, в этих материалах выдвигались идеи развития общеевропейского сотрудничества и расширения торговых и научно-технических обменов, создания безатомных зон и зон ограничения „гонки вооружений” в центре Европы, признания границ по Одере и Нейсе, ликвидации раскола Европы на два противостоящих военных блока. Однако все это обуславливалось такими положениями, которые делали „модели” в целом неприемлемыми.

Авторы разработок „послевоенной Европы” призывали страны Восточной Европы „преодолеть” статус-кво и создать в Центральной Европе новую политическую систему, иначе говоря — пересмотреть политические и социальные итоги второй мировой войны. В ряду предложенных мер был выдвинут проект создания германской конфедерации из двух немецких государств и более широкого объединения в виде центральноевропейского союза, в который входила бы эта конфедерация. В состав такого союза наряду с „нейтрализованной” германской конфедерацией по замыслу французских авторов должны были войти страны Бени-

люкса и „нейтрализованные” Польша, Чехословакия и, возможно, Венгрия, которым „следовало отказаться от союзов с СССР и другими социалистическими странами”. Авторы „моделей” возвращались к старым империалистическим планам, неосуществимость которых давно была подтверждена жизнью.

„Модели европейской безопасности” призывали, таким образом, к стиранию граней между двумя социальными системами. И, разумеется, не на базе социализма, а на базе „деидеологизации”, „социального синтеза”, „конвергенции” и „сообщности цивилизации”, то есть в действительности — на базе реформированного и модернизированного капитализма⁵⁴.

Разумеется, подобные призывы и надежды были абсолютно нереальны. Ведь ни Советский Союз, ни социалистические страны Восточной Европы отнюдь не собирались двигаться по пути, подобному указанным концепциям. Поэтому связь выработанных французскими теоретиками концепций разрядки с идеями „деидеологизации” и „конвергенции” была чревата опасностями обернуться для их сторонников разочарованием в разрядке, вызвать вспышку в их рядах антисоветских настроений. Как писал французский политолог Ж. Лалуа, „судьба антикоммунизма”, „затаившегося” в этих концепциях, оказывалась в зависимости от развития событий, эволюции отношений Восток — Запад⁵⁵.

В этом плане весьма симптоматичными явились первые признаки разочарования в разрядке в среде французских теоретиков, проявившиеся в 1968 году после провала происков контрреволюции в Чехословакии. Еще ощутимее эти разочарования дали себя знать в ходе подготовки и проведения общеевропейского совещания в Хельсинки. По мере того как попытки „подтолкнуть” СССР и социалистические страны в направлении „либерализации”, ослабления социалистической идеологии становились все более бесплодными и безнадежными, в рядах сторонников „конвергенции” и „деидеологизации” усиливались антисоветские настроения. Это нашло отражение в выдвижении ими концепций, приписывающих Советскому Союзу „гегемонистские устремления в Европе”, якобы преследование им цели „финляндизации” Западной Европы и т. п. «Могущество СССР само по себе содержит угрозу для его соседей, является объективным катализатором „финляндизации”»⁵⁶, — писал П. Асснер.

Ряд теоретиков, еще недавно ратовавших за „деидеологизацию” международных отношений, стали выступать за их „реидеологизацию”. Так, Ж.-Ф. Ревель, утверждая, что „либеральные общества обречены на гибель, если откажутся от демократии-мессианства”, рекомендовал им „ввести в бой имеющееся в их распоряжении идеологическое оружие”⁵⁷.

С наибольшей силой антисоветские, а с ними и антиразрядочные настроения в среде французских теоретиков обнаружились в конце 70-х годов. Дело в том, что к тому времени выявилась полная несостоятельность надежд ряда французских идеологов на некую „неделимость разрядки“, ее „глобальность“, под которыми подразумевался гипотетический отказ СССР от международной поддержки народов, ведущих борьбу за свое национальное и социальное освобождение. В 70-е годы национально-освободительные движения переживали бурный подъем, и их участники в поисках новых путей национального развития обращались к идеям социализма, к опыту СССР и стран социалистического содружества и пользовались их прямой поддержкой.

Вместе с тем стала очевидной и безнадежность планов империализма затормозить в ходе разрядки поступательный и неуклонный процесс укрепления позиций мирового социализма, изменения соотношения сил в его пользу. Негативную роль сыграла развернутая на рубеже 70—80-х годов агрессивными кругами Вашингтона пропагандистская кампания вокруг мнимого нарушения равновесия сил в пользу СССР. Против разрядки напряженности настроил французских теоретиков и небывалый рост начиная с конца 70-х годов антивоенного движения в соседних с Францией западноевропейских странах. И хотя в самой Франции, как уже говорилось, антивоенное, антиядерное движение общественности не было достаточно мощным, консервативно мыслящие теоретики увидели в нем „очень опасный прецедент“, ставящий под угрозу французскую безопасность⁵⁸. При этом особо болезненную реакцию вызывало антивоенное движение в ФРГ. Его пацифистские, антиядерные лозунги, воспринятые в кругах находящейся у власти СДПГ, были оценены французскими экспертами как результат „далеко зашедшего“ диалога с Востоком, признак антиатлантических настроений, чреватых угрозой ослабления всей военно-политической системы Запада с негативными для безопасности Франции последствиями⁵⁹.

Усилению антисоветской направленности во взглядах французских теоретиков внешней политики способствовало также разочарование в итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые не привели, как того желали буржуазные идеологи, к разложению социализма и не создали возможностей для воздействия в антисоветских целях на ход социального развития в Европе. Эти разочарования усилились после завершения Совещания в результате безуспешных кампаний вокруг „нарушений прав человека“ в СССР, провалившихся попыток увязать проблемы европейской безопасности с „афганским“ и „польским“ вопросами.

Крушение иллюзий, которые французские сторонники „конвергенции” и „деидеологизации” связывали с разрядкой, привело их на путь воинствующего антикоммунизма и антисоветизма. На рубеже 80-х годов во французской внешнеполитической мысли стали активно формироваться различные „теории”, грубо извращающие внутреннюю жизнь и внешнюю политику Советского Союза, нагнетающие резко враждебное отношение к нему общественности страны.

Однако некоторые здравомыслящие теоретики выступили с опровержением подобных измышлений, в частности по поводу „гегемонизма” советской внешней политики. Они подчеркивали, что долговременные цели политики СССР заключаются в стремлении к ослаблению военной конфронтации с Западом, к созданию на Европейском континенте обстановки, обеспечивающей безопасность СССР, и потому нет оснований его рассматривать в качестве противника западноевропейских стран.

Концентрированное выражение такая точка зрения нашла, например, в фундаментальном исследовании советской внешней политики Ф. Девиллера. Он писал: „Перед лицом враждебного мира СССР стремится приобрести средства эффективной обороны, которая оградила бы его от какой-либо агрессии, интервенции или вмешательства или которая разрушила бы такую акцию, если бы ее предприняли. В этом — роль политики обороны. Внешняя политика преследует цель создать такие условия, которые позволили бы не только избежать войны, но и завязать между СССР и окружающим его миром взаимовыгодные отношения во всех областях”⁶⁰.

Однако сторонники разрядки явно уступали по силе воздействия на общественное мнение антисоветски мыслящим теоретикам. Этому в немалой степени способствовало общее обострение идеологической борьбы в стране, вызванное укреплением левых сил, в ответ на которое реакционные круги развернули ожесточенную антисоветскую кампанию. К антикоммунизму и антисоветизму прибегли и некоторые деятели социалистической партии, попытавшиеся с их помощью расшатать идейно-политическую основу ФКП, сбить ее с классовых позиций, свести до уровня второстепенной силы.

Таким образом, на рубеже 80-х годов во французской общественно-политической жизни создалась ситуация, позволившая антисоветизму вновь обрести силу и влияние. В стране развернулась кампания клеветы против внешней и внутренней политики СССР. В выступлениях и публикациях ряда деятелей ОНР, СФД, ФСП, в работах политологов Р. Арона, П. Асснера, А. Безансона, Ж. Лалуа, Э. Каррер д’Анкосс, Ж.-Ф. Ревеля, А. Крижель, П. Вайж-

мана, М. Татю стало навязываться представление об СССР как „тоталитарном”, „антидемократическом” государстве.

Во внешнеполитическом плане Советский Союз стал изображаться как „экспансионистская” держава, проводящая политику, подчиненную целям мирового коммунистического господства. Советскому Союзу приписывались намерения подорвать капиталистическую систему изнутри, „охватить” ее через „третий мир”, с тем чтобы заставить Запад „сдаться без войны” или по меньшей мере превратить его в покорного, лишенного независимости партнера. В обоснование „советской угрозы” в ход были пущены всевозможные фальсификации советской военной стратегии, сводящиеся главным образом к утверждениям о том, что СССР „рассчитывает” на победу в ядерной войне, „стремится” к приобретению военного преимущества, „использует свои вооруженные силы в качестве козыря при проведении внешней политики как на региональном, так и на глобальном уровне”⁶¹.

Возрождая архаичные стереотипы периода „холодной войны”, французские теоретики развернули идеологическое наступление против советской политики разрядки. Она была объявлена ими не более чем тактикой, имеющей целью, во-первых, обеспечить мирное сосуществование государств, которое позволит СССР совершенствовать свою армию, укреплять позиции в Европе и во всем мире в качестве глобальной сверхдержавы и временно устранять „присущие ему” периодические трудности в экономике за счет притока капиталистической технологии и продовольствия, а во-вторых, „установить” социализм в других странах с помощью идеологических, экономических и военных средств⁶². Поэтому, резюмировали французские теоретики, разрядка выгодна только СССР, а для Запада она таит угрозу его интересам.

Рассуждая таким образом, они делали вывод о необходимости тотальной ревизии голлистских принципов развития отношений с Советским Союзом, о безусловном признании последнего как главной опасности для Франции и о переориентации ее внешнеполитического курса на новый, жесткий подход к СССР и, соответственно, на тесную координацию действий с атлантическими союзниками. „Необходимо решительное сопротивление повсюду, где СССР собирается противостоять или угрожать нашим интересам”⁶³, — говорилось в одном из внешнеполитических документов ФСП.

Для теоретического оправдания „непримиримого курса” на советском направлении французскими теоретиками была взята выдвинутая Р. Ароном еще в годы „холодной войны” формула „мир невозможен, война невероятна”, отвергающая принципиальную возможность налаживания отношений стабильного мирного

сотрудничества между государствами различных систем. „Я продолжаю считать, что до тех пор, пока Советский Союз будет мыслить так, как он мыслит, и до тех пор, пока им будут управлять люди, которые являются пленниками той же самой идеологии и тех же самых амбиций, будет происходить конфронтация между советским и западным миром; эта конфронтация не обязательно приобретет характер войны в обычном смысле слова... Будь то разрядка или „холодная война”, — это совсем не означает, что в одном случае существует опасность войны, а в другом ее нет. Разрядка напряженности и „холодная война” — это различные формы одной и той же конфронтации”⁶⁴, — утверждал Арон.

Доказывая таким образом неизбежность конфронтации между Востоком и Западом и выдавая ее чуть ли не за норму их отношений, французские теоретики стали отрабатывать основные установки провозглашенного ими жесткого подхода к СССР и другим социалистическим странам. Прежде всего они объявили резкое наращивание Францией военных усилий, причем не только в рамках собственной „независимой политики обороны”, но и при тесном взаимодействии с союзниками по Североатлантическому договору. Лидер ОНР Ж. Ширак утверждал в одной из своих книг, будто военные усилия европейцев по укреплению собственной обороны явятся „одним из факторов установления благотворных отношений с СССР”⁶⁵.

Важную роль в качестве противодействия СССР французские теоретики предлагали отводить укреплению военно-политических отношений Франции с западноевропейскими соседями. „Европа, — писал П. Леллуш, — должна быть способной обозначить перед СССР линию, за пределы которой он не мог бы пускаться в безнаказанные авантюры. До сих пор европейцы слишком много внимания уделяли своей независимости от американского союзника. Теперь они обязаны подумать о своей независимости и по отношению к СССР, что представляется более трудным”⁶⁶.

Другим методом реализации жесткого курса по отношению к СССР французские теоретики предлагали избрать различные средства экономического характера, изменив их качественное содержание. Если ранее развитие торговых связей предполагало „долговременную трансформацию” советской системы, то теперь признавалась полная несостоятельность подобных расчетов. „Вопреки предсказаниям конвергенционалистов, развитие торгового и экономического сотрудничества между Востоком и Западом не привело к ожидаемым результатам”⁶⁷, — писал П. Вайжман. Р. Арон отмечал: „Мысль о том, что мы обеспечим коренное изменение Советского Союза и других стран Восточной Европы, поддерживая торговые отношения или расширяя их, — нет, нет, нет —

это совершенно несерьезная мысль. Миллиарды долларов, которые западные страны предоставили в виде займов Польше, оказались недостаточными для изменения экономического строя”⁶⁸. Более того, как было заявлено некоторыми консервативными теоретиками, экономическое сотрудничество Франции с СССР якобы позволяет ему, наоборот, обеспечивать свою политику „сверхоружия”, так как приобщает его к передовой технологии, которую он, дескать, не может создать сам.

В деловых отношениях с СССР рекомендовалось шире использовать санкции, эмбарго, бойкоты, ограничения и т. п. „Ничто не является нейтральным в этой области — ни зерно, ни кредиты, ни техника”⁶⁹, — писал один из адептов такого подхода Ж.-Ф. Денно. Экономическое оружие, по его мнению, гораздо более эффективно, чем даже собственно военная сила: нужно лишь научиться им пользоваться. Он предложил использовать его дозированно, гибко, в зависимости от конкретной ситуации в той или иной социалистической стране, а также от потребностей и возможностей западных государств и при строгой согласованности их действий.

Рекомендуя осуществлять экономические связи с миром социализма „без иллюзий” насчет „конвергенции”, теоретики — приверженцы жесткого курса отнюдь не отказывались от намерения повлиять на внутреннюю и внешнюю политику СССР, внести разлад в социалистическое содружество. Для этого они предлагали проводить дифференцированную политику в отношении каждой из социалистических стран. Однако если в 60–70-х годах подобные концепции являлись, по словам М. Татю, „всего лишь теорией”, облекались в форму различных гипотетических проектов „нового качества восточноевропейских связей” и рассматривались как побочные цели франко-советских отношений⁷⁰, то в 80-х годах они обрели характер агрессивных, ультимативных установок в отношении СССР, от выполнения которых зависело нормальное развитие связей Франции и СССР.

Наиболее четко намерения разобщить социалистические страны Восточной Европы и СССР, а затем втянуть их в капиталистическую систему обозначились в концепции „преодоления трагического наследия Ялты”. Отойдя от прежнего пропагандистского шаблона, по которому все несчастья Европы заключаются в ее расколе мировыми державами и военно-политической зависимости от них, авторы этой концепции стали толковать „наследие Ялты” преимущественно как прецедент, которым СССР воспользовался для навязывания ряду государств Восточной Европы развития по пути социализма. Соответственно, под „преодолением наследия Ялты” стало пониматься устранение „советского” присутствия в Европе, с тем чтобы народы восточноевропейских социалистических стран

смогли „свободно выбрать свое будущее” и „занять свое место на континенте между Западной Европой и СССР”⁷¹.

С достаточной степенью откровенности концепция „выхода из Ялты” излагалась во внешнеполитическом документе Французской социалистической партии под названием „Европейская безопасность”. Рассуждая о необходимости возрождения былого влияния Европы и путях решения сложных и спорных проблем ее международного развития, авторы документа „договаривались” до обвинения Советского Союза в создании напряженности на континенте, источником которой они усматривали советскую политику „мировой экспансии”, являющейся, по их словам, продолжением „имперской мечты царизма” и „проводимую”, ни много ни мало, со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Внешнеполитические теоретики ФСП решительно требовали изменений в Европе „без риска конфликта”, подразумевая под этим поддержку подрывной деятельности различных антисоциалистических сил в ряде стран социалистического содружества⁷². Таким образом, в документе предпринималась прямая попытка осуществить ревизию общественно-политической структуры Европы, направленная на разобщение европейских народов, на создание напряженности в их отношениях, а вовсе не на мир и безопасность на континенте, как утверждали его авторы. Фальшь занятой ими позиции была тем более очевидна, что, ратуя за коллективную безопасность в Европе, на страницах того же документа теоретики ФСП призывали ко всемерному укреплению военно-блоковых образований, в частности Западноевропейского союза, наращиванию военной мощи западноевропейских членов НАТО и т. п.

Сторонникам „жесткого курса” в отношении СССР удалось внедрить антисоветские схемы в практическую внешнюю политику. Следствием этого стало заметное замедление темпов и снижение уровня франко-советского сотрудничества, сокращение внешнеполитического взаимодействия двух стран в первой половине 80-х годов⁷³.

Это вызывает растущее осуждение со стороны трезво мыслящих представителей французской внешнеполитической мысли, которые выступают за более осторожный, умеренный подход к СССР. Причем в оппозицию антисоветскому внешнеполитическому курсу перешли некоторые из теоретиков, поначалу придерживавшихся жесткого подхода.

Признавая объективную необходимость развития конструктивных отношений с Советским Союзом, они считают иллюзорными попытки заставить СССР изменить его социально-политическую природу. Разрядка, по мнению Р. Дебрэ, не привела и не приведет к превращению СССР в подобие „западных демократий”; но если

подобная трансформация и не реальна, это еще не значит, что надо отказываться от диалога⁷⁴. „Немыслимо, — пишет Т. де Монбриаль, — чтобы Франция не имела нормальных отношений с СССР”⁷⁵.

Франко-советские отношения, как считают эти теоретики, диктуются географическими и историческими обстоятельствами, из которых вытекает целый ряд императивов, причем важнейшим из них является „императив безопасности”, требующий постоянного и прямого контакта двух держав, находящихся на одном континенте и обладающих ядерным оружием.

Примечательно, что некоторые из теоретиков, высказывающихся за широкий диалог с СССР, не склонны соглашаться с тезисом о „советской военной угрозе”. Так, по словам Р. Барра, Советский Союз, будучи сосредоточенным на решении своих внутренних проблем, не склонен бросаться во внешнеполитические авантюры⁷⁶. Более того, трезво оценивая реалии современной стратегической ситуации в Европе, эти теоретики считают необходимым поместить в центр отношений Запад — Восток наряду с „императивом безопасности” также „императив сосуществования”, означающий постоянный диалог между ними по широкому кругу проблем мировой политики, который вовсе не должен исключать „соревнование” государств двух систем в различных областях, но все же при соблюдении определенного „кодекса правил” поведения и взаимности.

Характерным в позиции сторонников развития франко-советских отношений является их стремление к большей координации действий Франции с ее западноевропейскими союзниками в ведении диалога Запад — Восток, в котором они должны говорить единым голосом, утверждать „европейское начало” в подходе к отношениям с государствами другой социальной системы. Франция, пишет Т. де Монбриаль, должна поддерживать постоянные контакты с Москвой, но согласуя свои действия с ФРГ и другими странами Сообщества, а не в рамках глобальной западной стратегии, диктуемой из-за океана. У США, по его мнению, имеется своеобразная динамика отношений с СССР, порожденная ритмами президентской избирательной кампании, и будет наивным полагать, что западноевропейцы смогут избежать ошибок своего великого союзника путем консультаций с ним. „Отношения с Москвой не должны подчиняться рискам американо-советских отношений”⁷⁷. В таком же духе высказывается и Р. Дебрэ. По его мнению, восточная политика Франции должна теснее координироваться с курсом западноевропейских государств на советском направлении, а связи Западной Европы и СССР должны быть выведены за пределы схемы, внутри которой они тесно и однозначно зависели бы от состояния советско-американских отношений⁷⁸.

По убеждению указанных теоретиков, отношения Западной Европы и СССР также должны исключать и всевозможные искусственные увязки различных областей взаимодействия государств двух противоположных систем. Например, проблемы контроля над вооружением не должны зависеть от проблем экономического сотрудничества, так как это может лишь завести их в тупик.

В то же время сторонники умеренного подхода к развитию франко-советских отношений в целом не выходят за рамки классовой по своему характеру политики и не свободны от антикоммунизма. Поэтому им присуща двойственность и противоречивость. Они считают возможным, хотя и осторожно, добиваться от Советского Союза сдержанности в отношении национально-освободительных движений; они также не склонны расставаться с надеждами на то, что в советской внутренней и внешней политике „эволюционным путем” все же могут произойти определенные изменения, а к отношениям со странами социалистического содружества призывают подходить дифференцированно. „Восточная политика” западноевропейских государств, пишет французский политолог Ф. Горан, „должна сочетать отношения государств и отношения обществ, чтобы удержать народы „другой” Европы в европейской культуре”⁷⁹.

Однако даже такие умеренные концепции встречают резкое противодействие антисоветски настроенных теоретиков, взгляды которых представляют преобладающую тенденцию в подходе современной французской внешнеполитической мысли к франко-советским отношениям⁸⁰. Об этом свидетельствует характер идейно-теоретических дискуссий, развернувшихся по поводу происходящего в СССР ускорения социально-экономического развития советского общества, глубоких демократических преобразований, гласности, смелых новаторских инициатив советской дипломатии на международной арене. Правые консервативные теоретики воспринимают события в Советской стране как серьезный удар. Поэтому они призывают „не поддаваться соблазну делать поспешные выводы насчет изменений в СССР”, сохранять „двойную бдительность”, проявлять „осторожность”⁸¹. Ими выдвигаются „аргументы”, принижающие значение мероприятий, осуществляемых в СССР, извращающие их сущность. Перестройка и демократизация изображаются как процесс, „не внушающий доверия”. Общественному мнению Запада вновь упорно навязывается образ СССР как неизменно „тоталитарного” государства, „врага Франции”, а ее внешней политике предлагаются варианты курса, нацеленного на „сдерживание” Советского Союза, ослабление его изнутри⁸².

Одним из таких вариантов является, в частности, пресловутая концепция „увязки”, предполагающая некую плату Советского Союза Западу за готовность последнего идти на компромиссы на переговорах по разоружению. „Экономические обмены и передача технологии на Восток должны по меньшей мере быть уравновешены уступками Востока в политической области, — пишет П. Лелуш. — Западным руководителям надо в конце концов сделать выбор между эксплуатацией внутренних противоречий советской системы и сохранением советских возможностей эксплуатировать наши слабости”⁸³. При этом вновь особо подчеркивается, что проведение стратегии ослабления социализма предполагает решительный разрыв французской внешней политики с голлистской установкой на „равноудаленность” Франции от США и СССР и ставку на безусловную солидарность с Западом, в первую очередь в наращивании военной мощи, являющейся главным и единственным средством „сдерживания Советского Союза”.

Таким образом, в среде идеологов и теоретиков французской внешней политики сторонники враждебного отношения к СССР сохраняют достаточно сильные позиции. Пропагандируемый ими антисоветизм продолжает оставаться фактором, ощутимо воздействующим на процессы, происходящие во внешнеполитической мысли современной Франции. Однако попытки проведения построенного на его основе политического курса не раз были дискредитированы историей. Ее уроки, а также веление времени, традиции дружбы двух народов и их нынешние интересы требуют позитивного, ровного и конструктивного развития франко-советских отношений.

3. ЕВРОАТЛАНТИСТСКИЙ СИНТЕЗ

Со второй половины 70-х годов в концепциях французских теоретиков наряду с поворотом в сторону антисоветизма отмечается и еще одна тенденция: большое внимание стало уделяться укреплению западной солидарности. По-иному стали рассматриваться такие проблемы французской внешней политики, как „европейское строительство”, отношения с НАТО, Соединенными Штатами Америки.

Еще в середине 60-х годов, когда проходили дискуссии по перестройке политики Пятой республики на голлистских началах, во французской внешнеполитической мысли наметилось несколько подходов к вопросам регулирования взаимоотношений Франции с США и Западной Европой. Сторонники одного из них — „европеисты-националисты”, будучи приверженными официальной голлистской линии, отстаивали концепцию „Европы государств”, или

„Европы отечеств”, предусматривающую создание независимой от США „западноевропейской конфедерации”, то есть союза, основанного на принципе межгосударственного сотрудничества. Они выражали крайне отрицательное отношение к любым наднациональным проектам и, кроме того, проявляли нескрываемую враждебность к США, их попыткам вмешиваться в дела Западной Европы и диктовать ей свою волю.

Представители второго подхода — „европеисты-наднационалисты”, наоборот, считали национализм отдельных западных европейских стран исторически отжившей тенденцией и поэтому проповедовали концепцию создания в Западной Европе федеративной структуры, в пользу которой французское правительство и другие правительства западноевропейских государств передали бы значительную часть собственных экономических, внешнеполитических, военных и правовых прерогатив. При этом реализация подобного плана считалась возможной в атлантических рамках, образование „Соединенных Штатов Европы” рассматривалось как важный этап на пути построения более широкого общеоатлантического сообщества.

Сторонники третьего подхода — атлантисты, исходили из убежденности в фатальной слабости Западной Европы, в ее неспособности действовать самостоятельно, без тесного сотрудничества с США и потому не видели никакой альтернативы для западноевропейского империализма, кроме признания американского доминирования.

В ходе ожесточенной борьбы в середине 60-х годов между сторонниками этих подходов „европеистам-националистам” удалось оттеснить „европеистов-наднационалистов” и атлантистов, занять прочные позиции и удерживать их в течение последующего десятилетия. Этому способствовало политическое господство в те годы голлизма.

Однако в середине 70-х годов полоса бесспорной гегемонии голлистов в политической жизни Франции закончилась. На смену им пришли приверженцы концепций „наднациональной Европы” и „атлантизма” — правоцентристские силы. Лидеры новой голлистской партии ОНР произвели заметную корректировку внешнеполитических установок. Не отказавшись от прежнего курса на сохранение и укрепление национального суверенитета, неоголлисты придали ему более гибкий и прагматический характер. Это обнаружилось во внешнеполитических программах ОНР, в которых содержались противоречивые положения по вопросам „европейского строительства”. В них учитывались взгляды и ортодоксально-националистического крыла, и склонного к „наднационализму” либерального.

Подобное явление не было неожиданным. Еще в начале 70-х годов президент Ж. Помпиду призывал к компромиссу между федерацией и конфедерацией как средству ускорения западно-европейского единства. Предлагая союз национальных государств, он называл его первым шагом к наднациональности — необходимой стадией на пути к ней, но требовал, чтобы к федерации шли через конфедерацию.

В результате изменений во взглядах голлистов на вопросы „европейского строительства” в подходе французских теоретиков к ним возобладало признание допустимости принижения фактора абсолютной национальной независимости Франции, частичного ограничения национального суверенитета в пользу органов европейского сообщества. Политическое единство Западной Европы стало рассматриваться большинством из них как условие французской независимости. Известный французский политолог Р. Дебрэ назвал европеизм „современным голлизмом”⁸⁴. Сторонники такой точки зрения доказывают, что Франция и ее партнеры по Общему рынку смогут справиться с переживаемыми трудностями, избежать упадка и превращения страны в третьестепенную лишь в случае отказа от попыток чисто национального решения проблем Западной Европы, мобилизации всех сил и еще большего объединения. „В не столь отдаленное время, — писали, в частности, директор газеты „Монд” А. Фонтен и журналист П. Ли, — лишь полвека назад, когда Франция и Великобритания оспаривали между собой звание первой державы мира, у французов появилась привычка считать свою страну центром земли. Эта привычка стала для многих болезнью, ее принято называть „гексагонией” (от слова „шестиугольник”, на который по своим очертаниям похожа Франция на географической карте. — *И. Т.*). Такая привычка грозит погубить французов, если они сразу же не возьмутся за ее искоренение”⁸⁵.

Другое важное изменение во внешнеполитических взглядах голлистов связано с ослаблением антиамериканской направленности. В частности, в программе ОНР 1977 года подчеркивалось, что „стремление к независимости ни в чем не противоречит союзу и дружбе с США. Мы обязаны сохранять и то и другое”; что Североатлантический договор является „союзом свободы”; что „откровенное декларирование разногласий по обоим сторонам Атлантики не может повредить той фундаментальной истине, что в случае опасности Франция и Европа будут союзниками американского народа”⁸⁶.

В этих условиях спор между сторонниками национального европейского и атлантического подходов стал утрачивать былую остроту. Между ними наметились тенденции к сближению взгля-

дов. Этому способствовала также и происшедшая в рассматриваемый период определенная модификация концепций французских атлантистов. Вынужденные считаться с усилением роли Западной Европы в международных отношениях, они отказались от бывшего тезиса о добровольном подчинении интересов западноевропейских стран, включая Францию, внешнеполитическим установкам Вашингтона как ущемляющим их достоинство и суверенитет. Атлантизм стал идентифицироваться с „принадлежностью к Североатлантическому союзу”, с „общей системой ценностей”. „В этом смысле мы все или почти все являемся атлантистами”⁸⁷, — писал один из идеологов французского атлантизма Ф. де Роз.

В изменении установок французского атлантизма во второй половине 70-х годов заметную роль сыграло воздействие на него концепции „трехсторонности”, выдвинутой в этот период американскими неоатлантистами из так называемой трехсторонней комиссии, созданной Д. Рокфеллером. Авторы этой концепции, отстаивая идею общности судеб империалистических государств, подчеркивали, что в условиях неблагоприятной для них динамики соотношения сил в мире как никогда ранее необходимы совместные действия трех центров империализма — США, Западной Европы и Японии, чтобы укрепить его пошатнувшиеся позиции. Речь шла о более осторожном подходе США к западноевропейским партнерам, учитывающем их суверенитет и не требующем его немедленного ограничения, но в то же время в некоторых отношениях более реалистическом, исходящем частично из непосредственных нужд союзников Вашингтона, а не только из желательных и выгодных прежде всего американскому империализму схем⁸⁸.

Концепция „трехсторонности” была с заинтересованностью встречена в кругах внешнеполитических идеологов Франции, некоторые из которых приняли активное участие в работе самой „трехсторонней комиссии” (Р. Барр, М. Крозье, Т. де Монбриаль, М. Альбер, Ф. де Роз, П. Делуврие, Р. Сейду, Ж. Лезурн, А. Котта, Ж. Андреани, П. Асснер, М. Татю, Ф. Эйсбург, Ж. Соппельса, Ж. Бюро, Ж. де Риб, И. Ренуар). Симптоматичным в этом отношении явился подготовленный в начале 1981 года при участии Французского института международных отношений доклад „Безопасность Запада: итоги и ориентиры”. Его авторы, ратуя за более равноправные отношения Западной Европы с американским союзником, отстаивали идею создания некоего суперальянса из наиболее мощных империалистических держав, включая США⁸⁹.

Таким образом, к началу 80-х годов во французской внешнеполитической мысли стала отчетливо наблюдаться тенденция к ослаблению конфронтации между атлантизмом и европеизмом. Атлантизм стал рассматриваться как солидарность между США и

Западной Европой, которая не исключала самостоятельности Западной Европы. Европейизм же, напротив, — как самостоятельность Западной Европы, которая вместе с тем не исключала и солидарности с США⁹⁰.

В результате наметились благоприятные условия для синтеза европейстских и атлантистских взглядов, на основе которого во французской внешнеполитической мысли сформировался новый подход, получивший наименование „евроатлантизм”. Его характерную черту составила идея о совмещении процесса западноевропейской консолидации с укреплением связей с США.

Будучи компромиссной, сохраняющей надежды и сторонников западноевропейской самостоятельности и приверженцев межатлантического альянса, эта идея нашла отклик у значительной части теоретиков. Однако решающую роль в утверждении евроатлантизма в качестве преобладающей тенденции в подходе французской внешнеполитической мысли к вопросам регулирования отношений Франции с ее западными союзниками сыграл антисоветизм. Подогреваемый развязанной в начале 80-х годов Вашингтоном клеветнической кампанией о „советской военной угрозе”, „нарушении военного равновесия в пользу СССР”, а также кампанией запугивания западноевропейцев опасностью остаться „один на один с советской военной мощью”, антисоветизм стимулировал поиск французскими теоретиками концепций, обосновывающих переориентацию внешнеполитического курса Франции на ее солидарность с Западом. В этих условиях евроатлантизм как идеология сплочения капиталистического мира получил новое развитие. На первом плане евроатлантических концепций французских теоретиков оказались вопросы безопасности двух центров современного империализма, их военно-политического взаимодействия. Авторы этих концепций стали настойчиво проводить мысль о неразрывной связи безопасности Франции и Западной Европы, безопасность которой базируется на атлантическом союзе и американском присутствии в Европе, а также о необходимости дополнить, сбалансировать французскую политику „независимой обороны” курсом, направленным на солидарность Франции с ее атлантическими союзниками в Западной Европе и с США.

Широкое распространение во Франции идеи „евроатлантической безопасности” дало некоторым наблюдателям повод для рассуждений насчет якобы сложившегося нового национального консенсуса. Во Франции „существует национальный консенсус по вопросу о необходимости поддерживать и усиливать связи с США, но оставлять при этом возможность выбора путем обеспечения безопасности с меньшей зависимостью от американского

покровительства”⁹¹, — писал видный французский политолог Ж. Клейн.

Действительно, в первой половине 80-х годов на позициях евроатлантизма оказались три из четырех крупнейших французских политических партий. В первую очередь — Союз за французскую демократию, который всегда отличался последовательно евроатлантическими позициями. Евроатлантизм открыто и неоднократно звучал в заявлениях, резолюциях, а также специальных докладах, подготовленных руководителями и экспертами СФД. Так, в опубликованном весной 1984 года докладе „Защитить Европу” его авторы поддерживали настоятельную необходимость более широкой согласованности действий западноевропейцев и американцев: „Нужно преодолеть все, что может побудить американцев к изоляционному замыканию в себе, и сохранить увязку между обороной Европы и обороной Америки”. Настаивая на сохранении Североатлантического союза, авторы доклада предлагали в целях его укрепления создать „вторую”, то есть западноевропейскую, опору НАТО, указывая при этом, что такая перспектива „возможна лишь в том случае, если Франция точно определит и ясно изложит свое понимание солидарности с союзниками”⁹².

Неоголлистская партия ОНР выдвинула концепцию безопасности, которую, как отметил один из деятелей СФД Л. Бувар, „роднит” с концепцией СФД боязнь „отрыва от США”⁹³. В одной из своих работ ее лидер Ж. Ширак писал: „Нет безопасности США без безопасности Западной Европы, нет также безопасности Западной Европы без силы США”; все должно быть сделано для того, чтобы обеспечить и укрепить необходимую связь между стратегической системой Соединенных Штатов и обороной Западной Европы, связь, которая должна стать автоматической. Ширак предлагал, чтобы западноевропейские члены НАТО выступили с декларацией, утверждающей „жизненную заинтересованность в сохранении американских сил в Европе”. Укрепляя Североатлантический союз, им следует координировать также собственную оборону, что, однако, не означает, будто „речь идет о создании „европейской обороны”, которая послужила бы подменой Североатлантическому союзу”⁹⁴.

В аналогичном духе сформулировало свой подход к вопросам безопасности Западной Европы и руководство Французской социалистической партии. В выпущенном Исполнительным бюро ФСП в 1985 году докладе „Европейская безопасность” указывалось: „Оборона Западной Европы сегодня — это твердое осознание реального факта ее солидарности с США, но это также и поиск западноевропейцами общих перспектив в области безопасности”⁹⁵.

С позиций евроатлантизма выступила большая группа теоретиков из числа ученых, бывших дипломатов, военных, журналистов. „Трансатлантическое сообщество — Северная Америка и Западная Европа — должно остаться солидарным — такова наша посылка”, — писал Ш. Зоргбиб. Как можно себе представить Америку, „изгнанную из Европы”, остров-континент в беспокойном море, где так велики евроамериканская культурная и политическая общности и их экономическая взаимозависимость? Как можно себе представить жизнеспособность западноевропейского политического единства в случае резкого ухода США со старого континента, где бы стала господствовать другая сверхдержава?”⁹⁶.

В лагере евроатлантистов оказалось немало и тех, кто в недалеком прошлом являлся ревностным сторонником независимой политики Франции в области безопасности. Речь, в частности, идет о таких известных голлистских теоретиках, как Л. Амон, П.-М. Галлуа, лейтмотивом выступлений которых стали утверждения о бесперспективности прежних установок на обеспечение безопасности Франции путем опоры на собственные силы без сотрудничества с США и НАТО.

Однако утверждение о сложившемся в первой половине 80-х годов во Франции евроатлантическом консенсусе представляется все же спорным. Идеология евроатлантизма приобрела отнюдь не всеохватывающий характер и была воспринята далеко не всеми французскими теоретиками. Некоторые из них (Р. Барр, М. Жобер, М. Дебрэ, Л. Пуарье, Ж. Клейн, П.-М. де ля Горс, А. Сангинетти) продолжали придерживаться голлистского подхода и считают обеспечение безопасности сугубо „национальным делом”. По их мнению, Франция уже одним фактом наличия у нее собственных ядерных сил вносит вклад в безопасность Западной Европы. Что же касается укрепления военно-политической солидарности западноевропейцев, то путь к ней, заявляют, в частности, Ж. Фрико-Шаньо и Д. Давид, должен проходить через координацию самостоятельных национальных усилий каждой страны в области обороны, их взаимодополняемость, через налаживание сотрудничества в различных областях (производство вооружений, диалог по вопросам стратегических концепций и т. д.)⁹⁷.

Неприятие евроатлантизма выразили и некоторые теоретики, не принадлежащие к голлистскому направлению. Подчеркивая недоверие к атлантическому союзнику, они настаивали на создании совершенно автономной, содержащей элементы наднациональности западноевропейской системы безопасности, отделенной от американской. Их концепции питают идеи видного военного теоретика генерала А. Бофра, сформулированные еще в начале 70-х годов. Им была выдвинута идея замены НАТО сугубо западноевро-

пейской военной организацией на базе возрожденного Западноевропейского союза (ЗЕС), с которой Франции необходимо было бы согласовать свою военную политику⁹⁸. Идеям Боффа близок по духу проект „европейской обороны” военного теоретика М. Манеля⁹⁹.

Дискуссия по вопросам безопасности Западной Европы выявила настоячивых сторонников атлантизма, которым свойствен „европессимизм”, глубокое недоверие к идеям западноевропейского военного единства и самостоятельности по отношению к США. Их вдохновителем был Р. Арон, который утверждал, что, если бы Франция осталась в военной организации Североатлантического договора, то могла бы иметь такую же свободу действий, как и сегодня¹⁰⁰.

С аналогичных позиций выступил и бывший посол Франции при НАТО Ф. де Роз, известный многолетними попытками объединить ортодоксальные идеи атлантизма и голлизма¹⁰¹. Он требовал отказаться от „всякой идеи европейской самостоятельности в области обороны” и не заниматься „поисками независимости Европы путем оппозиции главной державе западного лагеря”, пересмотреть французскую концепцию „независимой обороны и теснее сплотить ряды атлантического союза”¹⁰².

Но будучи всеохватывающей, евроатлантическая идеология содержала определенную противоречивость. Взаимопроникновение формирующих ее концепций привело к формированию нескольких подходов. Так называемые институционалисты (теоретики СФД, ФСП, бывший посол А. Фроман-Мерис, политологи Ш. Зорг-биб, Ж.-П. Пигасс) выступили за создание европейского „ядра” атлантического блока, его „второй опоры”, предлагая сформировать новые органы. При этом если одни (Ж.-П. Пигасс, А. Фроман-Мерис) отстаивали ярко выраженную наднациональную форму западноевропейской интеграции, то другие (теоретики СФД, ФСП) склонялись к ее созданию на принципах межгосударственного сотрудничества.

Одновременно между ними выявились расхождения по вопросу о том, какие существующие институты в Западной Европе можно было бы для этого использовать. Ряд теоретиков (Ш. Зорг-биб) предложил опереться на Западноевропейский союз, расширив его за счет принятия новых членов — Ирландии, Дании, Греции, Португалии и Испании, и образовать Европейский совет безопасности, группу ядерного планирования на базе французских и английских ядерных сил, агентство по производству вооружений и снабжению сырьем, европейские „силы быстрого развертывания”.

Эта точка зрения оспаривалась сторонниками использования органов Европейского сообщества. Они отвергали ЗЕС ввиду его

изначальной „антигерманской направленности”. Их поддержали и теоретики СФД, которые в целях реализации проекта „евроатлантической безопасности” предлагали усилить инициативную роль европейского парламента, распространить компетенцию Европейского совета на проблемы обороны и проводить заседания для их обсуждения в качестве Европейского совета безопасности при содействии специального постоянного секретариата и Комитета начальников штабов.

Развернутый план использования в целях военно-политической интеграции Европейского экономического сообщества пропагандировал Ж.-П. Пигасс. Значительное продвижение ЕЭС по пути политического объединения, по его мнению, позволило бы вновь возродить идею „европейского оборонительного сообщества” (ЕОС). Члены ЕЭС должны договориться о полной или частичной интеграции своих вооруженных сил, в том числе обычных вооружений. Для этого необходима координация национальной политики государств „десятки” в области обороны и производства вооружений. Силы ядерного сдерживания по-прежнему останутся в ведении Франции и Великобритании, но действовать они должны в интересах всех стран ЕЭС. Для управления интегрированными силами и согласования военной политики должна быть создана политическая директория. Постепенно ЕЭС должно заменить существующие натовские органы, в чью компетенцию входят вопросы обороны Западной Европы. Североатлантический союз сохраняется, но следует наладить более оперативное взаимодействие двух его составных частей — североамериканской и западноевропейской¹⁰³.

Некоторые теоретики предложили компромиссные проекты построения „евроатлантической обороны” путем одновременного использования как ЗЕС, так и ЕЭС. Этот путь наметили, в частности, специалисты Французского института международных отношений, которые совместно с исследовательскими внешнеполитическими институтами в Бонне, Риме, Лондоне и Гааге выпустили специальный доклад о перспективах Европейского сообщества. Исключая модель независимой европейской обороны и полагая, что вклад США в дело обеспечения безопасности Европы незаменим, но в то же время признавая различие американских и западноевропейских интересов в деле безопасности, авторы доклада выдвинули идею большей „европейской идентичности” в рамках НАТО. Для этого они предложили установить, с одной стороны, систему координации органов европейского политического сотрудничества и Совета НАТО, с другой — тесную связь между Ассамблеей ЗЕС и Европарламентом. Они высказались также за создание европейского агентства по снабжению вооружениями, с тем

чтобы рационализировать, по их мнению, неэффективную и производящую однотипные вооружения военную промышленность в Западной Европе и стандартизировать американские и европейские вооружения¹⁰⁴.

Схожий проект был выдвинут руководством Французской социалистической партии. Его авторы предложили опираться на ЗЕС, его Совет министров и Секретариат, а также на механизм Европейского совета, добиваясь все более тесного взаимодействия этих институтов¹⁰⁵.

Проект ФСП был развит и детализирован бывшим национальным секретарем по международным вопросам партии, а ныне профессором Парижского университета Ж. Хюнцингером. Выступая за новое „равновесие” в Североатлантическом союзе, означающее замену НАТО „Европейским интеграционным органом”, тесно сотрудничающим с американскими войсками в Западной Европе, Хюнцингер внес следующие предложения: заключить между членами ЗЕС и Европейского совета специальное соглашение, регулирующее их отношения; создать Европейский совет безопасности для обсуждения общеполитических вопросов, Совет обороны на уровне министров иностранных дел и обороны, собирая при нем регулярные совещания начальников генеральных штабов и руководителей управлений по вооружению; образовать общие для ЗЕС и Европейского совета международные секретариат и ассамблею, а также агентства по сотрудничеству в области производства вооружений и по контролю над вооружениями¹⁰⁶.

Значительная группа теоретиков „евроатлантизма” выступила с критикой „институционального” подхода. Оценивая проекты его сторонников как чрезмерно громоздкие, неизбежно сопряженные на практике с многочисленными трудностями юридического, бюрократического и прочего порядков, они выдвинули идею продвижения вперед дела евроатлантической безопасности в более узких рамках, посредством всякого рода инициатив, которые могли бы быть предприняты Францией совместно с одной или двумя заинтересованными западноевропейскими странами. „Европейская оборона появится на свет не из целостной, заранее разработанной схемы, а будет результатом отдельных действий.., внутреннее единство которых проявится лишь постепенно”¹⁰⁷, — подчеркивалось в одном из докладов французских экспертов. Центральное место в концепциях сторонников такого прагматического подхода заняла тема франко-западногерманской военной солидарности, призванной, по их мысли, стать „мотором” оборонного строительства в Западной Европе и главным средством укрепления атлантического альянса.

Приоритет, который отдали поборники евроатлантизма военно-политическому сотрудничеству с ФРГ, был далеко не случайным. Для внешнеполитической мысли Пятой республики всегда было характерно повышенное внимание к проблеме „жесткого закрепления” в западном лагере позиций ФРГ, рассматриваемой теоретиками французской политики безопасности как своего рода выдвинутое к Востоку „стратегическое предполье”, „предмостное укрепление”. Развернувшееся в конце 70-х годов в Западной Германии антивоенное движение, а также проводившаяся правящей коалицией „восточная политика” вызвали в кругах идеологов французской внешней политики опасения — как бы под влиянием этих процессов ФРГ не оказалась „нейтрализованной” и даже „увлеченной” в „восточный лагерь”, а французское „предмостное укрепление” — „ликвидированным”.

В поисках средств „удержания” ФРГ в западном лагере они не увидели иного выхода, кроме вовлечения ее в военное сотрудничество с Францией; требовали при этом, чтобы для повышения заинтересованности в нем Бонна Париж пошел на уступки европеизму и атлантизму в своей политике безопасности. Они сочли возможным пренебречь тем очевидным фактом, что такие шаги могут обернуться, вопреки их расчетам, усилением политического и военного влияния ФРГ в атлантическом альянсе, низведением Франции до роли рядового участника предлагаемой ими евроатлантической системы безопасности.

Весьма показательной в этом плане явилась дискуссия, развернувшаяся вокруг ядерных аспектов франко-западногерманских отношений. Началом послужило предложение разделить между двумя странами ответственность за ядерное оружие, которое сделал Ж. Ширак в Бонне в октябре 1983 года. Выдвинув идею „евроамериканского сдерживания”, он недвусмысленно высказался в пользу доступа ФРГ к ядерному оружию: „Нельзя вообразить, чтобы Западная Германия не участвовала в таком сдерживании с полной ответственностью. Неверным было бы думать, что только Англия и Франция будут обеспечивать ядерное сдерживание в Европе”¹⁰⁸.

Резкое осуждение этого заявления широкими кругами общественности Франции и ФРГ заставило лидера ОПР смягчить свои высказывания. Спустя несколько дней он заявил, что существующие договоры запрещают ФРГ иметь ядерное оружие и что ни правительство, ни общественность этой страны „не требуют для себя такой возможности”. В то же время Ширак предложил „изучить кое-какие формулы, с тем чтобы лучше ассоциировать ФРГ с совместными решениями в области безопасности”¹⁰⁹.

Однако, как видно из последующих заявлений лидера ОПР и официального документа партии по оборонным вопросам, опубликованного в 1985 году, неоголлисты не только отказались от предложения о предоставлении ФРГ ядерного оружия, но и воздержались от мысли о предоставлении гарантий со стороны Франции, обеспечивающих „прикрытие” ФРГ французским стратегическим ядерным оружием, предпочтя ограничиться формулой „жизненных интересов”, которые охватывает французская стратегия „ядерного сдерживания”¹¹⁰. В этом же духе сформулировали свои позиции СФД¹¹¹, его лидеры Р. Барр и В. Жискар д’Эстен¹¹², а также социалисты¹¹³.

Более противоречивая обстановка сложилась в среде евроатлантистов по вопросу о применении французского тактического ядерного оружия. Если указанные три партии высказались за двусторонние консультации Парижа и Бонна по этому вопросу в случае конфликта в Европе, то ряд непартийных теоретиков предложили более „смелые” формулы.

Одну из них представляет система так называемого двойного ключа, предложенная военным обозревателем газеты „Монд” М. Татю. В соответствии с этой системой ядерные тактические средства Франции размещаются в ФРГ, но без предоставления права их использования ее руководителями. Такая система, по словам Татю, хотя и не дала бы возможности Бонну свободно распоряжаться ядерным оружием, но в то же время якобы существенно повысила „политическую, военную и материальную ответственность” ФРГ, укрепила бы ее солидарность с Францией и положила бы начало действительной военной интеграции в Европе¹¹⁴.

Еще более далеко идущий план франко-западногерманского военного сотрудничества, в том числе в вопросе размещения на территории ФРГ французского тактического ядерного оружия, предложил П. Леллуш. По его мнению, Франция должна развернуть значительную часть своих войск и вооружений на границе ФРГ с ГДР. При этом общая численность французских военнослужащих на территории ФРГ должна увеличиваться вдвое и составить около 100 тыс. человек, а соответствующие подразделения должны быть оснащены тактическим ядерным оружием. Другая часть французской армии дислоцировалась бы „по обе стороны Рейна”. Кроме того, создается специальная франко-западногерманская группа ядерного планирования, в которую впоследствии могли бы войти представители Великобритании, также располагающей тактическим ядерным оружием на своих базах в ФРГ. Принятие решения относительно применения этих сил должно оставаться в исключительной компетенции президента Франции, правда, при условии предварительной консультации с западногерманским руковод-

ством. Порядок пребывания новых французских войск в ФРГ должен, как и прежде, определяться двусторонним франко-западногерманским соглашением. Оперативная координация действий французских сил с армиями ФРГ и других стран НАТО потребует заключения ряда соглашений технического характера в развитие уже действующих, то есть „не повлечет возвращения Франции в интегрированное командование НАТО”.

Подобная политика, по мнению Леллуша, оказала бы „огромное позитивное воздействие” на ФРГ, которая в этом случае якобы „перестала бы сползать на позиции нейтралитета”. По его словам, она также позволила бы ей достигнуть внутреннего консенсуса по вопросам обороны и принадлежности к западному блоку и вместе с тем придала бы новый импульс европейской идее, „способной в долговременной перспективе привести к устранению ситуации, которую породили ялтинские договоренности великих держав”. Инициатива Франции, утверждал Леллуш, способствовала бы также устранению изоляционистской тенденции в США, поскольку там увидели бы, что западноевропейские страны в состоянии самостоятельно строить свою оборону. В более широком плане „такая инициатива дала бы возможность демократиям Европы остановить нынешний пораженческий процесс, восстановить веру западноевропейцев в самих себя”. Укрепление военного сотрудничества Франции и ФРГ, подчеркивал Леллуш, не противоречит их союзу с США в рамках НАТО. „Напротив, чем быстрее западноевропейцы возьмут на себя более значительную долю расходов на собственную оборону, тем больше гарантий того, что конгресс США не потребует отвода американских войск с территории Западной Европы”¹¹⁵.

Однако большинство евроатлантистов заняли сдержанную позицию в отношении предложений приобщить Бонн к ядерному оружию, оценив их как „несвоевременные и рискованные”. Проявляя осторожность, они выдвинули более „гибкие” планы использования тактического ядерного оружия, исключаящие его размещение на территории ФРГ. Некоторые теоретики высказались за то, чтобы не выводить франко-западногерманский военный союз за рамки взаимодействия в области использования французских обычных сил, а другие предложили ограничиться политическим заявлением французского руководства о том, что „безопасность Франции начинается в ФРГ”¹¹⁶.

Рискованные рекомендации поборников евроатлантической безопасности вызвали справедливое осуждение со стороны убежденных сторонников голлизма. „Складывается впечатление, что речь идет о тех аргументах и логике, которые использовались во времена Четвертой республики, когда ставился вопрос о перевооруже-

нии Западной Германии, в частности в плане Европейского оборонительного сообщества”¹¹⁷, — писал военный эксперт П.-М. де ля Горс. Справедливое опасение высказал бывший министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль: „Для французов рисковать собственным уничтожением одновременно с защищаемой страной, скажем Германией (Западной), означало бы слишком далеко заходить со стремлением к „европейской солидарности””¹¹⁸. Однако в условиях сложившейся расстановки сил на идейно-теоретическом фронте выступления сторонников голлизма уступали по воздействию на внешнеполитический курс приверженцам евроатлантической ориентации.

В середине 80-х годов „евроатлантический консенсус” подвергся серьезным испытаниям на прочность в связи с выдвинутой американской администрацией „стратегической оборонной инициативой”. Значительная, если не преобладающая часть теоретиков увидела в проекте „звездных войн” не только новый симптом тенденции в американской внешней политике к „разъединению” безопасности США и безопасности Западной Европы, но и подлинную угрозу своим надеждам на „европейское единство”. По их мнению, СОИ усилит технологическое отставание Западной Европы от США и Японии, ослабит ее экономическую и политическую самостоятельность и, более того, вызвав погоню за американскими контрактами, взорвет изнутри западноевропейское сотрудничество, поставив тем самым под вопрос реализацию планов „западноевропейского строительства”.

Кроме того, как подчеркивали многие специалисты, появление ПРО, которое девальвировало бы французские ядерные силы „сдерживания”, лишило бы Францию ядерного „козыря” в ее европейской политике, в частности возможности представления гарантий безопасности ее западноевропейским союзникам.

В среде французских теоретиков стали нарастать дестабилизирующие „евроатлантический консенсус” антиамериканские настроения, возрождаться выдержанные в духе голлизма концепции независимой от США „европейской обороны”. „Чтобы Европа действительно не превратилась в дополнительный американский штат, она должна создать и экономический, и политический, и военный союз, способный найти самостоятельное равновесие между остальными мировыми центрами”¹¹⁹, — отмечал сотрудник Французского института международных отношений Ф. Моро-Дефарж. К решительному отпору США как главной угрозе западноевропейской независимости призвал политолог Р. Дебрэ: „Создать Европу, чтобы спасти независимость Франции, представляется единственным способом дать ответ на угрозу „европейского упадка”. При этом надо иметь в виду, что эта Европа не должна быть

просто „второй опорой” атлантического альянса и что ее задача состоит в обретении собственной стратегической ответственности, утверждении себя как третьей великой силы, говорящей от своего имени”¹²⁰.

Одним из главных средств обеспечения самостоятельности Западной Европы теоретики европеизма провозгласили широко-масштабное европейское сотрудничество в области новейшей технологии, выступив в поддержку реализации предложенного французским правительством проекта „Эврика”. В то же время трудности, с которым столкнулся этот проект, а также вовлечение в американские планы милитаризации космоса ряда западноевропейских партнеров Франции, и прежде всего ФРГ, вновь пробудили французскую внешнеполитическую мысль к поиску средств „привязывания” к Европе своего ближайшего соседа. Этим и воспользовались евроатлантисты.

Роль генератора соответствующих проектов взяли на себя теоретики из подключившихся к СОВ французских военно-промышленных компаний. Так, вице-президент компании „Томсон” Ф. Эйсбург совместно с военным экспертом ФСВ П. Бонифасом выступил с предложением учредить франко-западногерманское агентство по координации военных НИОКР¹²¹.

Более амбициозный проект сформулировал бывший директор Центра анализа и прогнозирования министерства иностранных дел Франции, ныне советник французской компании „Матра” Ж.-Л. Жергорен. Он предложил привлечь в такое агентство возможно большее число государств Западной Европы, в первую очередь входящих в Западноевропейский союз¹²².

Идя навстречу западногерманскому партнеру, французские поборники евроатлантической безопасности энергично поддержали предложение ФРГ о создании „европейской оборонной инициативы” (ЕОИ). Будучи, по их признанию, дополнением к американской СОВ, она предусматривает образование „расширенной системы ПВО”, которая наряду с самолетами получила бы возможность поражать крылатые оперативно-тактические ракеты противника.

„Опыт прошлого показывает, — писал один из теоретиков евроатлантизма П. Леллуш, — что ставить вопрос о поисках независимой европейской обороны или обороны Европы в противовес обороне атлантической или американской — это безнадежное, непродуктивное занятие”. Отмечая „значительный интеллектуальный прогресс” французской внешнеполитической мысли в осознании перспективности евроатлантизма, Леллуш подчеркивал, что „средний путь” между атлантизмом и европеизмом является наилучшим средством как для „усиления европейского столпа атлантического

союза, без которого НАТО с трудом оказалась бы жизнеспособной”, так и для „перехода к не менее желательной в перспективе европеизации системы безопасности Западной Европы”¹²³.

Заметную роль в активизации евроатлантистов сыграли их опасения насчет перспективы „ликвидации ядерного оружия в Европе”. С особой силой они проявились после советско-американской встречи в Рейкьявике, показавшей возможность достижения соглашения о сокращении ядерных арсеналов на Европейском континенте, и особенно после советских предложений ликвидировать в Европе американские и советские ракеты средней дальности и оперативно-тактического назначения.

Создавшаяся ситуация была воспринята евроатлантистами как новая угроза стратегической „расстыковке” безопасности США и безопасности Западной Европы, как ошеломляющий удар по их планам. Не сумев найти на нее нетрадиционный ответ, они подняли волну антисоветских измышлений, пытаясь таким образом предотвратить развал „евроатлантического консенсуса”, и стали обвинять СССР в попытках „вбить клин” между США и Западной Европой, заключить за ее спиной „ядерный Мюнхен”, сорвать „европейское строительство”¹²⁴.

Однако подобные утверждения не имеют ничего общего с действительными целями советской внешней политики. Своими предложениями СССР отнюдь не желает посорить Западную Европу с США, ибо, как подчеркивал М. С. Горбачев, в частности во время встречи с французскими парламентариями, в Советском Союзе, во-первых, хотят иметь хорошие отношения и с Западной Европой, и с Соединенными Штатами, а во-вторых, реалистически оценивают, насколько прочные узы — исторические, политические и экономические — связывают Западную Европу и США¹²⁵. Не является СССР и противником западноевропейского единства. Но весь этот процесс он рассматривает в соотношении с задачами обеспечения мира и безопасности в „европейском доме”. СССР не может приветствовать такое единство, если оно враждебно делу мира и направлено на создание в рамках евроатлантического союза новой военной группировки, которое, увеличив общий военный потенциал Запада, нарушило бы существующее примерное равновесие между двумя системами. Иное дело — Западная Европа, объединенная в решении мирных проблем и задач, которая, безусловно, стала бы для СССР и его союзников хорошим партнером для диалога и сотрудничества.

„Исторический шанс Европы, — подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, — ее будущее — в мирном сотрудничестве

государств ее континента. И важно, сохраняя уже накопленный капитал, двигаться дальше: от первоначальной к более устойчивой фазе разрядки, к зрелой разрядке, а затем к созданию надежной безопасности на базе хельсинкского процесса, радикального сокращения ядерных и обычных вооружений”¹²⁶.

Концепции же французских евроатлантистов толкают Европу, а значит Францию, в противоположное направление — к усилению военной опасности и международной напряженности на континенте, подрыву доверия между европейскими государствами, блокированию общеевропейского процесса и разрядки.

4. ЯДЕРНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Обозначившиеся во второй половине 70 — первой половине 80-х годов во французской внешнеполитической мысли сдвиги в направлении антисоветизма и „западной солидарности” повлекли за собой обострение идейно-теоретической борьбы вокруг вопросов французской стратегии „сдерживания”. Стратегические споры завязались между представителями двух направлений — „пуристского”, нашедшего выражение в концепциях сторонников голлистской военной мысли (военные теоретики Л. Пуарье, П.-М. Галлуа, политологи Ж. Клейн, П. Дабзи, военный обозреватель П.-М. де ля Горс, ряд деятелей ОПР и левого крыла ФСП), и „ревизионистского”, сторонники которого выступили за пересмотр стратегии или за внесение в нее определенных корректив (политологи Р. Арон, П. Асснер, Л. Амон, Ж.-П. Пигасс, М. Манель, Ф. де Роз, П. Леллуш и др., генерал Ф. Валентен, эксперты СФД, некоторые военные теоретики ФСП и ОПР).

В результате ожесточенных дискуссий преобладающим во французской внешнеполитической мысли стало „ревизионистское” направление. Его приверженцы доминируют сегодня в научных кругах, штабах политических партий, госаппарате, заметно воздействуя на разработку официальных установок в области военной политики.

Однако наступление „ревизионистов” не привело к исчезновению „пуристского” направления. Потеснившись, его сторонники продолжают оказывать влияние как в теоретическом, так и в политическом плане. Можно говорить о своеобразном „разделении труда” представителей двух направлений в обслуживании французской внешней политики, ибо при всех различиях и антагонизмах у них есть общая, достаточно стабильная идеологическая база, которую составляет военно-силовое, ядерное мышление современного империализма.

Одна из особенностей взглядов „пуристов” на „сдерживание” состоит в том, что они отстаивают ее как сугубо независимую

стратегию национального характера. Такую позицию они обосновывают тезисом о „разъединяющей силе атома”, суть которого сводится к утверждению, будто появление ядерного оружия сделало совершенно бессмысленным военные союзы государств, поскольку в условиях обладания этим оружием потенциальным противником обязательно помочь союзникам в случае ядерного конфликта оказывается сопряженным для ядерной державы с риском, равносильным согласию на самоубийство. Поэтому, считают пуристы, эффективная стратегия „сдерживания” может быть обеспечена не в рамках военных коалиций, а лишь самостоятельно, с помощью собственных ядерных сил.

Возможность проведения такой стратегии, в свою очередь, обосновывается „пуристами” положением об „уравнивающей силе атома”, согласно которому ядерное оружие в виде катастрофических последствий его применения якобы стирает различия в военном отношении между большими и малыми государствами.

Но более важной особенностью „пуристских” взглядов относительно стратегии „сдерживания” составляет подход к ней как к стратегии „отказа от войны”, то есть от реального использования вооруженных сил. По их мнению, такие факторы, как географическое положение страны, ограниченные масштабы военного и экономического потенциала, исключают возможность ведения Францией рассчитанного на победу ядерного или неядерного сражения. В связи с этим „пуристы” отстаивают разработанный ими еще в 60-е годы специфический вариант стратегии „сдерживания” для Франции, получивший наименование „сдерживания слабым сильным”.

Теоретическую основу этого варианта составляет сформулированный „пуристами” закон так называемых „политико-стратегических расчетов” „выгод-риска”, в соответствии с которыми между стратегическим положением, целями, выгодами, риском, с одной стороны, „слабого” и, с другой стороны, „сильного” существует „асимметрия”¹²⁷. „Слабому”, считают пуристы, в этой ситуации нет необходимости иметь военное превосходство над „сильным” противником, и даже равенство с ним по военным потенциалам. Для „сдерживания” ему достаточно обладать ракетно-ядерной мощностью, позволяющей нанести „сильному” противнику в порядке ответа на его агрессию несколько ядерных ударов, ущерб от которых обесценивал бы выгоды этой агрессии, был бы неприемлем для „сильного” (отсюда проистекает второе название концепции „сдерживания слабым сильным” — концепции „пропорционального”, или „минимального”, сдерживания). Как писал П. Галлуа, «для „сдерживания” достаточно иметь минимум ядерных средств,

способных разрушить частично или полностью материальные богатства и население противника», что превратит Францию в абсолютно „неприкосновенную территорию”¹²⁸. Тем самым „пуристы” закрепляют в своих концепциях как отказ от американской идеи военного превосходства в пользу принципа „достаточности”, так и отказ от американской концепции „контрсилы” в пользу стратегии удара по городам как единственно приемлемой, по их мнению, стратегии для средней страны типа Франции.

В соответствии с такими взглядами важнейшим условием повышения убедительности „сдерживания” наряду с поддержанием ракетно-ядерной мощи на уровне „достаточности” „пуристы” считают создание рассчитанного на противника психологического эффекта относительно неотвратимости ядерного возмездия и угрожающей степени риска его возможной реализации, необходимой решительности „слабого” государства в применении ядерного оружия против „сильного”. По этой причине „пуристы” отвергают американские идеи „гибкого реагирования”, полагая, что единственно пригодным для Франции является немедленный массированный ядерный удар в ответ на любую форму агрессии. Эта установка, получившая название „все или ничего” и означающая, по словам П. Галлуа, что „жертва ядерного нападения может либо капитулировать, либо отомстить ответным ударом”¹²⁹, призвана отразить решимость Франции к сопротивлению и усилить сдерживающее воздействие на потенциального противника.

Той же задаче, по мнению „пуристов”, должно служить и постоянное поддержание у противника чувства неуверенности, неопределенности в отношении места, времени и обстоятельств начала возможного применения Францией ее стратегического ядерного оружия. Для этого „пуристы” вводят понятие „критического порога агрессивности”, представляющего собой такой момент в развитии военного конфликта, когда решение Франции о ядерном возмездии становится оправданным и неизбежным. Этот „порог”, подчеркивают они, находится на подступах к французской национальной территории, в зоне так называемых жизненных интересов, однако его реальные временные и пространственные параметры определяются действиями сторон в конкретной конфликтной ситуации¹³⁰.

Рассмотренные целевые установки „пуристской” концепции стратегии „сдерживания” предопределяют и особенности их взглядов на характер французских вооруженных сил. Важнейшим из них они рассматривают стратегическое ядерное оружие, достаточность развития которого ставится в зависимость от военно-технического прогресса и соотношения сил на мировой арене. Что же

касается тактических ядерных и обычных сил, то они, как считают „пуристы“, призваны содействовать стратегии „сдерживания“, интегрироваться в нее. Поэтому им предназначается не вести боевые действия, как это предполагается, в частности, американской стратегией „гибкого реагирования“, а выполнять либо функцию „тестирования“ противника, то есть вскрытия степени агрессивности его намерений, либо функцию нанесения ему „последнего предупреждения“ тактическим ядерным ударом для обозначения факта преодоления им „критического порога агрессивности“, после которого он мог бы быть подвергнут ядерному возмездию. Выполнение этих двух функций исключает, по мнению „пуристов“, обладание тактическим ядерным оружием и обычными силами в масштабах, превосходящих соответствующие силы противника.

Созданный „пуристами“ французский вариант стратегии „сдерживания“ в известной мере отличен от американских концепций, которые под видом сдерживания войны на деле призваны обеспечивать США свободное и безнаказанное использование на мировой арене военной силы в агрессивных целях. Однако, несмотря на внешне умеренный характер „пуристского“ варианта, в нем сохраняется общая с американской основная опасная установка на применение первым ядерного оружия в ответ на мифическую „советскую военную угрозу“, поскольку именно СССР рассматривается „пуристами“ в качестве „сильного“ противника, сдержать который якобы может только угроза ядерного „возмездия“.

Двойственность и противоречивость взглядов „пуристов“ усиливаются также их планами использования тактического ядерного оружия. Известный французский военный эксперт адмирал А. Сангинетти отмечает, что применение этого оружия, являющегося по своему характеру средством уничтожения вооруженных сил, несет опасность повлиять на „чистоту“ сдерживания „слабым сильным“, исходящего из отказа от ядерной эскалации и ведения боевых действий, ибо оно может расцениваться скорее как согласие сражаться в рамках ограниченной войны НАТО, чем как последнее предупреждение противнику¹³¹.

Непоследовательность „пуристов“ усугубляется также тем, что, считая себя противниками войны, они в действительности допускают ведение Францией боевых действий совместно с союзниками по НАТО в рамках предлагаемой им так называемой стратегии „внешних действий“. Правда, стратегия, по их замыслу, предполагает использование только обычных сил, которые в организационном плане должны быть совершенно самостоятельными, не связанными с силами французского „сдерживания“ во избежание подрыва его убедительности. Стратегию „внешних действий“ „пуристы“ оправдывают, в частности, целями предотвращения

и урегулирования возможного кризиса на Европейском континенте. Однако очевидно, что подобное допущение на деле может привести к совершенно обратному результату, способствовать соскальзыванию к ядерной войне в Европе. Как справедливо подчеркивает советский исследователь Д. М. Проектор, „любое ограниченное наступление в Европе обычных сил одного блока против другого может скорее означать, что агрессор решился на ядерный конфликт, ибо сама логика военного наступления на фронте прямого противостояния двух военных союзов, силы которых уравновешены, вынуждает к последовательному развитию конфликта”¹³².

Противники „пуристов” — „ревизионисты” нападают на все основные постулаты концепции „сдерживания слабым сильным”. Объявляя их „сюрреалистическими”, они утверждают, что «псевдоуверенность, основанная на соотношении выгод и риска, на рациональности расчетов вероятного противника, стоит не больше, чем догматизм „линии Мажино»»¹³³. Являющаяся, по выражению А. Асснера, „жалким подобием” американских концепций „взаимного гарантированного уничтожения” и „массированного возмездия”¹³⁴, концепция „пуристов” особенной острой критике подвергается „ревизионистами” за содержащуюся в ней „катастрофическую, самоубийственную”, по их мнению, дилемму „все или ничего”, оставляющую для Франции выбор между „капитуляцией и ядерным апокалипсисом”¹³⁵. Угроза массированного разрушения противника, считают они, наверняка повлекла бы за собой ответный удар по Франции, что равносильно самоубийству.

Однако эта, казалось бы, не лишенная логики критика выглядит совершенно иначе, если обратиться к тем аргументам, которыми ее обосновывают „ревизионисты”. Они сводятся к различного рода искажениям военной политики СССР и его союзников, которой приписываются агрессивность, наступательность, установки на „первый”, „упреждающий”, „превентивный” удары, ведение „ограниченной войны” и т. п. В игнорировании именно этих опасных, „выявленных” „ревизионистами” черт советской стратегии они видят порок концепции „пуристов”.

Подобные утверждения „ревизионистов” совершенно не состоятельны. Как подчеркивается в документе „О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора”, принятом в мае 1987 года в Берлине на совещании Политического консультативного комитета государств ОВД, эта доктрина подчинена задаче недопущения войны — как ядерной, так и обычной. В силу самой природы социалистического общественного строя эти государства не связывали и не связывают свое будущее с военным решением международных проблем. Они выступают за решение всех

спорных международных вопросов лишь мирным путем, политическими средствами.

Государства — участники Варшавского Договора никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут военных действий против какого бы то ни было государства или союза государств, если сами не станут объектом вооруженного нападения. Они никогда не применяют первыми ядерное оружие.

Они не относятся ни к одному государству, ни к одному народу, как к своему врагу; наоборот, готовы со всеми без исключения странами мира строить отношения на основе взаимного учета интересов безопасности и мирного сосуществования. Государства — участники Варшавского Договора свои международные отношения твердо основывают на уважении принципов независимости и национального суверенитета, неприменении силы или угрозы силой, нерушимости границ и территориальной целостности, разрешения конфликтов мирным путем, невмешательства во внутренние дела, равноправия и других принципов и целей, предусмотренных Уставом ООН, хельсинкским Заключительным актом и общепризнанными нормами международных отношений.

Конечно, военная политика СССР и его союзников не может игнорировать полные противоречий военные концепции НАТО, в которых содержится представление, прямо или косвенно признающее возможность первым использовать ядерное оружие и даже добиться успеха в ядерной войне. Поэтому, выступая за осуществление мер разоружения, государства — участники Варшавского Договора вынуждены содержать свои вооруженные силы в таком составе и на таком уровне, которые позволили бы им отразить любое нападение извне на любое государство — участник договора. Вооруженные силы союзных государств поддерживаются в боеготовности, достаточной для того, чтобы не позволить застигнуть врасплох; а в том случае, если на них все же будет совершено нападение, они дадут сокрушительный отпор агрессору¹³⁶.

Приписывая Советскому Союзу и его союзникам намерение поставить Францию перед выбором между „капитуляцией и ядерным апокалипсисом“, „ревизионисты“ предлагают избежать эту упорно навязываемую ими мифическую „советскую угрозу“, дополнить французскую стратегию „сдерживания“ стратегией „подготовки и ведения войны“. Они настойчиво рекомендуют разнообразить национальный военный потенциал новыми видами ядерных и обычных вооружений, разрабатывая концепции их реального применения в тесной координации с НАТО. «Жизненно необходимо, чтобы в нашей стране прекратили размышлять о войне исключительно в рамках концепции „отказа от войны“»¹³⁷, — пишет П. Леллуш.

Разумеется, не желая прослыть сторонниками развязывания войны, большинство „ревизионистов” оправдывают свои концепции желанием закрепить за современной французской стратегией сугубо „сдерживающую” функцию. Однако подобные уверения носят откровенно демагогический характер. Предлагаемые „ревизионистами” рекомендации в корне противоречат идее предотвращения ядерной войны.

Так, ряд теоретиков считают, что научно-техническая революция в военном деле, которая привела, в частности, к значительному повышению точности ракетно-ядерного оружия, создает возможность осуществления эффективной „контрсиловой” борьбы, обмена „хирургическими” ядерными ударами и открывает реальные перспективы ограниченной ядерной войны. В силу этого, по их мнению, Франция не может оставаться в стороне от общей эволюции к стратегии „контрсилы” и должна вырабатывать эффективные средства и концепции „ведения битвы”. «Пришло время, — утверждает известный политолог Л. Амон, — попытаться соединить или лучше скомбинировать стратегию „все или ничего” и стратегию „ведения войны”». Полагая, что концепция удара по городам должна сохранять свое фундаментальное значение в деле обеспечения безопасности Франции, Амон предлагает одновременно, чтобы развитие французских стратегических сил осуществлялось с учетом их возможного нацеливания не только на города, но и на военные объекты противника¹³⁸.

В близком духе выдержаны рекомендации официального военного эксперта, скрывающегося под псевдонимом А. Адретса. Впрочем, «не будет ли логичным уничтожить командные пункты и другие объекты противника на его территории путем „хирургических ударов, не затрагивая населения”», он рекомендует придать соответствующие функции ряду будущих систем французского оружия, в частности разрабатываемой мобильной стратегической ракете¹³⁹.

С подобными взглядами солидаризируется военный теоретик ФСП Ж. Хюнцингер. Он полагает, что Франции следовало бы развить стратегию „сдерживания” в направлении так называемого „минимального гибкого реагирования”, суть которого состоит в использовании различных систем ядерного, стратегического и тактического оружия для нанесения „ограниченного ядерного возмездия” по вторым эшелонам и резервам стран Организации Варшавского Договора¹⁴⁰.

Значительная группа „ревизионистов” проявляет повышенный интерес к тактическому ядерному оружию. В основе их взглядов лежат идеи, выдвинутые еще в начале 70-х годов известным французским военным теоретиком генералом Андре Бофром, считав-

шим, что высокий уровень стабильности ядерного „сдерживания” приводит к тому, что из-под его контроля выходят неядерные формы конфликтов. Вследствие этого полноценная оборона страны якобы не может основываться только на стратегическом ядерном „сдерживании”, и поэтому необходимо предпринять меры по защите от других форм агрессии. В поисках таких мер Бофр отвергал как концепцию немедленного ответного ядерного удара, так и концепцию „гибкого реагирования”. Для предотвращения агрессии с применением обычных вооружений и повышения убедительности „сдерживания” А. Бофр предлагал создать второй рубеж „сдерживания” — с применением тактического ядерного оружия. Такой рубеж представлял бы промежуточный уровень „сдерживания”, действующий под прикрытием „сдерживающего” значения стратегических ядерных сил¹⁴¹. И хотя Бофр говорил лишь об угрозе использования тактического ядерного оружия, его концепция объективно вела к снижению ядерного порога и повышала опасность боевого применения этого оружия.

В отличие от Бофра, его последователи (М. Женест, Г. Доли, Ж.-П. Пигасс, М. Манель и др.) уже приходят к выводу, что для поддержания высокого уровня „ядерного сдерживания” необходимо осуществлять не только угрозу применения тактического ядерного оружия, но и его реальное боевое применение. По их мнению, именно на это оружие возложена основная задача „сдерживания”, и поэтому более логично квалифицировать тактическое ядерное оружие как основное, а стратегические силы — как дополнительные, поскольку они имеют „сдерживающее” значение только под прикрытием тактических ядерных сил. Критикуя концепцию „тестирования” и „последнего предупреждения”, они выступают за принятие концепции „сдерживающего боя”, которая перекликается с тезисом Бофра о „сдерживающем” ударе тактических ядерных сил против наступления противника. „Сдерживание” путем угрозы возмездия, считают они, должно дополняться сдерживанием битвой, целью которой должна являться защита на передовых рубежах. Именно такова рекомендация оборонного доклада СФД 1985 года, где говорится, что „Франция должна твердо объявить о своей решимости дать отпор на передовых рубежах Европы всеми имеющимися у нее неядерными средствами, а в случае необходимости — тактическими ядерными средствами уже с самых первых проявлений возможной агрессии”¹⁴².

Идею „разнообразного” и „глубоко эшелонированного” удара ядерным тактическим оружием на более раннем этапе военного конфликта в Европе выдвигают военные эксперты ОНР.

Среди сторонников боевого применения Францией тактического ядерного оружия используется идея использования ней-

тронной бомбы, также выдвинутая в свое время А. Бофром. Ее современным апологетом выступает М. Женест, известный соавторством по книге „Поражение в войне” с „отцом нейтронной бомбы” американским специалистом С. Козном. Женест утверждает, что нейтронное оружие позволяет возвратиться к „главному акту войны, который состоит в том, чтобы выиграть битву или, скорее всего, убедить противника в том, что он не сможет ее выиграть”, а также перейти от стратегии „удара по городам” к стратегии „контрсилы”¹⁴³.

Милитаристскую концепцию с позиций „ревизионизма” обобщает генерал Э. Копель, демонстративно вышедший в отставку в 1984 году в знак своего несогласия с официальной военной политикой Пятой республики. По его мнению, стратегия „ядерного сдерживания” опасна, так как может обеспечивать надежное сдерживание лишь против ядерного нападения и потому ограничивает имеющиеся у французского президента возможности выбора между „капитуляцией и ядерным апокалипсисом”. Для того чтобы „победить войну”, по мнению Копеля, следует быть готовым отразить любую агрессию. Поэтому он призывает к широкомасштабной разработке Францией нейтронных бомб и химического оружия¹⁴⁴. Нацеленная на то, чтобы „победить войну”, эта концепция, по справедливому замечанию военного теоретика генерала К. Ле Борня, в действительности широко открывает ей двери¹⁴⁵.

Значительная часть теоретиков-„ревизионистов” высказывается за наращивание Францией обычных вооружений. Они считают тезис „пуристов” о том, что ядерное оружие обеспечивает абсолютную неприкосновенность французской территории, несостоятельным. По их мнению, государство, обладающее ядерным оружием, но не способное обеспечить оборону своей территории обычными видами вооружений, не может быть абсолютно уверено в том, что его безопасность будет гарантирована благодаря возможности использования ядерной угрозы. „Государство средних размеров, способное нанести ответный удар, если эта способность может быть направлена лишь против городов противника, ставит под угрозу собственные города, и, наконец, если государство, имеющее ядерные силы, в ответ на нападение с применением обычных сил прибегает к ядерному оружию, то это государство подвергает себя огромному риску”¹⁴⁶, — писал один из основателей „ревизионистского” подхода Р. Арон. Его точку зрения развивает Т. де Монбриаль, который призывает к необходимости частичного возврата Франции к использованию обычных вооружений и „более классической стратегии, нежели современная”¹⁴⁷.

Идея наращивания Францией „классических” вооружений привлекает многих „ревизионистов” в свете появления новых

видов обычного оружия, приближающихся по своим характеристикам к ядерному¹⁴⁸. Однако причина подобного интереса не только в этом. Ряд ее сторонников обосновывает свои рекомендации ссылками на отказ СССР от применения первым ядерного оружия, который интерпретируется как якобы подтверждение склонности Советского Союза к внезапному нападению с использованием обычных вооружений. Однако сами эти теоретики отнюдь не намереваются отказаться от применения ядерного оружия первыми и, более того, рассматривают возможность применения первыми ядерного оружия чуть ли не как более простое решение.

Примером подобных рассуждений является, в частности, концепция стратегии „жесткого реагирования”, выдвинутая Ф. де Розом, в реализации которой Францией предлагается, нарастив потенциал обычных вооружений, играть роль главного резерва. „Идея состоит в том, — пишет де Роз, — что, если западноевропейские державы окажутся не в состоянии долго обороняться обычными силами, они могут реализовать свою решимость путем применения ядерного оружия, где и когда это будет необходимо в оборонительных целях, направляя свой первый ядерный удар против сил вторжения противника (предпочтительнее всего с использованием оружия повышенной радиации, чтобы ограничить побочный ущерб силам и территории союзников). Если противник ответит ядерным ударом по силам и объектам в глубине территории союзников, НАТО немедленно должна нанести удар по военным объектам на территории самого Советского Союза. Другими словами, не будет процесса эскалации действий с точки зрения мощности оружия и глубины атак, который бы шаг за шагом уничтожил Западную Европу до того, как пострадает ответственный за агрессию противник. Вместо „гибкого реагирования” эта доктрина сделала бы ставку на „жесткое реагирование” против агрессора, использующего в своих действиях ядерное оружие”¹⁴⁹.

Среди поборников „ревизии” французской стратегии „сдерживания” имеется немало сторонников милитаризации космоса. Американская программа „звездных войн” рекламируется ими как проект миротворческого характера, привносящий в стратегию „сдерживания” „благоприятный элемент неопределенности”, содействующий стратегической стабильности (П. Леллуш, М. Татю, Ф. де Роз, М. Женест, Э. Копель, Ж. Бомель, П.-М. Галлуа и др.)¹⁵⁰. Уменьшение риска возникновения ядерной войны эти теоретики связывают с тем, что создание системы ПРО, даже ограниченной, вернуло бы пусковым установкам стратегических ракет неуязвимость, утраченную вследствие возросшей точности боеголовок, и тем самым усилило бы стратегию „сдерживания”.

Ряд французских теоретиков, преимущественно из числа „пуристов”, справедливо отмечают, что переход к „смешанному сдерживанию” — так они называют сочетание наступательных („ядерный меч”) и оборонительных средств вооружения („космический щит стратегических вооружений”) — представляет собой угрозу всеобщей безопасности, поскольку может интерпретироваться как подготовка первого ядерного удара (И. Буайе, В. Шютце, К. Жюльен).

В то же время, подвергая критике проекты космической обороны, ее противники полагают, что Франция не может оставаться „равнодушной” к эволюции оборонительной технологии, поэтому они рекомендуют незамедлительно приступить к совершенствованию Францией ядерных сил в направлении повышения их проникающей способности и, более того, под предлогом „консолидации сдерживания” предлагают создать французский потенциал противоспутникового оружия, с тем чтобы французская стратегия, опирающаяся на „уравнивающую силу атома”, воспользовалась „уравнивающей силой космоса”¹⁵¹.

Таким образом, выдвигая концепции стратегии „сдерживания” в ее „пуристском” или „ревизионистском” вариантах, французские теоретики, несмотря на имеющиеся между ними разногласия, фактически оправдывают сохранение, накопление и совершенствование вооружений, чем существенно тормозят поиск французской внешнеполитической мыслью путей к ограничению вооружений и разоружению. И хотя необходимость такого поиска признается, разрабатываемые французскими теоретиками концепции в этой области остаются малочисленными и к тому же носят весьма двойственный характер, чем порой затрудняют пути к декларируемым целям.

Примером этого является, в частности, разрабатываемая французскими теоретиками концепция „равновесия сил”. Справедливо рассматривая его поддержание как необходимое условие безопасного мира и подчеркивая необходимость его понижения, французские теоретики вместе с тем категорически отвергают исключение ядерного оружия из arsenалов государств и всячески пропагандируют его увековечение в качестве „сдерживающей” силы.

Это подтверждает, в частности, упорно отстаиваемая французскими теоретиками, составляющая сердцевину „сдерживания” установка на применение первыми ядерного оружия, отказ от которой ими рассматривается как недопустимый риск. „Вопреки утверждениям сторонников доктрины „отказа от применения ядерного оружия” и тех европейских и американских деятелей, которые выступают за „замораживание” ядерного оружия или

полное уничтожение всех ядерных вооружений, Западная Европа, лишенная способности к сдерживанию, создаваемому возможностью эскалации ядерной войны, не стала бы „зоной мира”. Напротив, она стала бы зоной чрезвычайно опасной военно-политической нестабильности, где вновь вполне реальной была бы возможность обращения к военным средствам”¹⁵², — утверждает П. Леллуш.

Правда, в последние годы ряд французских теоретиков в качестве альтернативы обязательству не применять первыми ядерного оружия выдвигает концепцию „отказа от его раннего применения”. Однако принятие этой концепции мыслится ее сторонниками не иначе, как при условии резкого наращивания арсеналов неядерных вооружений и их качественного совершенствования. Так, Т. де Монбриаль прямо указывает, что отказ от преждевременного использования ядерного оружия предполагает «одновременное развитие как обороны обычными средствами, так и сил „ядерного сдерживания”»¹⁵³.

Аналогичным образом трактует эту концепцию и внешнеполитический документ Французской социалистической партии, посвященный европейской безопасности, в котором, в частности, говорится: „Чем обсуждать концепцию „неприменения первыми ядерного оружия”, предпочтительнее говорить о повышении порога ядерного конфликта в Европе. Этот порог мог бы быть тем выше, чем меньше был бы риск агрессии обычными силами, и тем большая была бы возможность Запада в ограниченное время ответить классическим оружием. Для этого требуется установить примерное равновесие этих сил даже без строгого паритета”¹⁵⁴. И хотя решение этой задачи авторы доклада связывают с переговорами на Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружения в Европе, они тут же указывают: „Необходимость поднять ядерный порог — важный аргумент в пользу того, чтобы НАТО развивала совокупность своих классических вооружений более энергично, более творчески и более эффективно. Существует, разумеется, множество различных способов повысить боеспособность обычных вооружений НАТО в Центральной Европе; существуют новые технологии и новые способы использования неядерных сил НАТО, с тем чтобы облегчить выполнение их задач... Что же касается Франции, она должна принять участие в неядерных средствах сдерживания для Европы, способных обеспечить оборону при всех возможных вариантах субъядерного конфликта”¹⁵⁵.

Однако современная обстановка требует предотвращения ситуации, когда стороны были бы поставлены перед необходимостью вести гонку любых вооружений. Поэтому единственным рациональным является дальнейшее снижение достигнутых уровней при стро-

гом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. Между тем многие французские теоретики крайне настороженно, скептически, а порой и просто негативно относятся к переговорам в этой области. Показательна в этом отношении получившая широкое признание точка зрения Р. Арона, рассматривавшего их не более как процесс „управления” гонкой вооружений, который, по его словам, „не включает в себя ни разоружение, ни даже сокращение вооружений до минимума”, а состоит „в явном или неявном сотрудничестве противников, имеющем целью установление такого соотношения сил, которое сдерживает дуэлянтов от развязывания войны”¹⁵⁶. „Зачем же в таком случае придается столь большое значение этим переговорам?” — вопрошал Арон. Их ценность французский теоретик видел лишь в том, что они позволяют участникам „избежать случайного возникновения войны, а посредством создания постоянных средств коммуникаций поддерживать диалог между великими державами по вопросам их вооружений и надеяться на то, что в один прекрасный день появится возможность перейти все же к ограничению гонки вооружений”, которое, однако, сам Арон считал „одной из иллюзий”¹⁵⁷.

В трудах многих французских теоретиков не только не предлагаются эффективные меры в области сдерживания гонки вооружений, но и просматривается отчетливая тенденция обосновать неучастие Франции в этом процессе. Этой цели служит, в частности, концепция „минимальности” французского потенциала „сдерживания”, не оказывающего якобы никакого влияния на современный ядерный баланс¹⁵⁸. Однако подобная концепция находится в противоречии с реальным положением дел. Подсчеты зарубежных специалистов показывают, что в 1985 году стратегические силы Франции могли уничтожить 23–24 млн. человек и разрушить от 16 до 25 % производственных мощностей СССР (включающих такие предприятия, как фабрики, металлургические, нефтеперерабатывающие и химические заводы). К концу 1990 года эти цифры значительно увеличатся: потенциальное число жертв может составить от 38 млн. до 55 млн. и может быть уничтожено от 25 до 40 % советских производственных мощностей. Ущерб достигнет еще более высокого уровня в 1995 году, когда планируется к принятию на вооружение седьмая французская подводная лодка-ракетоносец: к этому времени может быть убито до 81 млн. советских граждан и уничтожено до $\frac{2}{3}$ советских производственных мощностей в результате ядерного удара¹⁵⁹.

Эти данные свидетельствуют о том, что СССР и другие страны ОВД не могут игнорировать наличие в Европе французских ядерных сил. Вместе с ядерными силами Англии они всегда учитывались в существующем военно-стратегическом балансе сил между

НАТО и ОВД и принимались во внимание как фактор, определяющий стратегическую ситуацию.

В то же время, осуществляя настойчивый поиск малейших возможностей для выведения проблемы ядерного разоружения на рельсы практических решений, Советский Союз нашел возможным решать вопрос о сокращении ядерных ракет средней дальности СССР и США в Европе, не компенсируя для себя то число боезарядов, которыми располагают Англия и Франция.

Однако, оставаясь пленниками ядерного мышления, согласно которому международная и национальная безопасность могут основываться лишь на ядерном оружии, большинство французских теоретиков обнаруживает свою неготовность мыслить категориями безъядерного мира. Поэтому они реагируют на предложения в области ядерного разоружения активизацией поисков способов „спасения”, „сдерживания” в виде различных вариантов как дальнейшего наращивания французского „сдерживающего” потенциала (например, за счет дополнения его химическим и нейтронным оружием), так и его суммирования с военной мощью других западноевропейских стран (посредством ядерного сотрудничества с Англией, создания евроатлантической обороны), что, как уже указывалось, может лишь самым негативным образом сказаться на состоянии стратегической стабильности в Европе и мире в целом.

В современных условиях, подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, ни одна страна не может противопоставлять свою национальную безопасность безопасности других государств. „Высшая мудрость не в том, чтобы заботиться исключительно о себе, а тем более в ущерб другой стороне. Нужно, чтобы все чувствовали себя в равной безопасности, ибо страхи и тревоги ядерного века порождают непредсказуемость в политике и конкретных действиях”¹⁶⁰, — отмечал М. С. Горбачев.

Ряд французских теоретиков высказывают суждения, что ориентация на подход к обеспечению как национальной, так и международной безопасности, в рамках которой происходит дальнейшее наращивание военных приготовлений, возрастания угрозы сползания к ядерному конфликту, является опасным заблуждением. Эти теоретики критически оценивают французскую ядерную стратегию и ее эволюцию как с моральной, так с политической и стратегической точек зрения. Они подвергают сомнению натовские данные по балансу сил в Европе, пытаются не столь тенденциозно подходить к оценке военной мысли и строительства Вооруженных Сил СССР и других стран — членов ОВД¹⁶¹.

Некоторые теоретики (А. Жокс, М. Добри, П. Фабри) предпринимают попытки выдвинуть альтернативные концепции обеспече-

ния безопасности Франции и Европы в целом. В них в качестве долгосрочного процесса предлагается осуществить постепенную перестройку структуры и состава вооруженных сил стран Западной Европы таким образом, чтобы в них была значительно уменьшена доля сил и средств, которые можно применять как для обороны, так и для наступления. Соответственно, ставится задача возрастания удельного веса сил и средств, которые главным образом можно было бы использовать только для обороны, то есть сугубо оборонительных и носящих „непровоцирующий характер”.

Опираясь на идеи, выдвинутые военными экспертами лейбористской, социал-демократической и либеральной партией Великобритании, СДПГ, а также на положения вышедших в 70-е годы работ французских специалистов в области стратегии А. Бофра и Г. Броссоле¹⁶², эти теоретики предлагают перейти к так называемому инфрайдерному сдерживанию, в основе которого лежит не угроза возмездием, а способность к эффективному сопротивлению. Это позволило бы, по их мнению, предотвратить создание материальной основы для реализации концепции ведения ядерной войны. Основу такого „сдерживания” должны составлять, как считают французские теоретики, „силы народной обороны” из гражданского населения, снабженного обычным оружием, которые могли бы остановить и заставить отступить обычные силы противника. Созданные одновременно в ряде стран Западной Европы, эти силы могли бы, по мнению французских теоретиков, облегчить переход к ядерному разоружению и в ходе его осуществления поддерживать системы оборонной безопасности западноевропейских стран, убедить противоположную сторону в неагрессивном характере их намерений¹⁶³.

Эти альтернативные концепции хотя противоречивы, непоследовательны и не конкретизируют реальных практических мер, относящихся к ядерному разоружению, все же примечательны для современной французской внешнеполитической мысли. Они свидетельствуют об осознании отдельными ее представителями необходимости значительного улучшения обстановки в Европе, снижения уровня военного противостояния и радикального уменьшения опасности возникновения войны.

Подавляющее же большинство французских теоретиков еще далеко от признания, что безопасность не может до бесконечности строиться на страхе перед ядерным возмездием, то есть на доктрине „сдерживания”, что характер нынешнего оружия не оставляет ни одному государству надежды защитить себя только военнотехническими средствами, даже созданием самой мощной обороны. Обеспечение безопасности все больше предстает как задача политическая, и решить ее можно лишь политическими средствами.

5. „ТЬЕРМОНДИЗМ” И „АНТИТЬЕРМОНДИЗМ”

В первой половине 70-х годов предметом острых идейно-теоретических споров по вопросам внешнеполитической ориентации Франции стала ее политика в отношении развивающихся стран. Повышенное внимание французских теоретиков к этим вопросам закономерно, если учесть, что Франция, будучи в недалеком прошлом одной из крупнейших колониальных держав, сумела сохранить весьма прочные позиции в развивающихся странах, входивших некогда в состав обширной французской колониальной империи.

Уже с самого начала крушения французской колониальной империи, происходившего в конце 50 – начале 60-х годов, идейная дискуссия вокруг „третьего мира” стала приобретать весьма острый характер. Вопросы колониальной политики, особенно в условиях индокитайской, а затем алжирской войн, заняли тогда одно из центральных мест в политической и идейной борьбе, в которую были вовлечены не только различные политические силы, но и самые широкие круги французского общества. По существу, произошел раскол французского общества на колониалистов, реакционеров и консерваторов, с одной стороны, и демократов, либералов и реформистов – с другой. Именно к этой борьбе и тянутся корни сталкивающихся сегодня концепций французских теоретиков.

В идейной борьбе вокруг выработки политики Франции в отношении выступавших за освобождение от колониализма народов сформировались в те годы три концептуальных направления¹⁶⁴. Сторонники одного из них (Ж. Сустель, Р. Делавинетт и др.) отстаивали необходимость сохранения в неизменном виде политического господства над многочисленными колониями, составляющими французскую колониальную империю, и отказывались от каких-либо серьезных уступок в колониальных вопросах. Они отказывались признавать объективный характер национально-освободительного движения во французских колониальных владениях, всячески превозносили „цивилизаторскую” миссию Франции, полностью отрицали факт колониальной эксплуатации, настаивали на твердой и решительной колониальной политике, поддерживали и оправдывали колониальные войны в Алжире и Индокитае.

Представители другого направления, наоборот, требовали ухода из бывших колоний. При этом если одни из них (Р. Картье) обосновывали такую позицию нерентабельностью крупных капиталовложений в колонии, якобы тормозивших прогрессивное развитие французского общества, то другие (Р. Дебрэ, И. Лакост)

выступали с откровенно антиколониальных, антиимпериалистических позиций. Эти теоретики, представляя в основном леворадикальные круги интеллигенции, расценивали освободительную борьбу французских колоний как социалистическую революцию, а в народах поработанных стран видели новых носителей исторической миссии освобождения человечества от эксплуатации и угнетения. Взгляды этих теоретиков, активно использовавших термин „третий мир” (введенный в оборот впервые французскими социологами Ж. Баландье и А. Сوفي в середине 50-х годов), получили название „тьермондизм”.

Между этими крайними направлениями находилась довольно значительная группа теоретиков (Ж. Миолетт, М. Дюверже и др.), которые, подвергая критике наиболее очевидные пороки колониализма, репрессивные тенденции в колониальной политике Франции и признавая в целом объективный характер национально-освободительного движения, законность устремления народов к политической независимости, призывали к совершенствованию, „гуманизации” форм управления заморскими владениями Франции, увеличению ее вклада в социально-экономическое развитие колоний. Взгляды представителей этого направления и легли в основу идеологии французского неоколониализма.

Свою главную задачу в условиях неизбежного предоставления политической независимости колониальным странам теоретики видели в том, чтобы выработать такую концепцию, которая оправдала и обосновала бы необходимость сохранения за французским империализмом господствующего положения в экономически слаборазвитых странах, воспрепятствовала бы влиянию на них социализма. Ею стала концепция „взаимного развития”, согласно которой крупные капиталистические державы и развивающиеся страны экономически взаимно дополняют друг друга и, более того, не в состоянии нормально развиваться в отрыве друг от друга. „Полный уход Франции из колоний, — писал П. Корнэ, — был бы гибельным для Африки и не менее катастрофичным для метрополии”¹⁶⁵.

Одним из авторов концепции „взаимного развития” выступил директор Института прикладной экономической науки Ф. Перру. Эта концепция маскировала сущность отношений внутри мировой капиталистической системы. Она изображала их как сотрудничество равных партнеров: „старших” (развитых) и „младших” (слаборазвитых) стран. Цель такого сотрудничества состояла якобы в том, что империалистические державы, отказавшись от своего „эгоизма”, вступили бы в „свободно заключенный союз” с экономически отсталыми странами в интересах последних¹⁶⁶.

Концепция „взаимного развития”, спекулирующая на стремлении национальных государств к быстрейшему экономическому подъему, получила широкую поддержку в официальных кругах Франции. Ее воплощением в жизнь, в практическую политику стал провозглашенный де Голлем в начале 60-х годов курс на „конструктивную деколонизацию” и „сотрудничество” в отношении бывших колоний Франции и других развивающихся стран. Как говорилось в подготовленном в 1963 году группой правительственных специалистов во главе с Ж. Жаннеле докладе, где формулировалась эта политика, Франция не должна навязывать своим колониям и другим развивающимся странам желательный ей политический режим. Однако в действительности курс на сотрудничество имел задачу направить эти страны именно по пути капитализма. „Глубокий смысл нашей политики сотрудничества, — писал один из ее теоретиков Ж. де Брой, — заключается в том, чтобы придать слаборазвитым странам желание отстоять и выразить свои собственные интересы в противовес возможной притягательности коммунизма, которая очень велика, потому что коммунизм является поборником антиколониализма и выдвигает формулы коллективизма, которые могут показаться соблазнительными”¹⁶⁷.

По замыслу теоретиков этой политики она включала различные формы „сотрудничества” Франции и стран „третьего мира”. Прежде всего — экономические, но также культурные и военные, что получило обоснование в ряде официально выдвинутых проектов. Так, проект „франкофонии” предлагал объединить франкоязычные страны вокруг Франции на базе французской культуры и цивилизации, ориентации на западный образ жизни. Один из его авторов, упомянутый Ж. де Брой, заявлял, что члены этого объединения обязаны проявлять „солидарность и совместную ответственность” не только в „защите французского языка, но и в защите судьбы франкоязычных стран”. Он не скрывал, что объединение по признаку общего языка и общей (французской) культуры является лишь средством для достижения политических целей и должно вылиться в конечном счете в создание французской политической ассоциации¹⁶⁸.

Оправдание необходимости использования военных средств удержания молодых государств в орбите французского империалистического влияния содержалось в планах организации так называемого третьего круга французской обороны и „внешних действий”, сформулированных в правительственной „Белой книге” французской обороны, изданной в 1972 году. В соответствии с этими планами предусматривалось выполнение Францией военных обязательств перед франкоязычными государствами Африки,

связанными с ней соглашениями о сотрудничестве, в том числе в области обороны¹⁶⁹.

Разработка политики сотрудничества шла вместе с разработкой глобальной внешнеполитической стратегии французского империализма, целью которой являлось укрепление позиций Франции в современных международных делах. Здесь наряду с антикоммунистическими звучали достаточно четко и антиамериканские настроения. Это было стремление воспрепятствовать попыткам США превратить развивающийся мир в свою вотчину, укрепить международный вес Франции, представив ее в качестве защитницы угнетенных народов. Как отмечал М. Дебрэ, „политика сотрудничества — это и современная форма нашего влияния”, „миссия, соответствующая одновременно нашим интересам и нашим представлениям о роли Франции в завтрашнем мире”¹⁷⁰.

В середине 70-х годов теоретики французской внешней политики оказались перед необходимостью нового переосмысления курса Франции в отношении развивающихся стран. Это объяснялось целым рядом причин внешнего и внутреннего характера. Решающую роль сыграла ситуация в мировом капиталистическом хозяйстве, сложившаяся в результате энергетического кризиса и совпавшая с новой фазой борьбы освободившихся стран за свои права, за деколонизацию, перестройку внешних экономических связей. Развивающиеся страны, отмечал Т. де Монбриаль, „получили возможность играть активную роль в мировых делах и участвовать в определении правил игры. Эти государства поняли, что они обладают крупными возможностями для оказания давления на другие страны”¹⁷¹.

Перед Францией остро встала проблема обеспечения гарантированного и по возможности диверсифицированного снабжения энергосырьем, что требовало новых подходов к развивающимся странам, в первую очередь обладающим нефтью и другим энергетическим сырьем. В этих условиях французские теоретики стали рассматривать развивающиеся страны не столько в региональном, сколько в глобальном масштабе, что нашло выражение в восприятии ими концепции так называемых отношений „богатого Севера” и „бедного Юга”, где в первом случае подразумевались все экономически развитые государства, как капиталистические, так и социалистические, а во втором — развивающиеся. Будучи хотя и ложной, ставящей по одну сторону социалистические и империалистические государства, стирающей принципиальную разницу между их политикой в отношении развивающихся стран, эта концепция в интерпретации французских теоретиков вместе с тем нацеливала Францию не на путь конфронтации с молодыми государствами, а на путь диалога с ними, взаимного поиска путей и средств

строительства нового международного экономического порядка (НМЭП). Последний, как указывал, в частности, Жискар д'Эстен в своей специальной лекции на эту тему в Политехнической школе в октябре 1975 года, должен быть действительно новым, основанным на „мировом консенсусе”, предполагающем отказ от попыток принудить или обмануть кого бы то ни было и являющемся результатом суверенно принятых решений всех участвующих в строительстве НМЭП стран¹⁷².

Разумеется, такой в целом трезвый подход к реорганизации экономических отношений со странами „третьего мира” не отменял попыток затормозить влияние социализма в развивающихся странах. Один из лидеров СФД М. Понятовский писал: „Чтобы избежать дальнейшего обострения развития революционных течений в „третьем мире”, развитые страны должны установить с бедными нациями отношения равенства и сотрудничества, в частности, путем закупки сырья по гарантированным в долгосрочном плане ценам. В таком случае развивающиеся страны, будучи уверенными в своих финансовых ресурсах, смогли бы развернуть широкие программы развития”¹⁷³.

Проявляя чувствительность к проблемам нищеты и неравенства в развивающихся странах, склонность учитывать социально-экономические процессы, протекающие в „третьем мире”, французские теоретики одновременно оправдывали курс „выборочного фаворитизма”, то есть выделения ключевых, лояльных по отношению к Франции развивающихся стран и улучшения отношений в первую очередь с ними. Выражая беспокойство в связи с углублением национально-освободительного движения, которое в поисках новых путей национального развития стало все чаще обращаться к идеям социализма, опыту и помощи Советского Союза и других стран социалистического содружества, французские теоретики нацеливали политику Франции на путь согласованных действий с другими западными странами, а порой и на прямое „разделение труда” в деле защиты империалистических интересов в странах „третьего мира”. В этом плане весьма показательны навешенные идей „трехсторонности” проекты, выдвинутые в уже упомянутом докладе Французского института международных отношений „Безопасность Запада: итоги и рекомендации”. В докладе предлагались создание коллективных сил „быстрого реагирования” империалистических государств, в том числе Франции, и организация ими специальной группы наблюдения преимущественно для зоны развивающихся стран на случай предотвращения угрозы „политической и экономической безопасности Запада”¹⁷⁴.

На практике попытка синтеза новых и старых подходов проявлялась в непоследовательности и противоречивости курса Фран-

ции в „третьем мире” в минувшее десятилетие, когда ее активное стремление взять на себя ответственность за решение глобальных проблем в отношении всего западного мира с развивающимися странами сочеталось с не менее активной поддержкой в них консервативных режимов и политикой интервенционизма в ряде стран Африканского континента.

Во второй половине 70-х годов во французской внешнеполитической мысли все активнее стало заявлять о себе стремление выработать и обосновать альтернативный взгляд на политику Франции в „третьем мире”. Эта тенденция была связана с активностью, которую развернули теоретики ФСП.

Для разработки концепций по вопросам отношений Франции с развивающимися странами французские социалисты привлекли широкий круг демократически мыслящих ученых, что предопределило проникновение идей „тьермондизма” в эти концепции. Отсюда — ставшая для них характерной прежде всего моралистская и гуманистская окраска. Теоретики ФСП говорили о растущей бедности развивающихся стран, о необходимости уважать самые элементарные права человека, о несправедливости нынешнего международного разделения труда. Они предлагали отказаться от неокOLONиалистской практики в отношении африканских стран, прекратить поддержку диктаторских режимов на континенте, исключить любые формы вмешательства, прежде всего военные, увеличить общий объем помощи освободившимся народам. „Необходимо действовать в двух других направлениях, — писал Ф. Миттеран. — Во-первых, установить новые формы сотрудничества, способствующие развитию производства продовольственных культур. Речь идет не об увеличении внешней зависимости стран „третьего мира”, а об эффективной помощи их развитию. Во-вторых, активно участвовать в установлении нового международного экономического порядка как основы более справедливых международных отношений. Диалог Север — Юг ничего не будет значить, если развитые страны не займутся такими вопросами, как отсрочка долгов самых бедных стран, стабилизация цен на сырье, реформа международной валютной системы. Наконец, добавлю, что лучший способ помочь „третьему миру” заключается в изменении нашей модели развития, чтобы наше изобилие не основывалось на их нищете”¹⁷⁵.

В ФСП определились в основном две концепции путей помощи развитию стран „третьего мира” и оптимального характера отношений с ними Франции. Первая концепция („саморазвитие”), автором которой явился известный внешнеполитический теоретик ФСП Ж.-П. Кот, предполагала в качестве основного способа развития мобилизацию внутренних производительных способностей

стран „третьего мира”. В другой концепции („соразвития”), которую отстаивал К. Шейсон, упор делался на рост экспорта в двух направлениях (Франция — „третий мир” и наоборот), в рамках организованного свободного обмена в мировом масштабе.

Тяготение французских специалистов к „тьермондизму” нашло выражение в их тезисе о том, что развивающиеся страны представляют собой часть мира, где „существуют наиболее благоприятные условия для социализма”, что народы этих стран, и прежде всего африканские, способны воспринять „социалистические идеи” и пойти „социалистическим путем”. „В этой зоне бурь, далекой от „обуржуазившегося” рабочего класса „богатых стран”, внутри наций-пролетариев зреет революция нашего времени”¹⁷⁶, — писал один из лидеров ФСП Л. Жоспен. При этом социалисты, разумеется, видели в „третьем мире” опору для реализации своей реформистской модели „демократического социализма”, в которой они намечали пресловутый „третий путь”, пролегающий между традиционной социал-демократией и реальным социализмом.

Исходя из таких взглядов на развивающиеся страны, социалисты провозгласили решительную солидарность с национально-освободительными движениями, что явилось принципиально новым моментом в концептуальном обосновании политики Франции в „третьем мире”. „Долг Социалистической партии сегодня, — говорил Ф. Миттеран, — когда она находится в оппозиции, и завтра, когда некоторые из ее представителей будут входить в правительство, заключается в том, чтобы помогать революционным движениям, борющимся за национальную независимость, повсюду, где это будет возможно”¹⁷⁷. Социалистами особо подчеркивалось, что они не рассматривают „третий мир” через призму упрощенного противостояния между Западом и Востоком. Причиной революции, заявляли они, является бедность и эксплуатация, которой подвергаются эти народы, в политическом плане находящиеся под гнетом безжалостных диктатур. Однако, призывая Запад понять необходимость освобождения народов развивающихся стран от политической и экономической эксплуатации, социалисты подчеркивали, что его сопротивление борьбе этих стран будет способствовать их неизбежному обращению к странам социалистического содружества и в конечном счете — к распространению коммунизма в „третьем мире”.

И хотя, как уже указывалось, после прихода социалистов к власти их политика в отношении стран „третьего мира” стала все более смещаться в сторону прагматичного подхода, отражая во многом преемственность традиционного неокOLONИАЛИСТСКОГО курса Пятой республики, попытки внести в него перемены вызва-

ли в господствующем классе явное и резкое сопротивление. В среде французских теоретиков поднялась волна правых, консервативных выступлений, развернутых под флагом борьбы с „термондизмом“. В этом обнаружилось не только неприятие намеченной социалистами перспективы со стороны определенных кругов буржуазии, но и их реакция на ряд объективных сдвигов, имевших место в развивающихся странах в минувшем десятилетии.

Эти страны вступили в 80-е годы, практически завершив ликвидацию колониальных империй, что подвело итог целой исторической полосе антиколониальной борьбы поработенных народов. Одновременно усилилась антинеоколониальная борьба в Азии, Африке и Латинской Америке, которая стала определяющим направлением национально-освободительного движения. Она находила выражение прежде всего в нарастании и победах в отдельных странах революционных движений, направленных против антинародных, прозападных режимов. Молодые государства значительно активизировали коллективную борьбу против неокolonизма, прежде всего экономического, на основе требований утверждения НМЭП.

В 70-е годы заметно увеличилось число развивающихся стран социалистической ориентации. Расширились и упрочились их связи со странами социализма, которые оказали в ряде случаев действенную помощь революционным правительствам в борьбе с внешней агрессией и внутренней контрреволюцией. Большинство освободившихся стран и в целом движение неприсоединения заняли антиимпериалистические позиции в коренных международных вопросах, активно участвуют в борьбе за мир, против гонки вооружений.

Укрепление самостоятельности и рост международного веса освободившихся стран стали в общемировом масштабе фактором ослабления позиций империализма. В рамках капиталистического мира он содействовал ослаблению доминирующего положения США, подрыву господства ведущих империалистических держав.

Изменилась и внутренняя жизнь освободившихся стран, сложились и окрепли их национальные институты и государственные структуры. Экономический облик немалого числа освободившихся стран все менее стал соответствовать устоявшейся их характеристике как аграрно-сырьевых. В Латинской Америке, Азии, бассейне Тихого океана выделились страны, где сложились солидные индустриальные структуры, а в некоторых — уже и монополистические формы капиталистической собственности.

Фактом исторического значения стал количественный и качественный рост рабочего класса. В начале 80-х годов в развиваю-

щихся странах насчитывалось 180 млн. промышленных и сельскохозяйственных пролетариев, то есть более половины их числа в несоциалистическом мире. Большой шаг вперед сделало рабочее движение. В этих странах существуют 57 коммунистических и около 40 революционно-демократических партий¹⁷⁸.

Поступательный процесс социально-экономических преобразований жизни развивающихся стран и народов вместе с тем встретил немало трудностей. Прежде всего не произошло принципиальных перемен в положении этих стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Они служат его эксплуатируемым придатком. Триллионных размеров достигла их финансовая задолженность империалистическим государствам. Развивающиеся страны остаются самым большим в мире средоточением отсталости, нищеты, обездоленности, голода, неграмотности, ужасающей детской смертности и эпидемий.

Развитие освободившихся стран продемонстрировало, что даже при наличии огромных антиимпериалистических резервов никакой гарантированной, „автоматической” революционности там не существует. В ряде стран произошло перерождение прогрессивных режимов, ослабили позиции патриотических, демократических группировок, а в иных случаях у власти оказались буржуазные и пробуржуазные, реакционные круги. Они стремятся узурпировать плоды независимости, использовать ее для упрочения и наращивания своих социальных привилегий, усиленной эксплуатации масс.

Противоречивый и неоднозначный характер развития стран „третьего мира” стал поводом для различного рода спекуляций правых, консервативно мыслящих теоретиков (Ж.-Ф. Ревель, К. Малюрэ, Р. Брауман, М. Гийу и др.), сплотившихся вокруг созданного ими в январе 1985 года фонда „Свобода без границ”, в основе идейной платформы которого лежат проамериканские консервативные концепции.

Подвергая резкой критике „романтические”, „революционные”, по их словам, иллюзии „тьермондистов”, правые теоретики утверждают, будто большинство стран и народов „третьего мира” ничего не выиграло от независимости. Неоколониализм, считают они, явление надуманное, „марксистский миф”. Все несчастья освободившихся стран происходят якобы по их собственной вине — от „несовершенств” отсталого общества, его природы, неспособности или нежелания молодых государств воспринять западные ценности и институты, без которых „немыслим” никакой прогресс. Давая негативную характеристику национально-освободительным движениям, консерваторы выдвигают тезис об их бесперспективности и даже отрицательном влиянии на судьбы „третьего

мира". Тем самым они пытаются снять с империализма ответственность за то тяжелое наследие, которое они оставили освободившимся странам.

Они встают на защиту колониализма, пытаются доказать, что он имел прогрессивное значение для бывших колоний и создал порядки более благоприятные для населения, чем новые, которые установили революционные правительства. Консервативные теоретики подвергают ложным трактовкам причины трудностей перехода бывших колоний к самостоятельности, путей преодоления той самой отсталости, неграмотности, племенной вражды, которая якобы была в свое время успешно ликвидирована колонизаторами. Всячески осуждая революционные порядки в освободившихся странах, они изображают их как „нарушение прав человека", клеветнически утверждают, что эти страны являются источниками международного терроризма.

Консервативные теоретики отвергают требования развивающихся стран установить справедливый международный экономический порядок, которые воспринимаются ими как попытки „экономического удушения" Запада.

Еще большую тревогу у них вызывает социалистическая ориентация некоторых государств, в которой они усматривают вызов безопасности „свободного мира". Консерваторы игнорируют внутренние социальные истоки и самостоятельный характер революционно-освободительных движений в развивающихся странах, объявляют их разновидностью „советской стратегии охвата" Запада, результатом происков советского „тоталитаризма". Медленно, но верно тоталитарная система расширяет свое доминирование в мире. Подчинив Вьетнам, Кампучию, Лаос, Эфиопию, Анголу, Южный Йемен и Афганистан, она угрожает Сальвадору, Аргентине, Таиланду. „Главная угроза, которая сегодня нависла над свободой, — это советский империализм"¹⁷⁹, — говорится в одном из документов французских „консерваторов". Приписывая СССР никогда не выдвигавшиеся им цели, консервативные теоретики, наоборот, в привлекательном свете изображают французскую политику интервенционизма в африканские страны.

Исходя из подобных оценок и требуя „покончить с рыданиями белого человека" и „комплексом бывшего колонизатора", консерваторы выдвигают программу, направленную против освободительных движений. Ее исходным пунктом является рекомендация сделать ставку на размывание государственного сектора там, где он есть, поощрение местной, профранцузски настроенной буржуазии, поддержку стихии свободного рынка. Экономическое развитие „третьего мира" они отождествляют с распространением и укреплением частного предпринимательства. Его главной движущей

щей силой объявляются транснациональные корпорации, а шансы на успех считаются тем выше, чем меньше государственное вмешательство в экономику.

„Деятельность ТНК следует признать законным двигателем развития стран Юга”, сотрудничая с которыми „необходимо уменьшить влияние государства и увеличивать частное предпринимательство”¹⁸⁰, — таково мнение эксперта ОПР профессора Парижского университета М. Гийю. По его словам, тезис „тьермондистов” об эксплуатации ТНК развивающихся стран является „выдумкой”, которой следует противопоставить тезис о свободном движении капиталов как основе сотрудничества капиталистических и развивающихся стран. При этом, подчеркивает Гийю, эти страны должны создать благоприятный климат для частного предпринимательства.

Предлагая углубить экономическое и политическое проникновение в „третий мир”, консервативные теоретики рекомендуют вернуться к практике выборочного „фаворитизма”, сделав упор на помощь странам, сохранившим тесные связи с Францией, к практике выборочного „фаворитизма”, „не распылять силы по всему миру”, „давать привилегии истинным друзьям и не ставить их на одну доску со странами, которые открыто действуют против нас на международных форумах”¹⁸¹.

Наконец, составной частью рекомендуемого ими внешнеполитического курса является активное использование военно-силовых методов, интервенционизма в „третьем мире”, предполагающих в необходимых случаях согласованные действия в рамках Атлантического союза. Одновременно рекомендуется, чтобы Франция помогла создать „африканские силы вмешательства”, чтобы „противостоять переворотам, порождаемым диктаторскими режимами, которые поддерживают марксистские страны”¹⁸².

Под воздействием наступления консерваторов „тьермондисты” оказались вынужденными признать кризис своих концепций. При этом одна часть теоретиков перешла на сторону консерваторов, другая, оставаясь на леворадикалистских и прогрессистских позициях, ищет путь к обновлению „тьермондизма”. При этом последние безоговорочно отвергают истолкование развития „третьего мира” как продвижения к капитализму и вполне обоснованно отмечают прямую связь между экономической отсталостью и неокOLONиалистской эксплуатацией. Главная ответственность за плачевное состояние дел в развивающихся странах они возлагают на ТНК, стремящиеся переложить на плечи освободившихся государств тяготы экономического кризиса капитализма, решить его проблемы за счет эксплуатации стран „третьего мира”. Будучи порой активными и последовательными противниками духовных

и материальных ценностей „свободного мира”, они, однако, оказываются необъективными в оценке возможностей для развивающихся стран социалистической альтернативы и потому строят новые иллюзорные концепции. Так, некоторые теоретики „тьермондизма” (Р. Дюмон) идеализируют традиционное общество, доколониальные ценности и обычаи, предлагая вернуться к ним назад, а уже потом продвигаться вперед. Другие (Э. Жув) ищут выход из трудностей развивающихся стран на путях совершенствования правовых основ современного мирового порядка, выработки новых этических норм и т. п.¹⁸³

В условиях полемики между „тьермондистами” и „антитьермондистами” ряд исследователей пытаются выработать „сбалансированные концепции”. Они подвергают критике „фанатиков экономического либерализма”, их доктрины „рыночного хозяйства” и „свободы предпринимательства”, которые стремятся навязать развивающимся странам консервативно мыслящие теоретики. Они не приемлют авторитарные, деспотичные, военно-диктаторские режимы, мешающие развитию необходимой массовой опоры и влекущие за собой стагнацию и регресс. Страдания, нищета и отчаяние „третьего мира” эти теоретики склонны объяснять несправедливым механизмом разделения общественного труда и потому выступают за пересмотр сложившегося международного экономического порядка.

Однако при этом под видом заботы о решении действительно острых, порой трагических проблем развивающихся стран некоторые авторы, по сути дела, ставят на первое место интересы империализма. Примером тому может служить точка зрения одного из видных теоретиков французской политики в отношении „третьего мира” — Э. Пизани. По его мнению, развитие малых и независимых государств может быть успешным лишь при условии, если оно будет происходить под эгидой ЕЭС, путем расширения взаимного сотрудничества и при максимальном использовании западноевропейского опыта. Необоснованно принижая роль и значение государства в развивающихся странах, Пизани подчеркивает, что не оно, а непосредственно само „гражданское общество” должно стать прямым участником международного экономического сотрудничества, получателем помощи от ЕЭС, главной силой, направляющей и осуществляющей развитие.

„Прямая связь” наднациональных органов ЕЭС с „гражданским обществом” в развивающихся странах, минуя национальное государство, за что ратует Пизани, в действительности может быть не чем иным, как основой коллективного неокOLONиализма, обеспечивающего формирование наиболее подходящих с точки зрения западноевропейского капитала социальных структур

по образу и подобию стран Запада. Таким путем возможно одновременное достижение двух неокOLONиалистских целей: усиления зависимости социально-экономического развития освободившихся государств от согласованной в рамках Общего рынка стратегии и расширения масштабов неравноправных для них хозяйственных связей с членами ЕЭС.

Образцом нового подхода к сотрудничеству между развитыми и развивающимися странами Э. Пизани изображает Ломейскую конвенцию, которая на практике разделяет развивающиеся страны на участников этой конвенции и оставшихся за ее пределами, наносит ущерб национальному суверенитету этих стран, подрывает их возможности самостоятельного, прогрессивного экономического и социального развития. Подчеркивая имеющиеся различия между цивилизациями развитых капиталистических и развивающихся стран, французский исследователь, по существу, рекомендует закрепить эти различия. Он ориентирует молодые государства на преимущественное развитие сельского хозяйства, выражая отрицательное отношение к их индустриализации, навязывая им тем самым своеобразное „альтернативное” развитие, обрекающее их фактически на все большее технологическое отставание и усиление зависимости от поставщиков промышленной продукции¹⁸⁴.

Разумеется, такие рекомендации не способствуют решению реальных проблем, стоящих перед молодыми государствами. Ничего общего они не имеют с принципами справедливого международного экономического порядка. Их цель — сохранить за империализмом доминирующие позиции и возможность продолжения неокOLONиальной эксплуатации освободившихся государств, которые по-прежнему должны составлять зависимую периферию капитализма.

Справедливой является такая регламентация международных отношений, которая бы исключала грабеж бедных богатыми. Для этого, подчеркивается в документе „О преодолении слабо-развитости и установлении нового международного экономического порядка”, принятом на состоявшемся в мае 1987 года в Берлине совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, „настоятельно требуются коренные изменения политического мышления и международной практики”¹⁸⁵. Неспособность или нежелание учесть это требование делает безуспешными попытки французских теоретиков дать отпор консервативным тенденциям во французской внешнеполитической мысли, создать в ней влиятельный полюс здравого реалистического подхода к насущным потребностям и интересам развивающихся стран.

В ходе развернувшейся во Франции во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов идейно-теоретической дискуссии по вопросам внешней политики в позициях большинства французских теоретиков обозначился значительный сдвиг вправо. Его выражением стали превалирующие в их внешнеполитических концепциях установки на ужесточение подхода к СССР, укрепление империалистической солидарности, сохранение ядерного оружия в качестве незыблемой основы как национальной, так и международной безопасности.

В условиях переломной ситуации, сложившейся в мировой политике, когда остро встал вопрос, сможет ли человечество уйти от ядерной опасности или верх возьмет политика конфронтации, ведущая к повышению вероятности ядерного конфликта, подобные установки являются недальновидными и опасными. Они ориентируют Францию на проведение международного курса, чреватого угрозой нанести ущерб не только ее национальным интересам, но и делу сохранения мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современной французской внешнеполитической мысли приводит к выводу, что она значительно отстает от объективных политических процессов современности, в значительной мере живет и питается теориями и концепциями, не соответствующими объективным потребностям, порожденным нынешним этапом развития международной обстановки.

Однако, как уже указывалось, рассмотренные теории и концепции не исчерпывают всего спектра идейно-теоретических представлений о международных отношениях и внешней политике, которые существуют сегодня во французском обществе, и не во всем выражают реальное состояние его внешнеполитического сознания. Особенность развития теоретической мысли во Франции состоит в том, что оно всегда протекало не только в условиях чрезвычайно острой борьбы с участием всех классов, политических партий и общественных организаций, но и в обстановке ожесточенного противоборства двух идеологий современности — буржуазной и марксистской. В происходивших во Франции идейно-теоретических дискуссиях по внешнеполитическим вопросам, как ни в какой другой стране капиталистического мира, всегда громко звучал голос коммунистов, прогрессивных, демократических сил. Опыт истории не раз свидетельствовал, что в ряде случаев их вес и авторитет в борьбе вокруг внешней политики оказывался решающим.

Ярким выражением деятельности этих сил сегодня является развернувшееся в стране антивоенное движение. Оно все более набирает силу, в него вовлекаются новые слои французского общества — военнослужащие, деятели науки и культуры, работники государственных учреждений и др.

Авангардную роль в борьбе французских сторонников мира и разоружения играет Французская коммунистическая партия. Свой вклад в эту борьбу она вносит как своей поддержкой действий сторонников мира, так и непосредственно своей деятельно-

стью. Коммунисты основывают ее на научном, марксистском анализе, ведут интенсивную теоретическую разработку вопросов внешней политики. Эти вопросы активно обсуждались в дискуссиях на XXIII–XXV съездах партии, последующих пленумах ЦК ФКП. Большое место они занимают в выступлениях Генерального секретаря ФКП Ж. Марше и других членов руководства партии. Активную работу в области внешней политики ведет партийная печать — газета „Юманите“, журнал „Каие дю коммунизм“. Теоретическую разработку международных вопросов осуществляет Институт марксистских исследований при ЦК ФКП, издающий журнал „Решерш интернасьональ“.

Концепция роли Франции в мире, которую выдвигает ФКП, предполагает проведение страной независимой внешней политики, в том числе эффективной политики национальной обороны, направленной на решительный отказ от подчинения внешнеполитического курса Франции стратегии НАТО, на ее активное содействие заключению договоров о сбалансированном и контролируемом разоружении, ликвидации всех ядерных вооружений к 2000 году, на продолжение и расширение общеевропейского сотрудничества в различных областях, на приведение в действие всех резервов и возможностей для развития сотрудничества между Францией и СССР. „Речь идет о борьбе против любого иностранного господства, о восстановлении позиций и авторитета Франции, о ее действиях на стороне всех народов, борющихся за разоружение и развитие”¹, — подчеркивал на XXV съезде ФКП Генеральный секретарь ФКП Ж. Марше.

Стремлением к тому, чтобы Франция активно участвовала во всем, что может способствовать международной разрядке и разоружению, продиктованы предложения, выдвинутые в специальном заявлении Политбюро ЦК ФКП от 20 января 1987 г. „Национальная оборона на службе Франции”. ФКП, указывается в документе, с большим вниманием относится к вопросам обеспечения национальной безопасности, отнюдь не поддерживает одностороннего разоружения Франции. Однако Франция не должна принимать участия в гонке по созданию еще более совершенных и многочисленных и смертоносных ядерных вооружений. ФКП также решительно выступает против милитаризации космоса, под какими бы предложениями она ни осуществлялась, будь то „стратегическая оборонная инициатива” или же „европейская оборонная инициатива”. Доводы о том, что реализация этих программ якобы будет способствовать ускорению научно-технического прогресса, не только не имеют под собой какой-либо реальной почвы, но и просто опасны. Этим планам надо противопоставить широкое международное сотрудничество в освоении космического пространства.

Французские коммунисты, подчеркивается в заявлении, полны решимости и впредь вносить свой весомый вклад в дело обеспечения разрядки международной напряженности и достижение всеобщего разоружения².

Реакционные круги предпринимают попытки ослабить и дискредитировать антивоенное движение во Франции и роль в нем французских коммунистов. Против них постоянно ведется „идеологическая война“, развязанная правыми силами. Однако новое политическое мышление, хотя и с трудом, но пробивает себе дорогу во Франции. Показательны результаты проведенных в первой половине 1987 года опросов французской общественности: 85 % французов высказались за активное участие Франции в обсуждении проблем разоружения; 55 — считают, что страна не должна начинать производство новых видов вооружений; 44 % считают, что новые советские предложения представляют собой шанс, который надо использовать для освобождения Европы от ядерного оружия³.

Заметные изменения происходят и в оценке внешней и внутренней политики Советского Союза. Так, по сравнению с опросом в 1985 году число людей, положительно оценивающих внешнюю политику СССР, возросло вдвое. Лишь 30 % считает, что угроза исходит от Советского Союза, который 57 % французов в 1983 году считали государством, наиболее угрожающим миру. Что же касается угрозы для самой Франции, то лишь 19 % придерживается мнения, что эта угроза исходит с Востока. 37 % французов позитивно оценивают происходящие в Советском Союзе перемены⁴.

Происходящие сдвиги в настроениях французской общественности свидетельствуют о наличии предпосылок для ограничения негативных тенденций во внешнеполитическом мышлении правящих кругов современной Франции, для преодоления им стереотипов и догм, унаследованных от безвозвратно ушедшего прошлого, для развития в нем новых, адекватных реальностям ядерной эпохи теоретических и концептуальных подходов к решению острых международных проблем современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. — М., 1986. — С. 20, 21.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 258 — 259.

Глава I

- ¹ International Studies in Six European Countries. A Report to the Ford Foundation. — N. Y., 1976. — P. 39 — 40.
- ² Duhamel A. Le complexe d'Asterix: Essai sur le caractere politique des français — P., 1985. — P. 110.
- ³ См. подробнее Франция. — М., 1973; Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе. — М., 1979; Бирибаум П., Барук Ш., Беллэш М., Марие А. Французский правящий класс. — М., 1981; Крылова И. С. Аппарат государственного управления современной Францией. — М., 1982.
- ⁴ См. подробнее Грацианский П. С. Политическая наука во Франции. Критические очерки. — М., 1975.
- ⁵ Gouvernement and opposition. — Vol. 17. — No 17. — L., 1982. — P. 429.
- ⁶ Merle M. Les relations internationales comme discipline scientifique dans les universites françaises// Rapport présenté en vue du colloque international "El estudio científico de las relaciones internacionales: presente y futuro". — Mexico. — 1976. — 19 — 23 avr.
- ⁷ См. Leca J. La science politique dans le champ intellectuel français//Revue française de science politique. — Vol. 32. — No 4 — 5. — P., 1982. — P. 653 — 677.
- ⁸ См. Defense nationale. — 1975. — No 10; 1976. — No 7. — P. 151 — 152.
- ⁹ Sur l'état des relations internationales. — P., 1982. — P. 9 — 11.
- ¹⁰ См. Orbis. — 1981 (Fall). — P. 801 — 815; Politique étrangère. — 1980. — No 3. — P. 741 — 746.
- ¹¹ См. Duhamel A. La republique de F. Mitterand. — P., 1982. — P. 102.
- ¹² См. Express. — 1981. — No 1564. — 3 juil. — P. 34.
- ¹³ См. Express. — 1984. — No 1709. — 13 avr. — P. 58 — 59.
- ¹⁴ См. Nouvel observateur. — 1981. — 7 nov.
- ¹⁵ См. Matin. — 1982. — 11 nov.
- ¹⁶ См. Monde. — 1982. — 24 juil. — P. 8.
- ¹⁷ См. Monde. — 1981. — 22 dec.
- ¹⁸ Рабочий класс и современный мир. — 1984. — № 3. — С. 20.
- ¹⁹ См. Dagnaud M., Mehl D. L'élite rose. Qui gouverne? — P., 1982. — P. 16 — 19, 342.

- ²⁰ См. Duhamel A. Op. cit.; Cohen S. La monarchie nucleaire. Les coulisses de la politique etrangere sous la V Republique. — P., 1986. — P. 171.
- ²¹ Деев А. С. Современная Франция: механизм формирования внешней политики. — М., 1985. — С. 37.
- ²² См. Cohen S. Les conseillers des Presidents. — P., 1982.
- ²³ См. Politique etrangere. — 1985. — No 4. — P. 975 — 985.
- ²⁴ См. Defense nationale. — 1978. — No 3. — P. 155 — 158.
- ²⁵ Revue de droit publique et science politique. France et etranger. — 1977. — No 2. — P. 382.
- ²⁶ См. The Defense Policies of Nations. A comparative study / Ed. by I. Douglas Murray and Paul R. Viotti. — Baltimore — London, 1982. — P. 244.
- ²⁷ См. Деев А. С. Указ. соч. — С. 70.
- ²⁸ См. Cosmopolitique. — 1986. — No 1. — P. 107, 111.
- ²⁹ См. Revue francaise de science politique. — 1982. — No 6. — P. 1055 — 1077.
- ³⁰ См. Monde. — 1982. — 17 janv. — P. 11.
- ³¹ См. Point. — 1986. — No 739. — 17 nov. — P. 35.
- ³² См. Makkinsky M. Politique etrangere ou relations internationales: les structures sont-elles le vrai probleme? // Strategique. — 1985. — No 14, 15; Makkinsky M. Pour une gestion integree des risques d'environnement international // Defense nationale. — 1985. — No 3.
- ³³ Чернега В. Н. Республиканская партия в политической жизни Франции. 1962 — 1981 гг. — М., 1982. — С. 72.
- ³⁴ См. подробнее Новиков Г. Н. Голлизм после де Голля. — М., 1984; Чернега В. Н. Политическая борьба во Франции и эволюция голлистской партии в 60 — 70-е годы XX в. — М., 1984.
- ³⁵ См. Фадеева Т. М. Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции. — М., 1985.
- ³⁶ См. подробнее Бунин И. М. Объединение в поддержку республики (ОПР) — ведущая партия буржуазной оппозиции (1981 — 1984 гг.) // Французский ежегодник. 1984. — М., 1986. — С. 152 — 169.
- ³⁷ См. Reflexions sur la defense. — P., 1980; Chirac J. Oui à l'Europe. — P., 1984; Politique etrangere. — 1984. — No 3. — P. 673 — 689; Quatre ans de gestion socialiste. Propositions pour le renouveau. — P., 1985.
- ³⁸ См. Giscard d'Estaing V. Democratie francaise. — P., 1978.
- ³⁹ См. Le projet republicain. — P., 1978.
- ⁴⁰ См. Une Doctrine de defense pour la France. — P., 1980. — P. 68; Une Doctrine de defense pour la France: la loi de programmation militaire necessaire à la France en 1983. — P., 1983; Defendre L'Europe. Propositions de l'UDF. — P., 1984; Redresser la defense de la France. — P., 1985.
- ⁴¹ См. Poniatowski M. L'Europe ou la mort. — P., 1984. — P. 255.
- ⁴² См. Giscard d'Estaing V. Deux francais Sur Trois. — P., 1984; Barre R. Reflexions pour demain. — P., 1984.
- ⁴³ См. Monde. — 1986. — 19 — 20 janv. — P. 9.
- ⁴⁴ См. Changer la vie: Programme de gouvernement du parti socialiste. — P., 1972. — P. 249.
- ⁴⁵ См. Monde. — 1974. — 14 mai. — P. 1, 6; 15 mai. — P. 8.
- ⁴⁶ См. Projet socialiste pour la France des annees 80. Parti socialiste. — P., 1981. — P. 380.
- ⁴⁷ См. Cent dix propositions pour la France // Regards sur l'actualite. — 1981. — No 74. — Sept. — Oct. — P. 3 — 9.
- ⁴⁸ См. Monde. — 1981. — 9 oct., 11 dec.; La mission de la France dans le Monde // Non! — P., 1982. — No 14. — P. 40 — 51; Securite et Desarmement.

- Texte adopté pour le Bureau Exécutif au 25 mai. — P., 1982; La sécurité de l'Europe. Texte adopté au bureau exécutif du PS. 26 juin 1985. — P., 1985.
- ⁴⁹ См. Time. — 1984. — 9 apr. — N° 15. — P. 23.
- ⁵⁰ Литературная газета. — 1983. — 30 марта. — С. 9.
- ⁵¹ Monde diplomatique. — 1985. — Mai. — P. 18 — 20.
- ⁵² См. Monde diplomatique. — 1984. — Fevr.
- ⁵³ См. Enjeux. — 1983. — No 4. — Juil.-Août.
- ⁵⁴ См. Monde diplomatique. — 1984. — Fevr.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ См. Express. — 1983. — No 1689. — 25 nov. — P. 54 — 59.
- ⁵⁷ Express. — 1982. — No 1635. — 5 — 11 nov. — P. 89.
- ⁵⁸ См. Orbis. — 1981. — P. 814.
- ⁵⁹ См. World politics. — 1982. — N° 1. — P. 35 — 149.
- ⁶⁰ См. Revue française de science politique. — 1984. — No 3. — P. 403 — 427.
- ⁶¹ См. Revue française de science politique. — 1982. — No 4 — 5. — P. 653 — 677.

Глава II

- ¹ См. Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. — М., 1976.
- ² См. Giscard d'Estaing V. Democratie française. — P. 37.
- ³ См. подробнее Кон И. С. Позитивизм в социологии. — М., 1964. — Гл. IV.
- ⁴ См. подробнее Таран Л. „Теория” исторического синтеза Анри Берра// Французский ежегодник. 1968. — М., 1970. — С. 362 — 375; Гобозов И. А. Современная французская буржуазная философия истории. — М., 1978; Соколова М. Н. Современная французская историография. — М., 1979.
- ⁵ См. подробнее Луковская Д. И. Социологическое направление во французской теории права. — Л., 1972; Даниленко В. Н. О становлении и развитии буржуазной политической науки во Франции// Правоведение. — 1971. — № 1; Грацианский П. И. Политическая наука во Франции. — М., 1975.
- ⁶ См. Сэв Л. Современная французская философия. — М., 1968. — С. 277.
- ⁷ Giscard d'Estaing V. Op. cit. — P. 42.
- ⁸ Hamon L. Acteurs et données de l'Histoire. — Т. 1. — P., 1970. — P. 31.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 327.
- ¹⁰ Система, структура и процесс развития современных международных отношений. — М., 1984. — С. 34.
- ¹¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. — Т. 1. — М., 1956. — С. 520.
- ¹² Revue française de science politique. — 1952. — No 4. — P. 680.
- ¹³ См. Aron R. De l'analyse des constellations diplomatiques//Revue française de science politique. — 1954. — No 2; Aron R. Qu'est-ce qu'une théorie des relations internationales?//Revue française de science politique. — 1967. — No 5; Aron R. Paix et guerre entre les nations. — P., 1962; Aron R. République impériale. — P., 1973; Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. — Vol. I — II. — P., 1976; Aron R. Le spectateur engagé. — P., 1981; Aron R. Les dernières années du siècle. — P., 1984.
- ¹⁴ См. подробнее Зуева К. П. Вопреки духу времени. — М., 1979. — С. 136; Араб-Оглы Э. Раймон Арон в зеркале и „зазеркалье” своих мемуаров// Мировая экономика и международные отношения. — 1984. — № 8. — С. 114 — 131 (далее: МЭ и МО).
- ¹⁵ Aron R. Paix et guerre. — P. 99.

- ¹⁶ Ibid. — P. 263.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 390.
- ¹⁸ См. *Revue française de science politique*. — 1967. — No 5. — P. 845.
- ¹⁹ О всестороннем анализе этих проблем см. Томашевский Д. Г. Ленинские идеи и современные международные отношения. — М., 1971.
- ²⁰ Aron R. Paix et guerre. — P. 36.
- ²¹ См. Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. — М., 1976. — С. 14.
- ²² Aron R. Paix et guerre. — P. 103.
- ²³ См. Aron R. Les dernières années du siècle. — P. 17 — 62.
- ²⁴ Ibid. — P. 44.
- ²⁵ Aron R. Paix et guerre. — P. 343.
- ²⁶ Ibid. — P. 158.
- ²⁷ Aron R. La république impériale. — P. 263.
- ²⁸ Ibid. — P. 153.
- ²⁹ Aron R. Penser la guerre. — P. 263.
- ³⁰ Aron R. Paix et guerre. — P. 680.
- ³¹ О творчестве Ренувена и его трудах см. подробнее Halperin S. W. Pierre Renouvin//Essays in Modern European Historiography. — Chic., 1970. — P. 243 — 265; Таран Л. В. Пьер Ренуven как историк международных отношений// Питание новой та повинной сторі. — Вып. II. — Киев, 1970. — С. 98 — 107; Duroselle J.-B. Pierre Renouvin et la science politique//Revue française de science politique. — 1975. — No 3. — P. 565 — 575; Histoire des relations internationales. — Т. I — VII. — P., 1953 — 1957.
- ³² См. подробнее Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектизма. Французская историческая школа „Анналов” в современной буржуазной историографии. — М., 1980. — С. 228; Соколова М. И. Указ. соч.; Гобозов И. А. Указ. соч.
- ³³ Renouvin P., Duroselle J.-B. Introduction à l'histoire des relations internationales. — P., 1964. — P. 155.
- ³⁴ L'Encyclopedia Universalis. — Vol. IX. — P., 1971. — P. 23 — 26.
- ³⁵ Renouvin P., Duroselle J.-B. — Op. cit. — P. 454.
- ³⁶ См. Антохина-Московченко В. И., Эпштейн А. Д. История международных отношений /Под общей ред. П. Ренувена. — Т. I — IV. — Париж, 1953—1955//Новая и новейшая история. — 1957. — № 1. — С. 156 — 164; Бovyкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. — М., 1961. — С. 15 — 23; Виноградов К. Б. Историография первой мировой войны. — М., 1962. — С. 170 — 174, 309 — 318.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 21.
- ³⁸ *Revue historique*. — TCCXI. — 1954. — Avr. — P. 233 — 255.
- ³⁹ См. *Affari esteri*. — 1973. — No 17. — P. 41.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 159.
- ⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 306.
- ⁴² См. Renouvin P., Duroselle J.-B. Op. cit. — P. 454.
- ⁴³ Duroselle J.-B. Tout empire périt. — P., 1982. — P. 34.
- ⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 3.
- ⁴⁵ Renouvin P., Duroselle J.-B. Op. cit. — P. 292.
- ⁴⁶ Ibid. — P. 292.
- ⁴⁷ Ibid. — P. 226.
- ⁴⁸ Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. — М., 1964. — С. 35.
- ⁴⁹ См. Renouvin P., Duroselle J.-B. Op. cit. — P. 328.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 349.
- ⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 622.

- ⁵² Revue des travaux de l'Academie des sciences morales et politiques. — 123 années. — 4 serie. — 1970. — 2 semestre. — P. 184.
- ⁵³ См. Duroselle J.-B. L'Europe de 1815 à nos jours. — P., 1964. — P. 227 — 230.
- ⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 25.
- ⁵⁵ См. подробнее Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. — М., 1981.
- ⁵⁶ См. Duroselle J.-B. Tout empire. — P. 42.
- ⁵⁷ См. Международные конфликты современности. — М., 1983. — С. 35 — 46.
- ⁵⁸ См. Revue française de science politique. — 1969. — No 4. — P. 834.
- ⁵⁹ Проблемы войны и мира. — М., 1967. — С. 185 — 186.
- ⁶⁰ См. Revue française de science politique. — 1964. — No 6.
- ⁶¹ Петровская Л. А. Критика новейшей политики милитаризма. — М., 1970. — С. 11, 12, 22.
- ⁶² См. Merle M. Sociologie des relations internationales. — P., 1974. — P. 137.
- ⁶³ Поздняков Э. А. Указ. соч. — С. 31.
- ⁶⁴ Merle M. Op. cit. — P. 142.
- ⁶⁵ См. Merle M. La politique étrangère. — P., 1984.
- ⁶⁶ См. Поздняков Э. А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. — М., 1986. — С. 190.
- ⁶⁷ См. Debray R. La puissance et la rêve. — P., 1984.
- ⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 5. — С. 276.
- ⁶⁹ Debray R. — Op. cit. — P. 312.
- ⁷⁰ Beaufre A. Introduction à la strategie. — P., 1963. — P. 16.
- ⁷¹ См. Poirier L. Essais de strategie theorique. — P., 1981; Les voix de la Strategie. — P., 1985. — P. 11 — 120.
- ⁷² Poirier L. — Op. cit. — P. 108.
- ⁷³ NATO's Fifteen Nations. — 1965. — Oct. — Nov. — P. 48.
- ⁷⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 353.
- ⁷⁵ Poirier L. Des strategies nucleaires. — P., 1977. — P. 56.
- ⁷⁶ Aron R. Le grand debat. — P., 1964. — P. 214.
- ⁷⁷ Poirier L. Des strategies nucleaires. — P. 133.
- ⁷⁸ Ibid. — P. 238.
- ⁷⁹ Ibid. — P. 132.
- ⁸⁰ Петровский В. Ф. Доктрина национальной безопасности в глобальной стратегии США. — М., 1980. — С. 175 — 176.
- ⁸¹ Poirier L. Des strategies nucleaires. — P. 132 — 133.
- ⁸² Aron R. Paix et guerre. — P. 403.
- ⁸³ Aron R. Le grand debat. — P. 67.
- ⁸⁴ Aron R. Paix et guerre. — P. 413.
- ⁸⁵ Braillard Ph. Theories des relations internationales. — P., 1977. — P. 130.
- ⁸⁶ См. Beaufre A. Strategie de l'action. — P., 1966.
- ⁸⁷ См. Schelling Th. C. Arms and Influence. — New Heaven — London, 1966.
- ⁸⁸ См. Доронина Н. И. Международный конфликт. — М., 1981. — С. 77.
- ⁸⁹ См. Международные конфликты современности. — М., 1983.
- ⁹⁰ См. Beaufre A. La guerre revolutionaire. — P., 1972.
- ⁹¹ См. Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. — Vol. II. — P. 137 — 138, 266.
- ⁹² Ibid. — P. 132.
- ⁹³ См. Современные буржуазные теории международных отношений. — М., 1976. — С. 330 — 331.
- ⁹⁴ См. Revue française de science politique. — 1969. — No 4; 1971. — No 4.
- ⁹⁵ Point. Numero special. Defense. — 1985. — Avr. — P. 97.
- ⁹⁶ Poirier L. Essais de strategie theorique. — P., 1982. — P. 322.

- ⁹⁷ Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. — М., 1976. — С. 155.
- ⁹⁸ См. Cot J.-P. Critical Remarks on John Burton's Paper on Resolution of Conflict with Special Reference to the Cyprus Conflict//International Studies Quarterly. — 1972. — № 1. — March. — P. 31 — 39.
- ⁹⁹ Pouvoirs. — 1980. — No 15; Plantey A. La Negociation internationale. — P., 1980; Dupont Ch. La Negociation. — P., 1982.
- ¹⁰⁰ Plantey A. — Op. cit. — P. 21.
- ¹⁰¹ Bouthoul G., Carrère R., Annequin J.-L. Guerres et civilisations. — P., 1980. — P. 18; Le defi de la guerre (1740 — 1974). — P., 1976.
- ¹⁰² Duroselle J.-B. Tout empire. — P. 16.
- ¹⁰³ Guerres et civilisations. — P. 16; Bouthoul G. La Paix. — P., 1974; Essais de polemologie. — P., 1971.
- ¹⁰⁴ Hassner P. Change and Security in Europe//Adelphi Papers. — 1968. — No 45, 46; Perroux Fr. La coexistence pacifique. — P., 1958.
- ¹⁰⁵ Montbrial T. de. La revanche de l'histoire. — P., 1984. — P. 94 — 95.
- ¹⁰⁶ Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. — С. 89 — 90.
- ¹⁰⁷ Montbrial T. de. Op. cit. — P. 97.
- ¹⁰⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — С. 21.

Глава III

- ¹ См. 1985 — La France face au choc du futur. — P., 1972. — P. 1982.
- ² См. Leca J. La science politique dans le champ intellectuel français//Revue française de science politique. — Vol. 32. — No 4 — 5. — P., 1982. — P. 653 — 677.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 526.
- ⁴ См. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. — М., 1972; Антипина-Московченко В. И. Шарль де Голль//Новая и новейшая история. — 1971. — № 3 — 5; Grosser A. Affaires exterieures. — P., 1984. — P. 155; La politique étrangère du general de Gaulle. — P. U. F. — P., 1985. — P. 207; Politique étrangère. — 1986. — No 1. — P. 93 — 106.
- ⁵ Голль Ш. де. Военные мемуары. Пер. с франц. — Т. 1. — М., 1957. — С. 29.
- ⁶ МЭ и МО. — 1973. — № 9. — С. 146.
- ⁷ Kissinger H. The Troubled Partnership. — N. Y. — London — Toronto, 1966. — P. 44.
- ⁸ Цит. по: Kolodzei E. A. French International Policy under de Gaulle and Pompidou. — N. Y. — London, 1974. — P. 46.
- ⁹ Defense nationale. — 1975. — Mars. — P. 40 — 41.
- ¹⁰ Славенов В. П. Внешняя политика Франции. 1974 — 1981. — М., 1981. — С. 125.
- ¹¹ Gaulle Ch. de. Discours et messages. — Vol. III. — P., 1971. — P. 129.
- ¹² Gaulle Ch. de. Op. cit. — Vol. IV. — P. 96.
- ¹³ См. Defense nationale. — 1967. — Dec. — P. 1923 — 1932.
- ¹⁴ Gaulle Ch. de. Op. cit. — Vol. III. — P. 134.
- ¹⁵ Defense nationale. — 1963. — Mai. — P. 761.
- ¹⁶ Gaulle Ch. de. Op. cit. — Vol. V. — P. 105.
- ¹⁷ Jobert M. Memoires d'avenir. — P., 1974. — P. 22.
- ¹⁸ См. Defense nationale. — 1969. — Mai. — P. 755 — 767.
- ¹⁹ См. Livre blanc sur la defense nationale. — Vol. I. — P., 1972.
- ²⁰ См. Ruehl L. La politique militaire de la V Republique. — P., 1976. — P. 231.

- ²¹ См. Франция. — М., 1982. — С. 19.
- ²² См. подробнее Чернега В. Н. Республиканская партия в политической жизни Франции (1962 — 1981). — М., 1982. — С. 101 — 111.
- ²³ Les politiques extérieures européennes dans la crise. — P., 1976. — P. 113; о внешней политике В. Жискара д'Эстена см. также La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estaing. — P., 1985; Politique étrangère. — 1986. — No 1. — P. 115 — 180.
- ²⁴ Monde. — 1974. — 22 — 23 dec.
- ²⁵ Monde. — 1976. — 1 — 2 janv.
- ²⁶ Giscard d'Estaing V. La démocratie française. — P. 162.
- ²⁷ Studia diplomatica. — 1976. — No 4. — P. 461.
- ²⁸ См. Чернега В. Н. Указ. соч. — С. 102.
- ²⁹ Hoffmann S. Sur la France. — P., 1976. — P. 27.
- ³⁰ Цит. по: Fourniere X. M. Giscard d'Estaing et nous. — P., 1976. — P. XXX.
- ³¹ Studia diplomatica. — 1976. — No 4. — P. 460 — 463.
- ³² См. Debré M. Français, choisissons nous. — P., 1979. — P. 12, 180.
- ³³ См. Défense nationale. — 1976. — Juin; Défense nationale. — 1976. — Juil.
- ³⁴ Monde. — 1976. — 4 juin.
- ³⁵ См. Yost D. La France et la sécurité Européenne. — P., 1985. — P. 33.
- ³⁶ См. Poirier L. Le deuxième cercle//Monde diplomatique. — 1976. — Juil.
- ³⁷ См. Politique étrangère de la France. Textes et documents. — 1975. — No 2. — P. 127 — 133.
- ³⁸ См. Giscard d'Estaing V. La Démocratie française. — P. 16.
- ³⁹ О внешней политике Ф. Миттерана см. Славенов В. П. Очерки внешней политики Франции (1981 — 1986). — М., 1986; Robin G. La diplomatie de Mitterand ou le triomphe des apparences. — P., 1985; Politique étrangère. — 1985. — No 2; Politique étrangère. — 1986. — No 1.
- ⁴⁰ Monde. — 1983. — 13 mai.
- ⁴¹ Porte A. de. France's New Realism//Foreign Affairs. — 1984. — Autumn.
- ⁴² Défense nationale. — 1984. — Oct.
- ⁴³ Stern. — 1981. — June; Parade. — 1982. — 1 fevr.
- ⁴⁴ См. Point. — 1983. — 23 sept. — P. 43.
- ⁴⁵ Défense nationale. — 1983. — Juin. — P. 21.
- ⁴⁶ Monde. — 1983. — 31 mai.
- ⁴⁷ Monde. — 1986. — 7 mai.
- ⁴⁸ Mitterand F. Reflexions sur la politique extérieure de la France. Introduction à Vingt-cinq discours (1981 — 1983). — P., 1986. — P. 41 — 42.
- ⁴⁹ Славенов В. П. Указ. соч. — С. 290.
- ⁵⁰ См. Boyer Y. French Foreign Policy: Alignment and Assertiveness//Washington Quarterly. — 1986. — Vol. 9. — No 4. — P. 5 — 14.
- ⁵¹ Цит. по: Ibid. — P. 9.
- ⁵² См. Нарочницкая Е. А. Франция: проблема внешнеполитической ориентации в буржуазных кругах страны (80-е годы)//Новая и новейшая история. — 1986. — № 2. — С. 74 — 89.
- ⁵³ См. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. — М., 1972. — С. 453 — 454.
- ⁵⁴ См. Politique étrangère. — 1967. — No 6.
- ⁵⁵ См. Politique étrangère. — 1967. — Janv.
- ⁵⁶ Défense nationale. — 1977. — No 1. — P. 50.
- ⁵⁷ Express. — 1977. — 21 août.
- ⁵⁸ См. Pacifisme et dissuasion. — P., 1983. — P. 17.
- ⁵⁹ Ibid. — P. 13 — 56.
- ⁶⁰ Devillers Ph. Guerre ou paix. — P., 1979. — P. 123.
- ⁶¹ См. Hassner P. Western European Perceptions of the USSR//DAEDALUS. — Vol. 108. — 1979. — No 1. — P. 113 — 150; Carrere d'Encausse H. L'empire

- ecaté. — P., 1978; Le pouvoir confisqué. — P., 1980; Le grand frere. — P., 1983; **Lenine, la revolution et le pouvoir.** — P., 1979; **Staline, l'ordre par le terreur.** — P., 1979; **Le systeme communiste: un monde en expansion.** — P., 1982; **L'Union sovietique dans les relations internationales.** — P., 1982; **Wajzman P.** L'illusion de la detente. — P., 1977; **Aron R.** Le spectateur engagé; **Paris H.** Strategie sovietique et americaine. — P., 1980; **Les fondements doctrinaux de la strategie sovietique.** — P., 1979; **Besancon A.** Court traite de sovietologie à l'usage des autorités civiles, militaires et religieuses. — P., 1976; **Commentaire.** — 1980. — No 9, 11; 1981. — No 13, 14.
- ⁶² **См. Wajzman P.** Op. cit.; **Aron R.** — Op. cit.; **Aron R. Fontaine A.** La detente: mythes ou realités. — **Paradoxes.** — 1982. — No 47; **Après la detente; présenté par H. Carrere d'Encausse et F. le Rose. Pluriel.** — P., 1982.
- ⁶³ **Non!** — 1982. — No 14. — P. 5.
- ⁶⁴ **Aron R.** Le spectateur engage. — P. 232 — 233.
- ⁶⁵ **Chirac J.** Oui à l'Europe. — P., 1984. — P. 61.
- ⁶⁶ **La securité de l'Europe dans les années 80.** — P., 75.
- ⁶⁷ **Wajzman P.** Op. cit. — P. 97.
- ⁶⁸ **Aron R.** Op. cit. — P. 232.
- ⁶⁹ **См. Express.** — 1982. — 10 sept. — P. 91; **Politique internationale.** — 1982. — No 15. — P. 101 — 117.
- ⁷⁰ **См. Monde.** — 1976. — 15 avr.
- ⁷¹ **La securité Européenne.** — P. 37.
- ⁷² **Ibid.** — P. 31 — 32, 36.
- ⁷³ **См. Борисов Ю. В.** СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. — М., 1984; **Славенов В. П.** Указ. соч.
- ⁷⁴ **См. Debray R.** Les empires contre l'Europe. — P., 1985. — P. 531.
- ⁷⁵ **Debat.** — 1985. — Mars. — P. 36.
- ⁷⁶ **Politique internationale.** — No 27. — 1985.
- ⁷⁷ **Montbrial T. de.** La revanche de l'histoire. — P., 1985. — P. 61.
- ⁷⁸ **См. Debray R.** Op. cit. — P. 327.
- ⁷⁹ **Commentaire.** — 1986. — No 34. — P. 255.
- ⁸⁰ **См. Point.** — 1985. — No 663. — 3 juin. — P. 34 — 35; **Monde.** — 1985. — 25 juin. — P. 8; **Express.** — 1985. — No 1769. — Juin; **Express.** — 1985. — No 1760. — Mai.
- ⁸¹ **См. Los Angeles times.** — 1987. — 12 febr.
- ⁸² **См. Pour une nouvelle politique étrangère.** — P., 1986. — P. 8; **Carrere d'Encausse H.** Ni paix, ni guerre. — P., 1986.
- ⁸³ **См. Union sovietique face à l'Europe de l'Ouest: l'ere post-brejnevienne.** — P., 1986. — P., 167 — 168; **Revel J.-F.** Est-Ouest: le double jeu de l'orchestre rouge. — **Point.** — 1986. — No 728. — 1 sept. — P. 42 — 43; **Hamon L., Kosciusko-Morizet J.** Reflexions sur la politique étrangères de la France// **Politique étrangère.** — 1987. — No 1. — P. 175.
- ⁸⁴ **См. Debray R.** Les Empires contre l'Europe. — P., 1985.
- ⁸⁵ **Fontaine A., Li P.** Sortir de l'Hexagonie. — P., 1984. — P. 7.
- ⁸⁶ **Propositions pour la France.** — P., 1977. — P. 245.
- ⁸⁷ **Politique internationale.** — 1978. — No 1. — P. 39.
- ⁸⁸ **См. Уткин А. И.** Доктрина атлантизма и европейская интеграция. — М., 1979. — С. 167 — 168.
- ⁸⁹ **См. Securite de l'Occident: bilan et orientations.** — P., 1981.
- ⁹⁰ **См. Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба.** — М., 1981. — С. 278 — 279.
- ⁹¹ **Strategie.** — 1984. — No 24. — P. 22.
- ⁹² **Defendre L'Europe.** — P., 1984. — P. 3 — 41.
- ⁹³ **См. Quotidien de Paris.** — 1984. — 29 juin.

- 94 Chirac J. Oui à l'Europe. — P., 1984. — P. 67 — 68.
- 95 Sécurité Européenne. — P., 1985. — P. 2 — 3.
- 96 См. *Studia diplomatica*. — 1984. — No 3. — P. 336 — 338.
- 97 См. *Strategique*. — 1985. — No 25. — P. 7 — 28.
- 98 См. Beaufre A. Crises et guerres. — P., 1974. — P. 280. — 314.
- 99 См. Manel M. L'Europe sans defense. — P., 1982. — P. 296.
- 100 См. Aron R. Le spectateur engage. — P. 135.
- 101 *Express*. — 1983. — No 1652. — 11 mars. — P. 116.
- 102 *Politique étrangère*. — 1980. — No 4. — P. 973.
- 103 См. Pigasse J.-P. Le bouclier d'Europe: vers une autonomie militaire de la communauté Européenne. — P., 1982. — P. 286.
- 104 См. Communauté Européenne: declin ou renouveau? — P., 1983. — P. 120.
- 105 См. Sécurité Européenne. — P., 1985. — P. 15 — 16.
- 106 См. *Politique étrangère*. — 1985. — No 4. — P. 961 — 974.
- 107 Quelle strategie Européenne pour la France dans les années 80? — P., 1983. — P. 226.
- 108 *Monde*. — 1983. — 20 oct.
- 109 *Monde*. — 1983. — 31 oct.
- 110 См. Defense de la France. Propositions pour le renouveau RPR. — P., 1985. — Juin. — P. 9.
- 111 См. Redresser la defense de la France. Propositions de l'UDF. — P., 1985. — Nov. — P. 66.
- 112 *Express*. — 1984. — 2 — 8 mars.
- 113 Sécurité européenne. — P. 9.
- 114 См. *Monde*. — 1983. — 4 — 5 dec. — P. 5; Tatu M. Eux et nous. — P., 1985.
- 115 См. Lellouche P. — Op. cit. — P. 282 — 288.
- 116 См. *Politique étrangère*. — 1984. — No 3. — P. 649 — 672; No 4 — P. 933 — 950.
- 117 *Monde diplomatique*. — 1985. — Sept.
- 118 *Politique étrangère*. — 1983. — No 2. — P. 361.
- 119 См. Литературная газета. — 1986. — № 31. — 30 июля. — С. 9.
- 120 *Debat*. — 1985. — Mars. — P. 44 — 45.
- 121 См. Boniface P., Heisbourg F. La puce, les hommes et la bombe. — P., 1985. — P. 262.
- 122 См. *International Herald Tribune*. — 1986. — 29 dec.
- 123 Le couple franco-allemand et la defense de l'Europe. — P., 1986. — P. 319.
- 124 См. *Monde*. — 1987. — 10 mars, 18 avr., 24 avr.; *Politique étrangère*. — 1987. — No 1. — P. 111 — 127.
- 125 *Коммунист*. — 1985. — № 14. — С. 58.
- 126 *Правда*. — 1986. — 26 февр.
- 127 Poirier L. Des strategies nucleaires. — P., 1977. — P. 164.
- 128 *Quotidien de Paris*. — 1974. — 18 sept.
- 129 См. Галлуа П.-М. Стратегия в ядерный век. — М., 1961. — С. 91 — 97.
- 130 См. Poirier L. Essais de strategie théorique. — P., 1982. — P. 220 — 234.
- 131 *Monde diplomatique*. — 1983. — Janv.
- 132 Проектор Д. М. Основы мира в Европе. — М., 1983. — С. 40.
- 133 Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. — Vol. II. — P. 179.
- 134 AEI Foreign Policy and Defense Review. — 1982. — Vol. 4. — No 1. — P. 30.
- 135 Beaufre A. Crises et guerres. — P., 1974. — P. 283.
- 136 *Правда*. — 1987. — 30 мая.
- 137 Lellouche P. L'avenir de la guerre. — P. 260.
- 138 Hamon L. Le sanctuaire desenclavé. — P. 14 — 15.
- 139 См. *Politique étrangère*. — 1985. — No 4. — P. 961 — 973.
- 140 См. *Politique étrangère*. — 1984. — No 3. — P. 649 — 664.

- 141 **См. Beaufre A. Strategie pour demain. — P., 1972.**
- 142 **Redresser la defense de la France. — P., 152 — 156.**
- 143 **Defense nationale. — 1977. — Dec. — P. 46 — 48; 1979. — Dec. — P. 36.**
- 144 **См. Copel E. Vaincre la guerre. — P., 1984.**
- 145 **Politique etrangere. — 1984. — No 2. — P. 421.**
- 146 **Defense nationale. — 1977. — No 1. — P. 40.**
- 147 **Montbrial T. de. La revanche de l'histoire. — P., 1985. — P. 47.**
- 148 **Nouvelle technologie et defense de l'Europe. — P., 1985.**
- 149 **Rose F. de. La strategie des Curiaces. — P., 1983; Foreign affairs. — 1982. — Vol. 61. — No 1. — P. 143.**
- 150 **См. La nouvelle strategie de l'espace. — P., 1984; Felden M. La guerre dans l'espace. — P., 1984; Defense nationale. — 1985. — Mai.**
- 151 **См. Policarpe G. La doctrine de Clausewitz et la guerre des etoiles//Defense nationale. — 1986. — Dec.; Groupe-X-Defense. Les defenses antimissiles, la France et l'Europe. — P., 1986; La defense de la France: 4 ans de gestion socialiste: propositions pour le renouveau. — P. 89.**
- 152 **Newsweek. — 1982. — 17 Mai.**
- 153 **Montbrial T. de. Op. cit. — P. 31.**
- 154 **La securite europeenne. — P. 26.**
- 155 **Ibid. — P. 11 — 12.**
- 156 **Aron R. Penser la guerre. — Vol. II. — P. 165.**
- 157 **Aron R. Les dernieres annees du siecle. — P., 1984. — P. 112.**
- 158 **Tatu M. La bataille des euromissiles. — P., 1983. — P. 61 — 66.**
- 159 **Scientific American. — 1986. No 2. — Aug.**
- 160 **Материалы XXVII съезда КПСС. — С. 64.**
- 161 **См. Sanguinetti A. La vertige de la Force. — P., 1984; Defense and dissent in Contemporary France. — L. — N. Y., 1984; Pacifisme et dissuasion.**
- 162 **См. Beaufre A. Strategie pour demain; Brossolet G. Essai sur la non-bataille. — P., 1975.**
- 163 **Principes de dissuasion civique. Cahier d'etudes strategiques de CIRPES. — P., 1985. — No 6. — Janv.**
- 164 **Подробнее см. Коренчук Е. Г. Идеология экспансии французского неокolonialизма в Тропической Африке (1958 — 1972 гг.). — М., 1979; Черкасов П. П. Распад колониальной империи Франции. — М., 1985; Гаврилюк В. В. Распад французской колониальной империи. — М., 1962.**
- 165 **Revue politique et parlementaire. — 1960. — No 704. — P. 37.**
- 166 **Цит. по: Гаврилюк В. В. Указ. соч. — С. 188.**
- 167 **Journal officiel de la Republique francaise. Debats parlament. Senat. La seance du 5 novembre 1963. — P., 1963. — No 86. — P. 2262.**
- 168 **Monde. — 1967. — 5, 6 nov.**
- 169 **См. Livre blanc sur la defense nationale. — T. 1. — P., 1972.**
- 170 **Debre M. Au service de la nation. — P., 1963. — P. 178.**
- 171 **Foreign affairs. — Vol. 54. — 1975. — No 1. — P. 62.**
- 172 **См. Славенов В. С. Указ. соч. — С. 149 — 152.**
- 173 **Poniatowski M. Cartes sur tables. — P., 1972. — P. 214.**
- 174 **La securite de l'occident. — P. 57 — 82.**
- 175 **Manceron Cl., Pingaud B. F. Mitterand: L'homme, les idees, le programme. — P., 1981. — P. 147.**
- 176 **Nouvelle revue socialiste. — 1976. — No 19. — P. 6.**
- 177 **Congres de Nante. — P., 1977. — P. 82.**
- 178 **Правда. — 1986. — 10 янв.**
- 179 **Цит. по: Monde diplomatique. — 1985. — Mai. — P. 18.**
- 180 **Цит. по: Monde diplomatique. — 1986. — Sept. — P. 2.**

- ¹⁸¹ Monde. — 1985. — 26 janv. — P. 2.
- ¹⁸² Monde diplomatique. — 1986. — Sept. — P. 2; Charollais F., Ribes I. de. Le défi de l'outre-mer. — P., 1983. — P. 330.
- ¹⁸³ Dumont R. Pour l'Afrique j'accuse. — P., 1986. — P. 418. Jouve E. Le tiers Monde dans la vie internationale. — P., 1983; см. также Социология развития Африки. — М., 1984; Энтин Л. М., Энтин М. Л. Политология развития и освободившиеся страны. — М., 1986. — С. 280.
- ¹⁸⁴ Pisani E. La main et l'outil. — P., 1984. — P. 252.
- ¹⁸⁵ Правда. — 1987. — 10 июня.

Заклучение

- ¹ XXV съезд Французской коммунистической партии. — М., 1985. — С. 50.
- ² См. Humanité. — 1987. — 21 janv.
- ³ См. Humanité-Dimanche. — 1987. — No 104. — 17 avr.
- ⁴ См. Point. — 1987. — No 753. — 23 fevr. — P. 31; Figaro. — 1987. — 21 avr.; Humanité. — 1987. — 22 avr.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	6
1. Особенности	6
2. Роль органов государственного руководства внешней политикой	15
3. Участие политических партий и общественных организаций	21
4. Деятельность научно-исследовательских центров	32
5. Значение прессы	37
Глава II. ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	40
1. Характерные черты	40
2. Варианты „глобальной” теории	45
3. „Частичные” теории	76
Глава III. КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	96
1. Эволюция внешнеполитической доктрины Пятой республики	96
2. Поворот в сторону антисоветизма	114
3. Евroatлантический синтез	125
4. Ядерное мышление	141
5. „Термондизм” и „антитермондизм”	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
ПРИМЕЧАНИЯ	173

монография

Иван Георгиевич Тюлин

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

(Серия: Критика буржуазной идеологии и ревизионизма)

Редактор *Н. Н. Лещева*

Оформление художника *Ф. Г. Миллера*

Художественный редактор *В. П. Григорьев*

Технический редактор *О. В. Кудрявцева*

Корректор *А. А. Волошина*

ИБ № 1357

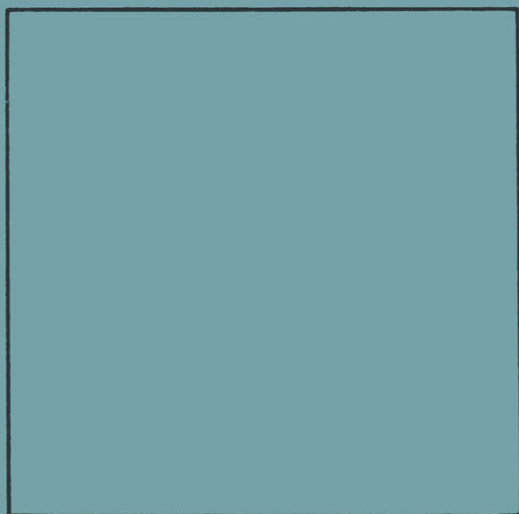
Сдано в набор 03.07.87. Подписано в печать 15.01.88. А 04336.

Формат 84X108¹/₃₂. Бум. офсетная № 2. Гарнитура Прессо-Роман. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 12,32. Тираж 2000 экз. Заказ № 1480. Цена 2 р. 50 к. Изд. № 4-И/87. Издательство „Международные отношения”. 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20. Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

2 р. 50 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА